

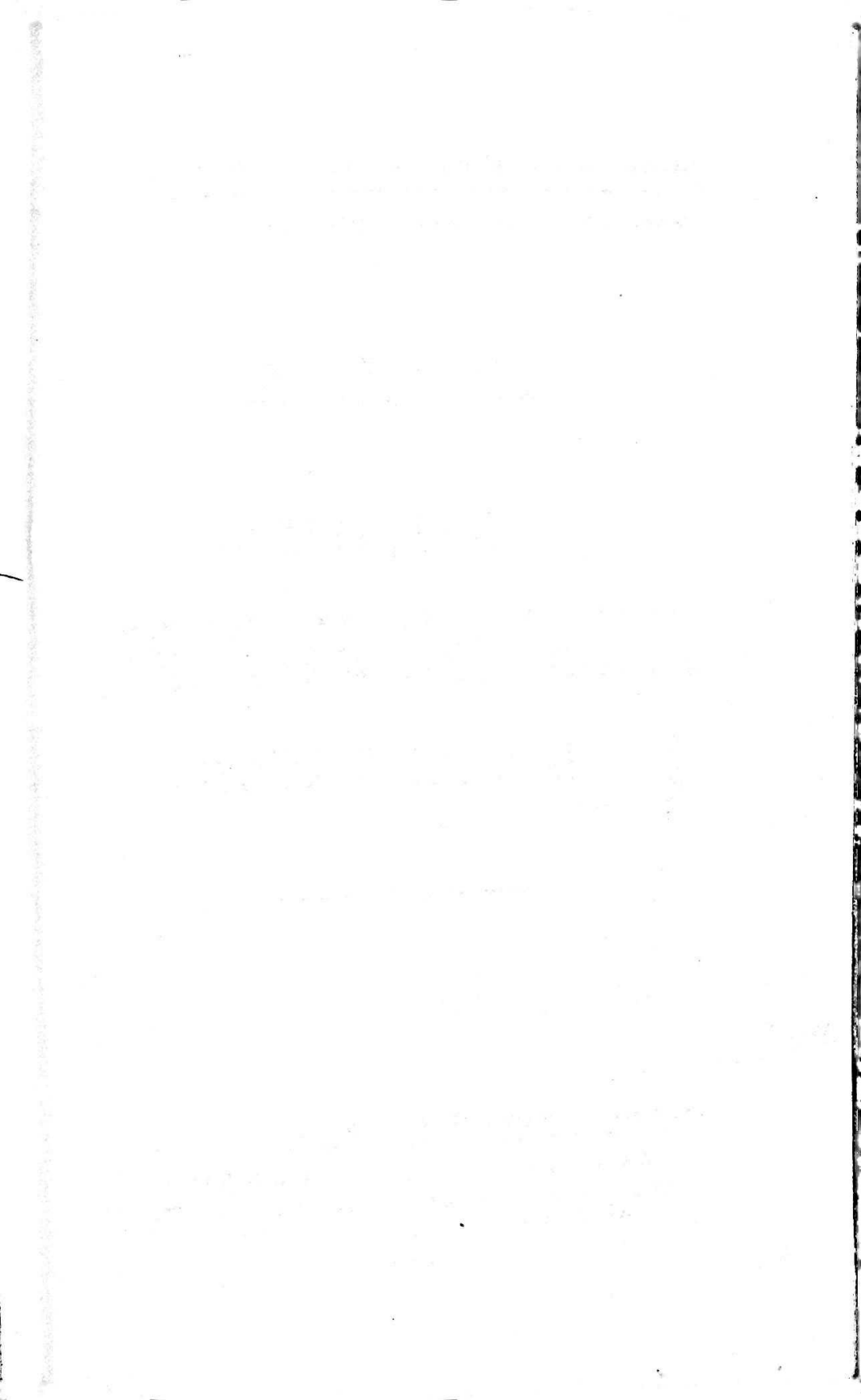
Frwsta

Vand i
Tehnika

Surface!

For brass

Fr. 37-46
62-74
75-96
104-112
123-141
142-148
161-164

Россійская Коммунистическая партія (большеви́ковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. Д. Троцкий.

ГОДЫ
ВЕЛИКАГО ПЕРЕЛОМА.
(ВОЙНА И ТЕХНИКА).

Цѣна 10 руб.

Государственное Издательство.

МОСКВА:

1) Срѣтенка (уг. Рыбникова п.),
д. 8. Тел. 4-70-48; 3-15-00.

ПЕТРОГРАДЪ:

Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27-42.

1919.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
57 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607

EXHIBIT

NO. 1

CHICAGO, ILLINOIS
MAY 15 1964

(EXHIBIT 1)

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
57 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607
MAY 15 1964

Государственное Издательство.

(Бывш. Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“).

МОСКВА:

1) Срѣтенка, (уг. Рыбникова п.),
д. 8. Тел. 3-15-00; 4-70-48.

ПЕТРОГРАДЪ:

1) Поварской п., д. № 2, кв. 9
и 10. Тел. 2-27-42.

- Вогдановъ и Степановъ. Политич. экономія, т. II, вып. I, II и IV (печ.).
Н. Вухаринъ. Программа коммунистовъ. Ц. 1 р. 50 к.
" Классовая борьба и революція въ Россіи. Ц. 8 руб.
" Долой международныхъ разбойниковъ (разошл.).
К. Каутскій. Путь къ власти (печат.).
" Очередныя проблемы международн. социализма. Ц. 15 р.
" Предшественники новѣйшаго социализма. Т. I. Ц. 25 р.
" Этика, наука и жизнь. Ц. 1 р.
" Эрфуртская программа. Ц. 4 р.
М. Павловичъ. Что такое империализмъ. Ц. 3 р.
" Империализмъ и борьба за вел. пути. Цѣна т. I—
3 р. 60 к., т. II—8 руб.
" Французск. империализмъ и экономич. развитіе Фран-
ции въ XX вѣкѣ. Цѣна 2 р.
" Интернаціональ смерти и разрушенія. Ц. 6 р.
" Франція наканунѣ міровой войны. Ц. 4 р. 75 к.
" Милитаризмъ, маринизмъ и современ. война. Ц. 3 р.
Куновъ. Борьба классовъ и партій во франц. революціи. Ц. 50 р.
Ошнскій. Строительство социализма. Ц. 5 р.
Михайловичъ. Крушеніе капитализма (разошл.).
Лукинъ (А. Антоновъ). Церкви и государство. Ц. 90 к.
Лука Матвѣевъ. Очерки войны. Ц. 55 к.
Орскій. Карлъ Марксъ (разошл.).
Брусская. Народное образованіе и демократія. Цѣна 8 руб.
" Вопросы народнаго образованія. Ц. 8 р. 50 к.
Стекловъ. Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельность. Ц. 3 р. 50 к.
" Международная политика рабочаго класса. Ц. 2 р. 30 к.
Черезъ горнило империалистической войны. Сборн. статей. Ц. 75 к.
Троцкий. Октябрьская революція. Ц. 4 р.
" Годы великаго перелома (Война и техника). Цѣна 10 руб.
" Бельгія и Сербія въ войнѣ. Цѣна 6 руб.
" Люди новой и старой эпохи. Цѣна 7 руб.
" Слово русскимъ рабочимъ. Ц. 90 к.
" Трудъ, дисциплина и порядокъ. Ц. 60 к.
" На борьбу съ голодомъ. Ц. 75 к.
Стучка. Народный судъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 3 р.
" Конституція Р. С. Ф. С. Р. Цѣна 2 р.
Ленинъ. Аграрный вопросъ въ Россіи къ концу XIX в.
" Революція и государство. Цѣна 8 р. 50 к.
" Пролетарская революція и ренегатъ Каутскій. Ц. 3 руб.
" Империализмъ, какъ новый этапъ развит. капит. Цѣна 7 р.
" Политич. партія въ Россіи. Ц. 60 к.
" Материализмъ и эмпириокритицизмъ.

Другія работы Л. Д. Троцкаго.

- Рабочее движеніе въ Николаевѣ. Брошюра. Женева. 1900 (?)
Докладъ сибирской делегаціи. Брошюра. Женева. 1903.
Наши политическія задачи. Брошюра. Женева. 1904.
До 9-го января. Брошюра. Женева. 1905.
Парижская коммуна. Предисловіе къ рус. над. „Гражданская война“
К. Маркса. Петербургъ. 1906.
Господинъ Петръ Струве въ политикѣ. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.
Интеллигенція и революція. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.
Наша революція. Книга. Петербургъ. 1906.
Исторія Петерб. Сов. Раб. Депутатовъ 1905 г. (Двѣ статьи въ
сборникѣ). Петерб. 1906.
Въ защиту партіи. Брошюра. Петербургъ. 1907.
Туда и обратно. (Ссылка и побѣгъ). Петербургъ. 1907.
Russland in der Revolution (Нѣмецкая книга о рус. революціи).
Древдонъ 1909.
Книга эта цѣликомъ или частями вышла на чешскомъ, болгар-
скомъ, голландскомъ и др. языкахъ.
Самодержавнѣйшій и православноѣйшій. Памфлетъ, посвященный
Николаю II. Вѣна. 1913.
Der Krieg und die Internationale. (Брошюра, посвященная кризису
II-го Интернационала на нѣмецк. языкѣ). Цюрихъ. 1914.
The Bolsheviki and World peace (Та же брошюра на англ. языкѣ).
Нью-Йоркъ 1917.
Въ плѣну у англичанъ. Брошюра. Петроградъ. 1917.
Программа мира. Брошюра. Петроградъ. 1917.
Та же брошюра была издана на нѣмецкомъ, французскомъ и
английскомъ языкахъ.
Что же дальше? Брошюра, посвященная режиму Керенскаго.
Петербургъ. 1917.
Трудъ, порядокъ, дисциплина. Докладъ. Москва. 1918.
Слово русскимъ рабочимъ и крестьянамъ. Москва. 1918.
На борьбу съ голодомъ. Рѣчь. Москва. 1918.
Статьи въ газетахъ и журналахъ, русскіе и иностранныхъ
„Восточное Обозрѣніе“ (Иркутскъ, 1901—1902); „Искра“ (Лондонъ—
Женева, 1902—1915); „Начало“ (Петербургъ, 1905), „Die Neue Zeit“
(Берлинъ, 1907—1914), „Vorwärts“ (Берлинъ, 1907—1914), „Arbeiter-
Zeitung“ (Вѣна, 1909—1910), „Der Kampf“ (Вѣна, 1910—1914), „Кіев-
ская Мысль“ (Кіевъ, 1907—1916), „Правда“ (Вѣна, 1908—1912),
„Борьба“ (Петерб. 1913) „Голосъ“, „Наше Слово“, „Начало“ (Па-
рижъ, 1914—1916), „Новый Миръ“ (Нью-Йоркъ, 1916—1917) и др.

THE BOARD OF DIRECTORS OF THE
FIRST NATIONAL BANK OF CHICAGO

W. S. TAYLOR
CASHIER

MEMORANDUM

TO THE BOARD OF DIRECTORS

FROM THE CASHIER

10501

RESOLUTION, OCTOBER 1901
APPROVED AND ORDERED
AT A MEETING OF THE BOARD OF DIRECTORS
HOLDEN AT CHICAGO, ILLINOIS
THIS 10TH DAY OF OCTOBER, 1901

Россійская Коммунистическая партія (большевиговъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. Д. Троцкій.

Г О Д Ы
ВЕЛИКАГО ПЕРЕЛОМА.
(ВОЙНА И ТЕХНИКА).

13.391¹

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:

1) Срѣтенка (уг. Рыбникова п.).
д. 3. Тел. 4-70-48; 3-15-00.

ПЕТРОГРАДЪ:

1) Поварской п., д. № 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27-42.

1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Двѣ арміи	7
„Счетте d'usage (Война на истощение)	20
Война и техника	31
Крѣпость или траншея?	47
Годъ войны	54
Имперіалистическая программа	62
„Французская“ программа мира	75
Психологическія загадки войны	97
Психологія военной зоны	104
Траншея	113
Выкинутые изъ военной зоны	123
На новые рельсы	142
Въ вагонѣ. (Рѣчи и мысли)	149

CLAIMS

1. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the dew point of the gas mixture and the dry-bulb temperature of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured dew point and dry-bulb temperature.
2. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb temperature of the gas mixture and the dry-bulb temperature of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb temperature and dry-bulb temperature.
3. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the dry-bulb temperature of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and dry-bulb temperature.
4. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb temperature of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb temperature.
5. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.
6. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.
7. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.
8. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.
9. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.
10. A method of determining the relative humidity of a gas mixture, comprising the steps of measuring the wet-bulb depression of the gas mixture and the wet-bulb depression of the gas mixture, and then determining the relative humidity from the measured wet-bulb depression and wet-bulb depression.

Въ очеркахъ, которые тутъ собраны, сдѣлана попытка оцѣнить войну какъ войну: строеніе ея арміи, шансы побѣды и пораженія, ея технику и методы, ея психологію. Очерки писались въ первые мѣсяцы войны. Кое-что покажется читателю ошибочнымъ, опровергнутымъ дальнѣйшимъ ходомъ событій. Но въ основномъ я не вижу причинъ отказываться отъ сдѣланныхъ здѣсь выводовъ.

Первыя двѣ статьи, писавшіяся въ концѣ 1914 и началѣ 15 года, посвящены доказательству призрачности надеждъ на скорую побѣду того или другого лагеря. Это было время, когда Мелькенбургъ, нынѣшній предсѣдатель берлинскаго Совѣта депутатовъ, заявилъ мнѣ во время бесѣды въ Швейцаріи, что черезъ три—четыре мѣсяца германскія арміи закончатъ свою побѣдоносную работу на западѣ и на востокѣ. Во Франціи въ это время не только продавались лубочныя картинки съ изображеніемъ казаковъ, стучащихся у воротъ Берлина, но и „серьезная“ печать предрекала разгромъ германскаго имперіализма въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Способность трезвой критической оцѣнки сохранили только тѣ, кто не отождествлялъ себя со своимъ національнымъ милитаризмомъ и охранялъ свой мозгъ отъ удушливыхъ газовъ шовинизма. Революціонные интернаціоналисты—тогда еще ничтожное меньшинство во всѣхъ странахъ—не только призывали къ войнѣ противъ имперіализма, но и умѣли совершенно правильно оцѣнить его силу и

слабость, его упорство въ борьбѣ и неизбежную гибель. Марксизмъ, какъ методъ изслѣдованія, никогда не обнаруживалъ своего значенія съ такой побѣдоносной силой, какъ въ эту эпоху величайшихъ потрясеній, когда тысячи патентованныхъ „марксистовъ“ оказались жалкими банкротами.

Л. Троцкий.

Москва.

22 декабря 1918 г.

The first part of the book is devoted to a general introduction to the subject of the history of the world. The author discusses the various theories of the origin of life and the development of the human race. He also touches upon the different stages of civilization and the progress of science and art.

In the second part of the book, the author deals with the history of the world from the beginning of the Christian era to the present day. He covers the major events of the Middle Ages, the Renaissance, and the modern period. He also discusses the different political systems and the development of the modern world.

The third part of the book is devoted to a detailed study of the history of the United States. The author discusses the early years of the country, the American Revolution, and the development of the United States as a nation. He also touches upon the different political parties and the progress of the country.

In the fourth part of the book, the author deals with the history of the world from the beginning of the Christian era to the present day. He covers the major events of the Middle Ages, the Renaissance, and the modern period. He also discusses the different political systems and the development of the modern world.

The fifth part of the book is devoted to a detailed study of the history of the United States. The author discusses the early years of the country, the American Revolution, and the development of the United States as a nation. He also touches upon the different political parties and the progress of the country.

In the sixth part of the book, the author deals with the history of the world from the beginning of the Christian era to the present day. He covers the major events of the Middle Ages, the Renaissance, and the modern period. He also discusses the different political systems and the development of the modern world.

The seventh part of the book is devoted to a detailed study of the history of the United States. The author discusses the early years of the country, the American Revolution, and the development of the United States as a nation. He also touches upon the different political parties and the progress of the country.

Двѣ арміи.

Монотонная жизнь въ траншеяхъ, нарушаемая лишь взрывами бѣшеной пальбы, приводитъ къ бытовому сближенію враговъ, зарывшихся въ землю иногда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ метровъ другъ противъ друга. Вы уже читали, конечно, какъ одна изъ сторонъ подстрѣливаетъ между траншеями зайца и потомъ обмѣниваетъ его на табакъ; какъ французы и баварцы поочередно ходятъ къ единственному ключу за водой, иногда сталкиваются тамъ, обмѣниваются мелкими услугами и даже пьютъ совместно кофе. Случались, наконецъ, и такіе эпизоды, когда баварскіе и французскіе офицеры условливались не мѣшать другъ другу при устройствѣ редутовъ и строго соблюдали уговоръ. Грандіозный нѣмецкій натискъ на Изеръ не далъ результатовъ, стѣна попрежнему стоитъ противъ стѣны, военныя операціи уперлись въ тупикъ, и въ траншеяхъ устанавливается психологія какого-то своеобразнаго перемирія.

Первые три мѣсяца войны я, послѣ вынужденнаго отъѣзда изъ Вѣны, провелъ въ Швейцаріи. Туда безпрепятственно стекались газеты всѣхъ воюющихъ странъ, и это создавало благоприятныя условія для сравнительныхъ наблюденій. И никогда глубокое различіе истори-

ческихъ судебъ Франціи и Германіи не уяснялось мнѣ такъ, какъ въ эти мѣсяцы очной ставки двухъ вооруженныхъ націй на Маасѣ и Изерѣ.

Не нависти къ Франціи въ большой нѣмецкой прессѣ не было, — скорѣе сожалѣніе. Въ концѣ-концовъ, французъ — „добрый малый“, не лишенный вкуса; — *Genussmensch* въ противоположность *Pflichtmensch*у, нѣмцу, — и если бъ онъ не мечталъ о роли великой державы для своей Франціи, если бъ эта Франція не лежала на пути къ Атлантическому океану и главному смертельному врагу нѣмецкаго имперіализма, Англіи, не было бы надобности повторять эксперимента 1870 г., — таково было въ основѣ отношеніе „отвѣтственныхъ“ нѣмецкихъ политиковъ къ Франціи, съ ея приостановившимся ростомъ населенія и задержаннымъ экономическимъ развитіемъ. Военный разгромъ Франціи, какъ и Бельгіи, считался скорѣе „печальной необходимостью“: минуя Францію, нельзя было добраться до Англіи, а кратчайшій путь къ сердцу Франціи шель черезъ Брюссель. Въ сокрушительной побѣдѣ надъ Франціей нѣмецкіе политики сомнѣвались еще меньше, чѣмъ нѣмецкіе стратеги. И первыя недѣли войны, казалось, полностью подтверждали эту увѣренность. Битва на Марнѣ, которая для французской арміи, какъ и для общественнаго мнѣнія Франціи, имѣла рѣшающее значеніе поворотнаго событія, въ глазахъ нѣмцевъ была первое время стратегическимъ эпизодомъ подчиненнаго значенія. И нѣсколькими недѣлями позже, къ тому времени, когда оба непроницаемыхъ фронта, нѣмецкій и французскій, протянулись до побережья Бельгіи, въ Берлинѣ и Лейпцигѣ продолжали появляться въ свѣтъ политическія брошюры, въ которыхъ нерѣдко было встрѣтить фразу: „Когда эти строки выйдутъ изъ-подъ станка, судьба несчастной Франціи будетъ уже рѣшена“...

Не знаю, какъ представлялись вамъ событія изда- лека. Но намъ, наблюдавшимъ событія со швейцарской вышки, дѣйствительно, казалось, послѣ первыхъ собы- тій войны, что циклоническій милитаризмъ Германіи раздавить безопадно французскую республику, какъ онъ раздавилъ Бельгію. Наканунѣ битвы на Марнѣ на- селеніе Франціи пережило „недѣлю великаго страха“. Наяву и во снѣ всѣ видѣли надъ собой пушечный зѣвъ въ 42 сантиметра...

* * *

Нѣмецкій милитаризмъ воплощаетъ въ себѣ всю исто- рію Германіи, во всей ея силѣ и во всей ея слабости. Первое, чѣмъ онъ поразилъ воображеніе, это могуще- ствомъ техники. Тяжелыя орудія, цеппелины, быстро- ходные крейсера, исключительной силы торпеды — все это было бы невозможно безъ того лихорадочнаго ин- дустріальнаго развитія, которое выдвинуло Германію на первое мѣсто среди капиталистическихъ государствъ. Техника старыхъ капиталистическихъ странъ, Англіи и Франціи, чрезвычайно консервативна. Правда, въ области милитаризма самыя консервативныя націи, какъ и самыя отсталыя, проявляли изощренную „чуткость“ ко всякому новому техническому завоеванію. Но въ концѣ-концовъ зависимость военной техники отъ обща- го технически-промышленнаго развитія страны даетъ о себѣ знать со всей силой, качественно, какъ и количе- ственно: діаметромъ орудій; числомъ снарядовъ, кото- рые страна можетъ воспроизвести въ единицу времени; массой солдатъ, которыхъ она можетъ въ кратчайшій срокъ перекинуть съ одного пункта своей территоріи на другую. Приведенная въ движеніе чудовищная ма- шина нѣмецкаго милитаризма не могла не обнаружить, что она соединена приводными ремнями съ самой со- вершенной капиталистической техникой.

Однако милитаризмъ,—это не только пушки, прожекторы и блиндированные автомобили;—это, прежде всего, люди. Они убиваютъ и умираютъ, они приводятъ въ движеніе весь механизмъ войны, и они дѣлаютъ это съ тѣмъ ббльшимъ успѣхомъ, чѣмъ тѣснѣе они внѣ милитаризма, въ нормальныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, связаны съ капиталистической техникой.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ нѣмецкой печати велась горячая полемика по вопросу о вліяніи промышленнаго развитія страны на ея военную мощь. Аграрно-реакціонные писатели доказывали, какъ водится, что ростъ индустріи, вызывающей обезлюденіе деревень, подрываетъ самыя основы милитаризма, который-де въ первую голову опирается на здоровое, патриархальное, благочестивое и патриотическое крестьянство. Въ противовѣсъ этому школа Луйо Брентано доказывала, что только въ лицѣ пролетаріата капитализмъ создаетъ кадры новой арміи; самъ Брентано ссылался, между прочимъ, на то, что уже въ войнѣ 1870 г. лучшими полками считались вестфальскіе, набранные изъ чисто-рабочихъ округовъ. Лично мнѣ на Балканахъ не разъ приходилось слышать отъ наблюдательныхъ офицеровъ, что рабочіе-солдаты не только интеллигентнѣе крестьянъ и легче ориентируются въ условіяхъ, но и гораздо выносливѣе ихъ, не такъ жестоко тоскуютъ по „кучѣ“ и не такъ скоро падаютъ духомъ при физическихъ лишеніяхъ. Несомнѣнно, что техническія качества нѣмецкаго рабочаго, его исполнительность и дисциплинированность являются важнѣйшей составной частью нѣмецкаго милитаризма. Что приспособленіе человѣческаго матеріала къ потребностямъ прусскаго милитаризма совершается не безъ затрудненій, видно хотя бы изъ того, что процентъ самоубійствъ въ нѣмецкой казармѣ въ два раза выше, чѣмъ во французской. Но такъ или

иначе, необходимый результат достигается, и известный нѣмецкій социаль-либераль, бывшій пасторъ Фридрихъ Науманъ, могъ съ известнымъ правомъ писать въ своемъ недавно выпедшемъ памфлетѣ, что „народъ желѣза, техники, организаціи и математики все еще остается старымъ, вѣрнымъ народомъ безусловнаго личнаго подчиненія“.

На ряду съ техникой и дисциплинированной солдатской массой стоитъ еще одинъ факторъ нѣмецкаго милитаризма—третій, но не послѣдній по значенію: прусское офицерство. „Первая часть арміи, — сказалъ въ своей патріотической рѣчи въ Берлинѣ консервативный профессоръ Гансъ Дельбрюкъ, — это тѣ люди, которые избрали воинское дѣло своимъ жизненнымъ призваніемъ, всю свою жизнь не дѣлаютъ ничего иного и ни о чемъ иномъ не помышляютъ, кромѣ подготовки къ войнѣ, изучаютъ ея искусство, ея теорію и практику, только въ этомъ направленіи работаютъ и всецѣло живутъ въ воинскомъ понятіи чести—это офицерскій корпусъ“. О генералѣ Гинденбургѣ нѣмецкая пресса рассказывала слѣдующій любопытный анекдотъ. Четверть вѣка тому назадъ, когда Гинденбургъ стоялъ со своимъ полкомъ въ какомъ-то захолустьи, мѣстныя дамы обратились къ нему съ просьбой дать свое имя для благотворительнаго литературно-музыкальнаго вечера. Гинденбургъ рѣшительно отказался на томъ основаніи, что съ кадетской скамьи онъ не слушалъ никакой музыки и не читалъ никакихъ литературныхъ произведеній, отдавая все свое время подготовкѣ къ будущей войнѣ. Именно поэтому, надо полагать, кенигсбергскій университетъ избралъ генерала Гинденбурга докторомъ всѣхъ четырехъ факультетовъ...

На офицерскомъ корпусѣ, насквозь пропитанномъ феодальными возрѣвнiями и тѣсно спаянномъ духомъ

кастовой исключительности, держится вся организация нѣмецкой арміи. Остѣ-эльбскій офицеръ, отпрыскъ юнкерской семьи, создаетъ фізіономію нѣмецкаго милитаризма. Милліоны интеллигентныхъ солдатъ и могущественная техника—только матеріаль въ его рукахъ. Когда сосѣднія страны стали воспринимать у Пруссіи составные элементы ея военной организаціи, Бисмаркъ сказалъ съ самодовольной ироніей: „Они многое могутъ сдѣлать у себя по нашему образцу, но прусскаго лейтенанта имъ не сдѣлать никогда!“ Прусскаго лейтенанта сдѣлала нѣмецкая исторія.

„Старѣйшая германская военная организація, — говоритъ Дельбрюкъ, — опиралась на княжескую свиту изъ особо избранныхъ воиновъ и на воинственную массу, охватывавшую весь народъ. Это мы имѣемъ теперь снова. Какъ измѣнились формы сраженій по сравненію съ тѣмъ, какъ сражались наши предки въ Тевтобургскомъ лѣсу! Чудесная техника современныхъ ружей и маузеровъ, и это чудесное соподчиненіе неисчислимыхъ массъ, — а въ основѣ все та же военная организація: воинскій духъ, въ высшей мѣрѣ развитый и напряженный въ цѣлой корпораціи, которая въ старину была мала, а нынѣ охватываетъ многія тысячи, связывая ихъ вѣрностью своему высшему вождю, который видитъ въ ней попрежнему свою личную дружину (офицерство!), а весь народъ стоитъ подъ ея руководствомъ, ея воспитанъ, сю удерживается въ состояніи дисциплины. Здѣсь тайна воинственнаго характера нѣмецкаго народа“. „Тайна“ нѣмецкаго милитаризма въ соединеніи политической и военной диктатуры юнкерства съ непримѣрнымъ развитіемъ капитализма.

Германія — страна безъ революціонныхъ традицій. Буржуазія пришла слишкомъ поздно, чтобы серьезно тягаться съ силами стараго общества. Послѣ скромнаго

опыта 1848 г. она предоставила Бисмарку при помощи прусской армии объединять отечество. Чисто-феодалное юнкерство было призвано для разрѣшенія задачъ капиталистическаго развитія и получило въ свои руки всѣ ресурсы буржуазнаго общества. Послѣ войнъ 1864—66—70 гг. остъ-эльбскіе феодалы пересѣли изъ прусскаго сѣдла въ общеимперское. Либеральная буржуазія не переходила границъ „отвѣтственной“ оппозиціи, разъ навсегда предоставивъ юнкерству наводить порядокъ въ капиталистическомъ обществѣ и распоряжаться его военными силами. Наконецъ, когда капиталистическое развитіе поставило нѣмецкую буржуазію передъ новыми задачами мірового характера, она попрежнему предоставила сплоченному вокругъ монархіи юнкерству вести вооруженную націю. Въ свою новую историческую роль нѣмецкое дворянство внесло всѣ свои наслѣдственные черты: беспощадность въ преслѣдованіи цѣлей, готовность въ критическую минуту швырнуть на чашу вѣсовъ сотни тысячъ и милліоны человѣческихъ жизней, сокрушающій натискъ въ политикѣ и въ стратегіи, какъ методъ класса, который въ теченіе поколѣній привыкъ властвовать и повелѣвать.

Военная организація Германіи, корнями своими уходящая въ Тевтобургскій лѣсъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ нынѣшнимъ строемъ германскаго государства. Въ совокупности своей они образуютъ феодальную башню на капиталистическомъ фундаментѣ.

* * *

Совсѣмъ иное дѣло Франція. Ея соціальный и государственный строй прошелъ черезъ рядъ революціонныхъ потрясеній. Республиканскій режимъ, какъ бы ни были сильны въ немъ наслѣдія дореволюціонной и бонапартистской Франціи, основанъ на критикѣ, представительствѣ,

организованномъ контролѣ и постольку свободенъ отъ „мистическихъ“ атрибутовъ феодальной государственности. Постоянная армія не совмѣстима съ режимомъ политической демократіи, или, иначе сказать, въ условіяхъ республиканскаго режима постоянная армія, съ ея авторитарными тенденціями, остается инороднымъ тѣломъ, существованіе котораго можетъ поддерживаться только рядомъ внутреннихъ кризисовъ. Мелкобуржуазный радикализмъ, отстаивая противъ роялистовъ республику, не считалъ однакоже возможнымъ отказаться отъ постоянной арміи, какъ основной гарантіи „порядка“. Офицерскій корпусъ, подчиненный военному министру изъ адвокатовъ или журналистовъ, чувствовалъ себя сиротливо безъ должнаго увѣнчанія. Въ результатѣ получался порядокъ, который Жоресъ въ своей извѣстной книгѣ „L'armée nouvelle“ назвалъ „le régime bâtard“, — батардный режимъ, въ которомъ пережившія себя и новообразующіяся формы, сталкиваясь, нейтрализуютъ другъ друга.

Съ какимъ восторгомъ писалъ французскій отставной майоръ Дріанъ, бонапартистъ, о нѣмецкой арміи, которую онъ близко наблюдалъ во время большихъ маневровъ! Съ какой законченностью тамъ проведены всѣ военныя градаціи! Какой повелительный характеръ имѣетъ военная дисциплина! Французское офицерство расколото, молъ, борьбой монархистовъ съ франкмасонами, а нѣмецкое пропитано насквозь однимъ и тѣмъ же духомъ наступленія! Какъ властно выглядитъ Вильгельмъ II въ бѣлой гусарской формѣ—„самоѣ прекрасной и величественной изъ всѣхъ формъ міра“—съ маршальскимъ жезломъ, въ кругу своего офицерства, этой „широкой семьи Гогенцоллерновъ“! Наконецъ, къ ужасу этого восторженнаго майора Дріана, франкмасоны провели отдѣленіе государства отъ церкви и тѣмъ лишили армію надежнѣйшаго психологическаго цемента—религіи.

Единомышленники майора Дриана стремились политической режимъ Франціи подчинить потребностямъ постоянной арміи; Жоресъ требовалъ, чтобы Франція привела свою армію въ соотвѣтствіе со своимъ республиканскимъ режимомъ. Онъ доказывалъ, что отвѣчающую ей политической природѣ организацію національной обороны демократія можетъ найти только въ милиціи. Нынѣшній министръ общественныхъ работъ Самба (Sembat) выпустилъ въ прошломъ году книгу подъ краснорѣчивымъ заглавіемъ: „Сдѣлайте короля или сдѣлайте миръ!“. — Если Франція хочетъ въ своей арміи имѣть послушный инструментъ импералистической политики завоеваній, тогда дайте арміи королевское уваженіе. Если же страна хочетъ имѣть въ своей арміи орудіе національной обороны, тогда сведите къ минимуму срокъ военной службы, превратите постоянные кадры въ подготовительную военную школу, а самую армію растворите въ такъ называемыхъ резервахъ.

Жоресъ предсказывалъ, что Франція не удержится на двухлѣтнемъ срокѣ службы: она должна будетъ либо сдѣлать шагъ впередъ, въ сторону рѣшительной демократизаціи своей военной организаціи, либо вернуться вспять, къ болѣе замкнутому типу постоянной арміи. Сторонники трехлѣтней службы представляли себѣ ближайшую войну въ видѣ бурной схватки — *l'attaque brusquée*, — гдѣ побѣда остается за той стороною, которая въ первый или во второй день мобилизаціи имѣетъ лишнихъ 200 тысячъ солдатъ подъ знаменами. Сторонники двухлѣтней службы рисовали себѣ войну въ видѣ затяжного процесса, исходъ котораго опредѣляется въ концѣ-концовъ тяжелыми массами резервовъ. Объ этихъ двухъ концепціяхъ войны говорилъ здѣсь радикальный профессоръ *Painlevé* въ своей лекціи „Война и республиканскій идеалъ“, читанной на-дняхъ въ высшей

школъ соціальныхъ наукъ. Теперь не можетъ уже быть спора о томъ, какая изъ этихъ двухъ концепцій нашла свое подтвержденіе въ событіяхъ войны.

Вся нѣмецкая стратегія построена на наступленіи. Это отвѣчаетъ основнымъ условіямъ соціальнаго развитія Германіи: быстрому приросту населенія и богатства, съ одной стороны, отсталости государственнаго строя — съ другой. Нѣмецкое юнкерство имѣетъ „волю къ власти“, а въ распоряженіе этой воли нація предоставляетъ самую высокую технику и квалифицированный человѣческій матеріалъ.

Наоборотъ, французская стратегія уже въ сущности при Наполеонѣ III, а особенно послѣ войны 1870—71 гг. фатально сдвигалась на путь обороны. Вся система французскихъ крѣпостей, принятая послѣ франко-прусской войны комитетомъ обороны по предложенію генерала Ривьера и только наполовину выполненная, подчинена, какъ показываетъ уже самое имя комитета, соображеніямъ національной обороны. Мелкобуржуазный и крайне консервативный экономическій укладъ страны не даетъ мѣста империалистическимъ вождедѣніямъ міроваго размаха. Приостановившійся ростъ населенія заставляетъ крайне бережно относиться къ человѣческому матеріалу. Наконецъ, и вершители французскихъ судебъ, сами вышедшіе въ большинствѣ случаевъ изъ мелкобуржуазной среды, больше склонны разсчитывать на размахъ внѣшней политики своихъ союзниковъ, чѣмъ своей собственной.

Въ первый мѣсяцъ войны нѣмецкая армія показала всю силу своей наступательной потенціи. Франція оказалась „неподготовленной“. Война застала ее въ процессѣ перехода къ трехлѣтней службѣ, когда старое ломалось, а новое еще не было создано. Организационная сторона дѣла, согласно добрымъ французскимъ

традиціямъ, оказалась изъ рукъ вонъ плоха. Послѣ взятія нѣмцами Льежа, Намюра, Мобежа и слѣдшаго отступленія французской арміи на югъ казалось, что циклопы-пруссаки, со своими 42-сантиметровыми маузерами на спинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пересѣкутъ семимильными шагами всю Францію. Такова была прежде всего надежда самихъ нѣмцевъ. Они явно рассчитывали на то, что отброшенная ими на югъ армія, внутренне подкошенная, способна будетъ только увеличить собою безъ нужды парижскій гарнизонъ. Между тѣмъ французская армія вышла въ поле. Битва на Марнѣ преодолѣла инерцію нѣмецкаго наступленія. Стѣна стала противъ стѣны. Попытки взаимнаго обхода на сѣверномъ флангѣ привели только къ тому, что стѣна протянулась до бельгійскаго побережья. И вотъ въ теченіе долгаго ряда недѣль ни тяжелая нѣмецкая артиллерія, ни преимущества нѣмецкой организаціи, ни готовность нѣмецкихъ стратеговъ оплачивать неисчислимыми жертвами каждый шагъ впередъ не приводятъ ни къ чему. „Et la, muraille tenait toujours“, подъ такимъ заголовкомъ появляются въ газетѣ Эрве ежедневные бюллетени генеральнаго штаба.

Въ первый періодъ войны стратегическія операціи должны были вытекать изъ самостоятельной инициативы, каждаго изъ участниковъ той страшной шахматной партіи, которая разыгрывается сейчасъ на поляхъ нашей несчастной Европы. И всѣ противорѣчія французской военной организаціи, всѣ тренія ея съ политическимъ режимомъ республики, вся организаціонная халатность государственнаго хозяйства, въ которомъ многое начато, но почти ничто не доведено до конца, сразу выступили наружу и, казалось, поставили на карту самое существованіе Франціи. Но именно въ этомъ было спасеніе. Всѣ внутреннія тренія были преодолены созна-

неимъ той непосредственной опасности, какая угрожаетъ странѣ. Всѣ несовершенства систематической подготовки были покрыты тѣмъ даромъ импровизаціи, который въ такой высокой мѣрѣ свойственъ французамъ. По своему духу, по своимъ внутреннимъ отношеніямъ, по той атмосферѣ, которая окружила ее, французская армія превратилась фактически въ милицію, въ организацию національной самообороны *par excellence*. Всѣ теоріи военныхъ рутинеровъ, выдвигавшіяся въ защиту трехлѣтняго срока службы, потерпѣли полное крушеніе. За гробомъ Жанъ Жоресъ торжествуетъ побѣду надъ Жозефомъ Рейнахомъ,—если бъ только обстановка національной жизни позволяла говорить о „торжествѣ“.

Тѣ обстоятельства, которыя возродили французскую армію, должны были, наоборотъ, внести ферментъ разложенія въ нѣмецкую армію на западномъ театрѣ. Пока она двигалась по Бельгіи и сѣверной Франціи, какъ ядро, выпущенное изъ пушки, динамика движенія не оставляла мѣста для работы мысли и критики. Пролетарскіе корпуса подъ юнкерской командой превратились въ цѣлостный организмъ большой силы. Но движеніе его приостановлено. Война превратилась въ позиціонную, стѣна противъ стѣны. *Et la muraille tenait toujours*. Французы закопались въ своей землѣ и защищаютъ ее. Нѣмцы приостановлены въ своемъ движеніи по чужой землѣ. Жизнь въ траншеяхъ страннымъ образомъ сближаетъ ихъ съ врагомъ, защищающимъ свою землю. Вотъ уже больше недѣли, какъ военныя дѣйствія на большей части линіи почти приостановлены. И тотъ подстрѣленный заяцъ, котораго нѣмецкіе солдаты обмѣниваютъ на табакъ, свидѣтельствуетъ, что стихійная сила нѣмецкаго натиска на Францію сломлена.

Но это вовсе не значить, что здѣсь сломлена сила нѣмецкой арміи. Весь образъ дѣйствій генерала Жоф-

фра показываетъ, что онъ не питаетъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій. Если бы французская армія перешла къ рѣшительному наступленію и если бъ это наступленіе увѣячалось на первыхъ шагахъ успѣхомъ, нѣмцы въ оборонѣ приобрѣтали бы снова всѣ тѣ преимущества, которыя они утратили въ наступленіи. Вотъ почему стѣна неподвижно стоитъ противъ стѣны, а въ Парижѣ установилось настроеніе спокойной безвыходности, именно потому спокойной, что это—безвыходность для обѣихъ сторонъ.

Парижъ. Декабрь 1914 г.

„Guerre d'usure“ (Война на истощение).

Ни на одномъ изъ театровъ военныхъ дѣйствій ни одной изъ сторонъ еще не достигнуты рѣшающіе результаты. Нѣтъ еще побѣдителей. Никто еще не потерпѣлъ пораженія. Никто, кромѣ военной рутины. Зато крушеніе этой послѣдней выступаетъ съ такой яркостью, что отрицать его могутъ развѣ только милитаристы-бурбоны, тѣ, которые, подобно Бурбонамъ старой Франціи, не умѣютъ забывать и неспособны научиться.

Убѣжденіе, будто армію составляютъ ея регулярные кадры, а вся остальная масса взрослога мужского населенія представляетъ собою только сырой или полуобработанный матеріалъ, играющій второстепенную роль резерва, запаса, — это убѣжденіе, представляющее собою компромиссъ между идеей профѣссиональной арміи стараго типа и принципомъ всеобщей воинской повинности, оказалось въ корнѣ несостоятельнымъ. Подлинную дѣйствующую армію, ту, которая рѣшаетъ участь не схватокъ и сраженій, а участь войны и страны, образуютъ именно такъ называемые резервы.

Нѣмецкая стратегія, сочетающая феодальные приемы мысли съ капиталистическими ресурсами, цѣликомъ построена на планѣ бурнаго натиска, на сокрушающей силѣ перваго удара. Этому плану подчинена была вся организація нѣмецкой арміи — наиболѣе совершенный въ своемъ родѣ механизмъ. Въ первыя недѣли войны могло казаться, что стратегія сокрушенія оправдала себя. Но современную большую націю, съ ея огромными матеріальными ресурсами, съ ея многомилліоннымъ

инициативнымъ и интеллигентнымъ населеніемъ, нельзя принудить къ капитуляціи при помощи натиска нѣсколькихъ сотъ тысячъ хорошо вооруженныхъ человѣкъ. Атакуемая страна всегда найдетъ возможность собрать подъ самыми жестокими ударами свои основныя силы, резервы, и чѣмъ больше атакующая переноситъ центръ тяжести на оффензиву во что бы то ни стало, тѣмъ скорѣе сотрутся уже въ первыхъ сраженіяхъ регулярныя войска — задолго до того, какъ дѣло дойдетъ до рѣшающихъ военныхъ событій. Крушеніе германскаго плана по отношенію къ Франціи — взять ее въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мѣсяца-двухъ соединенными силами человѣческой лавины, маузеровъ, блиндированныхъ автомобилей и цеппелиновъ — явилось крахомъ военной рутины, даже вооруженной лучшими въ мірѣ орудіями истребленія.

Если тѣмъ не менѣе Германія завладѣла наиболѣе промышленными и богатыми провинціями Франціи, то причину нужно искать въ томъ, что нѣмецкой военной рутинѣ пришла на помощь французская рутина. Наперекоръ основнымъ условіямъ своего существованія: относительной малочисленности населенія, экономическому застою и демократическимъ формамъ государственнаго строя, третья республика тянулась изо всѣхъ силъ, чтобы сравнить свои регулярные кадры съ германскими. Она могла достигать этого только за счетъ оборудованія резервовъ. Чѣмъ большую часть военно-обученной мужской молодежи она удерживала подъ знаменами и чѣмъ дольше она ее удерживала, тѣмъ меньше силъ и средствъ она могла расходовать на подготовку и всестороннее оборудованіе резервовъ. Это несоотвѣтствіе между характеромъ французской арміи и социальными условіями существованія французской націи и обнаружилось столь катастрофически въ первую эпоху

кампаніи. Нетерпѣливо требуя, чтобы Англія какъ можно скорѣе переправила черезъ каналъ свою импровизированную армію, и досадуя на ея чрезмѣрную методичность, французскіе военные и политики тѣмъ самымъ цѣликомъ осуждаютъ свою послѣднюю контръ-реформу, возвратъ къ трехлѣтнему сроку службы, и самый организаціонный принципъ, который силу арміи видитъ въ ея постоянныхъ кадрахъ, тогда какъ по существу дѣла они являются только военной школой,—дѣйствительная же армія во время испытанія цѣликомъ растворяется въ резервахъ. „Въ настоящее время,—говоритъ одинъ военный писатель,—Германія находится (въ вопросѣ о постоянныхъ кадрахъ и вновь создаваемыхъ войскахъ) въ томъ же положеніи, что и Англія. Германія также не можетъ усилить свои боевые ряды иначе, какъ посредствомъ армій, наново организованныхъ. Преимущества, какія она извлекала изъ своей очень сильной организаціи мирнаго времени, исчезли, и сейчасъ не приходится спрашивать, чего стоятъ солдаты, ибо импровизація стала теперь правиломъ повсюду, спрашивать приходится, чего стоятъ люди (*les individus*)“. Другими словами: дальнѣйшій ходъ битвъ не будетъ даже и въ малой мѣрѣ опредѣляться казарменной выучкой мирнаго времени, а лишь общимъ уровнемъ развитія того человѣческаго матеріала, изъ котораго теперь строятся новыя боевыя единицы.

Стратегія сокрушенія, рассчитанная главнымъ образомъ на регулярные кадры, быстро исчерпала себя, не давъ рѣшительныхъ результатовъ. Послѣ первыхъ передвиженій и боевъ съ обѣихъ сторонъ опредѣлились устойчивыя позиціи. Спасаясь отъ разрушительной силы орудій, обѣ арміи закопались въ землю. Въ частности французы успѣли задѣлать наиболѣе зіяющія прорѣхи своей военной подготовки. Мѣсто *attaque brusquée* за-

няла *guerre d'usure*, мѣсто стратегіи *сокрушенія* — стратегія *истощенія*.

Это опредѣленіе, *guerre d'usure*, близко подходящее къ русскому выраженію „изморъ“, было одно время очень популярнымъ отвѣтомъ на вопросъ, что будетъ дальше. Когда говорилось, что нѣмцевъ возьмутъ изморомъ, то понимали это очень широко. Сюда входило не только постепенное обезсиленіе нѣмецкой арміи, но и прежде всего хозяйственное истощеніе страны. Дѣйствительность принесла въ этомъ отношеніи жестокія разочарованія. Во-первыхъ, она напомнила, что Германія — третья въ мірѣ земледѣльческая страна; во-вторыхъ, что торговля въ военное время, какъ и въ мирное, слѣдуетъ не по указкѣ дипломатовъ и не по линіи національныхъ симпатій, а по линіи максимальнаго барыша. Вывозъ Соединенныхъ Штатовъ въ Европу и цифры транзитной торговли скандинавскихъ странъ, Италіи и Швейцаріи доказываютъ это, какъ нельзя лучше. Наконецъ, нота правительства Вудро Вильсона совершенно разрушила иллюзіи насчетъ возможности дѣйствительной торговой блокады Германіи и Австріи. Остается чисто-военное истощеніе. Но по этому поводу Клемансо писалъ: „Мы были бы просто ребятами, если бы стали думать, что можемъ вѣчно цѣпляться за эту пресловутую *guerre d'usure*, которая насъ истощаетъ одновременно съ врагомъ“. Нельзя ни на минуту забывать, что тяжесть военныхъ операцій на западномъ фронтѣ лежитъ сейчасъ цѣликомъ на французской арміи. Бельгійцы, принявшіе на себя первые удары, потерпѣли еще въ началѣ кампаніи страшный уронъ. Послѣ взятія Льежа и Намюра они были вовлечены въ трагическое отступленіе отъ Шарльруа и принимали участіе въ битвѣ на Марнѣ. вмѣстѣ съ остатками антверпенскаго гарнизона бельгійская полевая армія жестоко пострадала во фландрскихъ

бояхъ. Сейчасъ остатки ея занимають позиціи на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на той небольшой части бельгійскаго побережья, которая не захвачена нѣмцами. По частнымъ свѣдѣніямъ, находящимъ свое подтвержденіе въ швейцарской печати, бельгійская армія насчитываетъ въ настоящее время не болѣе тридцати тысячъ чело- вѣкъ. Обычныя представленія о численности англійскаго экспедиціоннаго отряда также крайне преувеличены. Армія генерала Френча, какъ миѣ сообщали освѣдомленныя лица, врядъ ли достигаетъ сейчасъ четверти милліона душъ, вѣрнѣе, не превышаетъ двухсотъ тысячъ. Ея сила—въ постоянномъ притокѣ подкрѣпленій, кото- рый поддерживаетъ ея численность и моральное само- чувствіе на одномъ и томъ же уровнѣ. Къ англичанамъ нужно прибавить еще около 30.000 индусовъ. На дняхъ въ Марсель прибылъ новый индусскій отрядъ. Во вся- комъ случаѣ англійскіе и бельгійскіе полки составляютъ вмѣстѣ никакъ не больше *шестой части* всей союзной арміи, состоящей подъ верховнымъ командованіемъ Жоффра.

Каковы же дальнѣйшія возможности и перспективы? Декабрьская попытка Жоффра, сдѣланная, повиди- мому, подъ политическимъ давленіемъ — ее приводятъ, на примѣръ, въ связь съ предстоявшимъ тогда открытіемъ парламента—попытка перейти въ наступленіе по всей линіи привела къ такимъ скромнымъ успѣхамъ, кото- рыхъ нельзя даже отмѣтить ногтемъ на стѣнной картѣ. Генеральное наступленіе свелось на практикѣ къ уси- ленному ошупыванію всего фронта, утопающаго сейчасъ, особенно во Фландріи, въ непролазной грязи. Съ дру- гой стороны, всѣ свѣдѣнія, какія имѣются здѣсь о нѣ- мѣцкихъ подготовительныхъ операціяхъ, свидѣтельствуютъ, что и противникъ видитъ себя вынужденнымъ ограничиваться въ теченіе ближайшихъ зимнихъ мѣся-

цевъ чисто оборонительными дѣйствіями, сосредоточивая силы къ веснѣ для новаго рѣшительнаго наступленія, очевидно, главнымъ образомъ на Дюнкирхенъ и Па-де-Калѣ. Во всякомъ случаѣ силы обѣихъ армій сейчасъ настолько опредѣлились, контактъ между ними настолько непрерывенъ, возможность развѣдокъ настолько разностороння и широка, что ожидать какихъ-либо внезапныхъ событій нѣтъ никакихъ основаній.

Правда, есть еще одинъ факторъ первостепенной важности, который не поддается предварительному учету: это моральный факторъ, настроеніе солдатъ на обѣихъ линіяхъ траншей. По этому поводу швейцарскій полковникъ Фейлеръ, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ военныхъ критиковъ, писалъ: „Часто оффензива, которая является внѣшнимъ средствомъ побѣды, оказывается только ея подтвержденіемъ. Борьба изморомъ уже достигла побѣды. Она деморализовала противника, т.-е. сломала его волю. Тѣмъ не менѣе противникъ остается на мѣстѣ неподвижно. Оффензива вынуждаетъ его къ отвѣту; который, въ состояніи деморализаціи, можетъ быть только бѣгствомъ и сдачей. Возстановленіе моральнаго равновѣсія до такой реакціи возможно только путемъ привлеченія свѣжаго войска; т.-е. нетронутыхъ нервовъ силъ. Траншейная война въ значительной мѣрѣ затрудняетъ оцѣнку степени деморализаціи врага и предварительный учетъ возможной реакціи съ его стороны. Причина проста. Бѣгство деморализованнаго невозможно: оно почти равносильно смерти, потому что связано съ необходимостью выскочить на глазахъ врага изъ траншеи, прежде чѣмъ пуститься во всѣ ноги. Но вѣдь бѣгутъ именно для того, чтобы избѣжать смерти. Если бѣгство увеличиваетъ рискъ, оно становится плохой спекуляціей. Приходится оставаться въ траншеѣ. Сдача становится тогда главной реакціей деморализованнаго.

Но такъ какъ деморализованность врага проявляется въ инертномъ бездѣйствіи, то нападающій долженъ поддаться до края канавы, рискуя провалиться въ нее, чтобы спровоцировать или просто констатировать желательную реакцію. Ясно, насколько сегодня труднѣе побѣдить или, точнѣе, констатировать побѣду. Въ былое время, во время красивыхъ атакъ на болѣе или менѣе открытомъ полѣ, длинныя линіи стрѣлковъ, многочисленныхъ и спаянныхъ общимъ усиліемъ, со слѣдующими за ними резервами, готовыми замѣнить ихъ въ общемъ натискѣ, однимъ своимъ видомъ устрашали уже дрогнувшаго противника, охваченнаго впечатлѣніемъ неудержимаго натиска. Онъ не ждалъ до конца. За сто метровъ, за двѣсти онъ покидалъ свою позицію, обнаруживая наступающему уже одержанную побѣду. Предварительная борьба изморомъ подготавливала для этого почву. Деморализація сразу охватывала души. Атака была лишь конечнымъ моментомъ. Ничего подобнаго передъ траншеей. За сто метровъ, за двѣсти никакой внѣшней признакъ не обнаруживаетъ правды. Развѣ не такъ же оживленно стрѣляетъ артиллерія? Ослабленіе стрѣльбы можетъ быть ловушкой. Что думать? Можно ли надѣяться на побѣду? Нужно ли опасаться контръ-атаки? Проявится ли реакція въ формѣ деморализаціи и инерціи? Не окажется ли какая-либо часть сопротивленія?.. Траншея сохраняетъ свою тайну. Чтобы раскрыть ее, вужно приблизиться къ траншеѣ съ гранатой въ рукѣ и со штыкомъ на дулѣ“.

Эти яркія строки были написаны незадолго до попытки Жоффра перейти въ генеральное наступленіе (17 декабря нов. ст.), и эта эмпирическая провѣрка психологическихъ соображеній Фейлера показала, что авторитетный военный писатель либо переоцѣнилъ уже достигнутую степень разложенія нѣмецкой траншеи,

либо недооцѣнилъ силу утомленія французской траншеи. Совершенно неоспоримо, что отъ того духа самоувѣренности и натиска, какимъ нѣмецкая армія была объята до битвы на Марнѣ и даже еще до битвы на Изерѣ, сейчасъ не осталось и слѣда. Но этотъ результатъ былъ оплаченъ цѣною глубокаго утомленія французской арміи. *Guegue d'usure* истощаетъ обѣ стороны.

Фронтъ, протянувшійся на 400 километровъ, отъ моря до швейцарской границы, даетъ картину устойчиваго равновѣсія силъ, уже неспособныхъ на рѣшительную инициативу, но готовыхъ со всей силой косности отстаивать занимаемая позиція. Къ веснѣ обѣ арміи будутъ еще болѣе истощены,—одна только непрерывная артиллерійская пальба дѣйствуетъ крайне разрушительно на нервы!—и нарушить установившееся равновѣсіе могли бы только свѣжія силы. Дѣло идетъ не о тѣхъ резервахъ, которые пополняютъ открывающіяся въ арміи бреши,—дѣло идетъ о новыхъ, свѣже-сформированныхъ арміяхъ, которыя должны быть весной брошены на чашу вѣсовъ.

Каковы же еще неисчерпанные ресурсы Германіи?

Вамъ, разумѣется, были въ свое время сообщены вычисления полковника Репингтона, военнаго спеціалиста „Times“, который пришелъ къ пессимистическому выводу, что противникъ въ силахъ выставить еще 4 милліона свѣжихъ солдатъ, изъ нихъ около двухъ милліоновъ въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ и ниже, и два милліона изъ ландвера и ландштурма. Эти цифры, тревожно воспроизведенныя всей прессой, сильно поразили французское общественное мнѣніе. Послѣдніе дни стали появляться опроверженія. Первое исходило отъ полковника Фейлера: онъ уменьшилъ цифру Репингтона на 1 милліонъ. Военный критикъ „Information“ далъ статью подъ заголовкомъ: „У Германіи нѣтъ болѣе резервовъ“. На основаніи

самыхъ общихъ статистическихъ выкладокъ, въ основу которыхъ положена голая цифра народонаселенія, авторъ приходитъ къ выводу, мало обоснованному, что Германія могла выставить въ началѣ войны 6.404.000 человекъ. Изъ этого числа окончательно выбыло изъ строя 2 милліона, на восточномъ фронтѣ стоитъ 1½ милліона, на западномъ 1,8 милліоновъ, охраной собственной территоріи (крѣпостные гарнизоны и проч.) занято не менѣе 700.000 душъ. Въ совокупности это даетъ шесть милліоновъ. Слѣдовательно, въ распоряженіи Германіи не остается сейчасъ болѣе 400.000 свѣжихъ силъ, въ возрастѣ 20—45 лѣтъ. Подполковникъ Руссе внесъ въ эти исчисленія большой коэффициентъ недоуѣрія. Самъ онъ отказывается называть даже приближительныя цифры за отсутствіемъ сколько-нибудь надежныхъ данныхъ, но думаетъ, что нѣмцы „еще не исчерпали всѣхъ своихъ резервовъ“.

Несомѣнно, съ другой стороны, что и генераль Жюффри еще далеко не исчерпалъ всего человеческого резервуара страны. Сейчасъ производится повсемѣстное испытаніе мужчинъ въ возрастѣ 25—47 лѣтъ, которые были въ свое время освобождены отъ военной службы или причислены къ службѣ тыла. Это испытаніе сопровождается энергичной охотой на такъ называемыхъ *embusqués*, т.-е. укрывающихся отъ огня. Въ патриотической охотѣ дѣятельное участіе принимаетъ печать, съ Клемансо во главѣ. Испытательныя комиссіи, состоящія повсюду изъ немѣстныхъ врачей, крайне повидали критерій пригодности и дѣятельно пополняютъ кадры новой арміи. Подъ знамена призвана молодежь, подлежащая набору въ 1915 и 16 годахъ. Нѣкоторыя газеты, въ томъ числѣ „*Guerre Sociale*“, ведутъ агитацію за призывъ слѣдующей возрастной категоріи, т.-е. мальчиковъ 17 лѣтъ. Поговариваютъ также о повышеніи

предѣльнаго воинскаго возраста съ 47 до 55 лѣтъ. Узлами сосредоточенія и распредѣленія этой новой арміи являются нѣкоторыя центральные вокзалы, достаточно удаленные отъ фронта, чтобы не подвергаться опасности, и въ то же время достаточно близкіе къ нему, чтобы сдѣлать возможной быструю переправу свѣжихъ силъ. По нѣкоторымъ исчисленіямъ, которыхъ я не стану здѣсь приводить и которыя могутъ имѣть, разумѣется, только приблизительный характеръ, эта вторая армія будетъ къ концу марта заключать въ себѣ около милліона солдатъ, врядъ ли во всякомъ случаѣ болѣе 1.200.000. Различныя отрасли промышленности работаютъ день и ночь, чтобы приготовить для этого милліона необходимое снаряженіе. Эта задача тѣмъ труднѣе, что свѣрхные промышленные центры, какъ Рубэ, находятся въ рукахъ непріятеля. Особенныя усилія прилагаются къ созданію болѣе тяжелой артиллеріи; въ которой теперь главное мѣсто занимаетъ пушка средняго типа, между 75-миллиметровой и „Рималъ“. Такимъ образомъ военное министерство энергично формируетъ вторую, совершенно свѣжую армію, которая въ апрѣлѣ сможетъ быть брошена на непріятельскія позиціи.

Мы уже видѣли, какъ трудно непосвященнымъ, т.-е. всѣмъ, кромѣ генеральныхъ штабовъ, оперировать въ этой области съ цифрами. Но нельзя и отказаться отъ нихъ, если хочешь имѣть хотя бы самое общее представленіе о соотношеніи силъ. Возьмемъ для Германіи наиболѣе вѣроятную цифру Фейлера: 3 милліона. Предположимъ, что изъ нихъ только половина будетъ направлена на западный театръ. Этой свѣжей арміи французы смогутъ противопоставить около милліона. Англичане обѣщаютъ весною доставить первую армію Китченера, 500.000 человекъ, изъ которыхъ первыя двѣсти тысячъ ожидаются, однако, не ранѣе марта. Та-

кимъ образомъ силы на обѣихъ сторонахъ будутъ приблизительно равны. Встрѣтиться имъ придется не на свѣжемъ мѣстѣ, а у старыхъ позицій, вдоль и поперекъ изученныхъ обѣими сторонами. Генераль-майоръ Гатти, военный критикъ „*Corriere della Sera*“, предполагаетъ, что это новое столкновение, обогащенное всѣмъ опытомъ предшествующихъ мѣсяцевъ войны, столкновение, гдѣ послѣднія силы будутъ поставлены на карту, получить небывало концентрированный характеръ и превзойдетъ по своей жестокости все, что мы видѣли до сихъ поръ. Это вполнѣ вѣроятно. Тѣмъ не менѣе сейчасъ нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія думать, чтобы второй арміи, съ той или другой стороны, удалось рѣшительно нарушить равновѣсіе силъ и выбить противника изъ насиженныхъ позицій. Въ траншеи вольется свѣжая кровь, но война останется и дальше тѣмъ, чѣмъ она является сейчасъ: *guerre d'usure*. И эта именно перспектива болѣе всего пугаетъ Францію и заставляеть во всѣ стороны метаться ея политическую мысль.

Парижъ.

15 января 1915 г.

Война и техника.

I.

Послѣ сорокачетырёхлѣтняго перемирія въ Европѣ война привела въ движеніе всю ту военную технику, которую за этотъ періодъ милитаризмъ снималъ, какъ сливки, съ капиталистическаго развитія. И Европа выдержала. Сколько разъ говорилось, что новѣйшая техника доведетъ войну до абсурда и тѣмъ сдѣлаетъ ее невозможной. Этого не случилось. Война оказалась чудовищной, но не „абсурдной“, т.-е. не невозможной технически, наоборотъ — почти банальной. Старыя правила тактики и стратегіи отнюдь не оказались опрокинутыми. Если нужны были новыя доказательства того, что невозможной можетъ сдѣлать войну не автоматическая техника, а сознательная человѣческая воля, то это доказательство теперь снова дано, и человечество за него честно уплатило.

То, что характеризуетъ нынѣшнюю войну, *la grande guegге*, это ея размѣры, необъятность ея фронта, неисчислимость вовлеченныхъ въ нее массъ, но никакъ не новизна принциповъ и техническихъ методовъ, — словомъ, количество, а не качество. Если лавинообразное развитіе милитаризма въ теченіе послѣдняго полустолѣтія — со всѣми изобрѣтеніями и „тайнами“ военной техники — не довело войну до абсурда, то оно въ то же время и не дало ни одной изъ странъ такого особеннаго, изъ ряда вонъ выходящаго „средства“, которое обезпечивало бы за ней въ кратчайшій срокъ побѣду.

И несмотря на напряженіе всѣхъ техническихъ силъ самыхъ выдающихся націй въ теченіе самой войны, несмотря на то, что мысль всѣхъ изобрѣтателей и ученыхъ работаетъ вотъ ужъ 16 мѣсяцевъ почти исключительно въ области орудій разрушенія, этотъ послѣдній періодъ не далъ ничего принципиально новаго, по крайней мѣрѣ, оно до сихъ поръ не обнаружилось.

Техника войны, несомнѣнно, выше всего въ Германіи — въ полномъ соотвѣтствіи съ ея болѣе высокимъ уровнемъ капиталистическаго развитія. Но и перевѣсъ Германіи имѣетъ преимущественно количественный характеръ въ этой войнѣ: большихъ количествъ и тяжелыхъ массъ. Въ томъ же направленіи шли всѣ усилія Германіи уже во время войны: обезпечить за собой возможность задавить противную сторону количествомъ.

Не нужно, однако, быть заядлымъ гегельянцемъ, чтобы въ этомъ перевѣсѣ количества открыть дѣйствіе качества. Въ самомъ дѣлѣ, милитаризмъ — это та именно область, которая меньше всего допускаетъ при нынѣшнихъ условіяхъ самобытную замкнутость. Правящая реакція любой страны можетъ въ политикѣ и гражданскомъ обиходѣ отстаивать пещерныя традиціи, но кремлеваго ружья она отстаивать не станетъ. Въ области военной техники всѣ страны стремятся выравняться по передовымъ образцамъ. Въ области вооруженія и снаряженія, предметы которыхъ отсталымъ странамъ приходится закупать у передовыхъ, между капиталистическими странами нѣтъ, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, той дистанціи, что въ сферѣ индустріи. Но различія обнаруживаются позже, — въ количествѣ. Подготовленные запасы быстро исходятся въ нынѣшнихъ бояхъ и должны быть непрерывно пополняемы. Экономическая сила страны скрывается не въ качествѣ тѣхъ пушекъ и снарядовъ, которые она заблаговременно сло-

жила у себя въ амбарахъ, а въ ея способности воспроизводить ихъ въ надлежащемъ числѣ во время самой войны. Въ этомъ смыслѣ мы сказали, что въ количествѣ сказывается качество или уровень технического развитія страны.

Съ начала войны Франція оказалась обреченной на подражаніе въ погонѣ за массой. *Des canons! Des munitions!* Этотъ кличъ сталъ послѣ перваго періода оглушенности господствующимъ, война превратилась въ автоматическое состязаніе количествъ. Большаго размѣра пушки, большее количество снарядовъ для нихъ, больше митральезъ, большаго размѣра подводныя лодки, какъ можно больше километровъ колючей проволоки. Воспитанное на такъ называемыхъ чудесахъ техники, на X-лучахъ и излученіи радія, воображеніе ждало такихъ пріемовъ, которые сразу обратили бы въ ничто тяжелыя массы чугуна и свинца. Но нѣтъ, все сводится именно къ вѣсу. Дѣйствительно новыхъ, революціонныхъ принциповъ нѣтъ.

Взять хотя бы колючую проволоку. Эта незамысловатая вещь играетъ въ нынѣшней траншейной войнѣ колоссальную роль. Нѣмцы стали первыми безъ конца наматывать ее вдоль своего фронта. Какъ борются противъ нѣмецкой проволоки французы въ своихъ попыткахъ наступленія? При помощи ножницъ и артиллеріи. Мы присутствуемъ при удивительномъ зрѣлищѣ, когда цѣлую націю въ вѣкъ авіаціи оцѣпили невысокой путаной изгородью изъ проволочныхъ шиповъ, — и эта многомилліонная, стоящая на высотѣ технической культуры нація не можетъ ничего выдвинуть противъ жалкой проволоки, кромѣ... простыхъ ножницъ, которыя приходится пускать въ ходъ, ползая на брюхѣ. Не менѣе грубымъ, хотя и болѣе дѣйствительнымъ является второй способъ: разрушеніе металлическихъ нитей при

помощи артиллеріи, которая градомъ снарядовъ взрываетъ всю почву, выворачиваетъ деревянные столбики и тѣмъ уничтожаетъ колючую изгородь, расходуя на это необъятное количество чугуна и приводя огражденное проволокой пространство въ такое состояніе, которое чрезвычайно затрудняетъ движеніе впередъ.

Передъ проволокой и ножицами, какъ важнѣйшими факторами нынѣшней войны, съ недоумѣніемъ и возмущеніемъ останавливается извѣстный писатель-художникъ Пьеръ Гампъ. „Это война, которая ничего не изобрѣтаетъ,—жалуется онъ,—а попросту подбираетъ всѣ средства нападенія и защиты, существовавшія съ того времени, какъ люди начали воевать. Это простая сумма орудій смерти. Означаетъ ли это, что наша цивилизація духовно исчерпала себя, что она способна далѣе только повторять себя, ибо, несмотря на свою науку, она возвращается къ борьбѣ при помощи ножа первобытныхъ эпохъ; и это чудовищное разрушеніе, которое она учиняетъ себѣ самой, не есть ли доказательство того, что она на ущербѣ и что съ нею вмѣстѣ кончается міровая эпоха“.

Врядъ ли, однако, есть достаточныя основы для такого апокалиптического пессимизма. Самъ Гампъ указываетъ на одну общую причину того, что онъ называетъ параличомъ изобрѣтательности: это отличающее нынѣшнюю хозяйственную систему рѣзкое размежеваніе умственного и физическаго труда. Орудія и средства войны крайне многочисленны, разнообразны и въ своемъ развитіи крайне несогласованы. Многія изъ нихъ война впервые привела въ дѣйствіе. Тѣ призванные, которые занимаются въ мирное время изобрѣтеніями въ лабораторіяхъ, лишены возможности подвергать свои изобрѣтенія постоянной провѣркѣ въ дѣйствіи. А тѣ, кто примѣняетъ старыя и новыя военныя средства,—не

профессионалы войны, они оторваны от совершенно других занятий и интересов и лишены въ большинствѣ своемъ необходимыхъ познаній. Если кастовое раздѣленіе умственного и физическаго труда сказывается крайне отрицательно на всемъ современномъ производствѣ, то оно сказывается прямо-таки фатально въ военномъ дѣлѣ, гдѣ орудія примѣняются только въ краткіе сравнительно періоды войны.

Достигнуть дѣйствительно новыхъ принциповъ въ войнѣ можно только при массовомъ примѣненіи старыхъ приемовъ, аппаратовъ и снарядовъ. Нужна провѣрка въ дѣйствиі, столкновение съ живой матеріей, не на полигонѣ, не на маневрахъ, гдѣ все условно, какъ на сценѣ, а въ бою. Нужна война, чтобъ совершенствовать войну и выравнивать ея методы. А когда послѣ военныхъ столкновений наступаетъ промежутокъ въ десятки лѣтъ, когда военная техника въ видѣ разрозненныхъ изобрѣтеній накапливается, какъ мертвый капиталъ, тогда ея внутренняя несогласованность совершенно неизбежна, и вся колоссальная машина войны можетъ споткнуться о колючую проволоку.

Новые принципы рождаются и очищаются, устарѣвшіе приемы отменяются только въ практикѣ. Промышленная техника совершенствуется только въ дѣйствиі, каждое изобрѣтеніе немедленно дѣйствиемъ провѣряется и соподчиняется. Военная же техника развивается преимущественно лабораторнымъ и канцелярскимъ путемъ. Изобрѣтенія или простыя измѣненія движутся по опредѣленной колесѣ, не встрѣчая, гдѣ нужно, ограниченія или сопротивленія со стороны живой матеріи. Отсюда неизбежны чудовищныя прорѣхи въ техническомъ аппаратѣ войны, — прорѣхи, которыя приходится уже во время дѣйствиія затыкать, чѣмъ попало; получается автомобиль, въ механизмѣ котораго мочалка и веревка играютъ важ-

нѣйшую роль... Согласованность, выросшая изъ провѣрки, будетъ найдена — по крайней мѣрѣ, въ идеѣ и приблизительно — къ концу войны, чтобы быть опять-таки нарушенной дальнѣйшими техническими завоеваніями мирнаго времени.

Незадолго до начала нынѣшней войны французская республика продала съ публичнаго торга 15 лампъ, приспособленныхъ для разыскиванія раненыхъ. Лампы были изобрѣтены еще для нуждъ войны 1870 года, но модели, довольно счастливыя для того времени, подоспѣли лишь къ самому концу войны, пролежали подъ спудомъ почти подстолѣтія и, оставленныя далеко позади развитіемъ техники, пошли за ненужностью съ молотка. Этотъ эпизодъ очень знаменателенъ для исторіи военной техники вообще: системы (ружей, пушекъ и пр.) смѣняютъ другъ друга прежде, чѣмъ успѣли подвергнуться подлинному огненному испытанію. Въ теченіе войны изобрѣтающая и комбинирующая мысль подготавливаетъ новыя, несравненно болѣе совершенныя техническія рѣшенія военныхъ проблемъ, къ концу войны эти комбинаціи воплощаются въ модели, а затѣмъ послѣ прекращенія войны военно-техническая мысль продолжаетъ работать лабораторнымъ путемъ.

Разрушать желѣзную нить, укрѣпленную на деревянныхъ столбикахъ, при помощи чудовищнаго чугунаго потока, гдѣ на метръ проволоки приходится десятки и сотни пудовъ металла, — этотъ способъ особенно ярко обнаружилъ свою несостоятельность въ грандіозныхъ бояхъ Шампани въ концѣ сентября (нов. ст.). Когда были разрушены и захвачены укрѣпленія первой линіи и для того, чтобы прорвать нѣмецкій фронтъ, нужно было только непрерывно продолжать наступленіе, французская артиллерія вдругъ замолчала передъ нѣмецкими траншеями второй линіи, которыя уже гото-

вились, какъ передаютъ, очистить нѣмецкія войска. Оказывается, пушечные стволы до такой степени накались отъ непрерывной стрѣльбы по колючей проволокѣ, что дальнѣйшее продолженіе стрѣльбы — тамъ, гдѣ прежде всего требовалась непрерывность дѣйствія — оказалось невозможнымъ. Это и была одна изъ причинъ, которая свели побѣдоносное внѣшнимъ образомъ наступленіе въ Шампани на-нѣтъ.

Къ концу нынѣшней войны будетъ, можетъ быть, открыто средство для болѣе простаго и дѣйствительнаго уничтоженія проволоки на разстояніи. Это средство можетъ, однако, легко устарѣть къ слѣдующей войнѣ, — тогда оно пойдетъ съ молотка... Не приходится ли сдѣлать выводъ, что войны происходятъ слишкомъ рѣдко для нынѣшней техники?

II.

Если оставить въ сторонѣ преимущества нѣмецкой „организаціи“, которыя, конечно, повышаютъ на много процентовъ полезное дѣйствіе каждаго орудія и аппарата войны, каждаго технического приспособленія, стараго и новаго, то окажется, что наиболѣе явными преимуществами нѣмецкой техники въ нынѣшнюю войну явились: тяжелая артиллерія, дирижабли, подводныя лодки и—въ послѣднюю эпоху—удушливыя газы.

Принципъ количества, о которомъ мы говорили въ прошлый разъ, нашелъ наиболѣе яркое выраженіе въ тяжелой артиллеріи съ ея царь-пушкой въ 420 мм. Въ то время какъ во Франціи вопросъ о тяжелой артиллеріи всталъ только наканунѣ войны, въ Германіи ея значеніе уже признано полтора десятилѣтія тому назадъ. Многіе французскіе авторитеты, въ ихъ числѣ генераль Персенъ, упорно отрицали значеніе тяжелой артиллеріи до послѣдняго времени. Персенъ и сейчасъ доказываетъ, и вѣроятно съ основаніемъ, что при одномъ и томъ же количествѣ выпущеннаго чугуна тяжелая нѣмецкая артиллерія причиняетъ въ четыре раза меньше ранъ, чѣмъ легкая, которая къ тому же у нѣмцевъ не отличается столь высокимъ качествомъ, какъ у французовъ. Но уже въ первые мѣсяцы войны, послѣ превращенія ея въ траншейно-осадную борьбу, необходимость тяжелой артиллеріи стала очевидной. Одно время, когда выяснилось, что французская промышленность не приспособлена къ производству тяжелой артиллеріи, французская пресса стала писать о нѣмецкихъ

орудіяхъ-монстрахъ, какъ о сплошномъ блѣфѣ. Можно, разумѣется, считать „блѣфомъ“ безсистемную стрѣльбу по Дюнкирхену на разстояніи 38 километровъ снарядами, которые обходятся не менѣе 20 тысячъ франковъ штука и дѣйствіе которыхъ лишено всякаго военнаго значенія. Но совершенно неоспоримо, что тяжелая нѣмецкая артиллерія въ цѣломъ и въ частности пушка 420 сыграла огромную роль въ ходѣ войны и въ общемъ и цѣломъ выдержала испытаніе; это подтверждается внѣшнимъ образомъ тѣмъ, что 2 пушки 420 отправлены нѣмцами недавно на Галлипольскій полуостровъ, очевидно, не только съ декоративными цѣлями. Но, съ другой стороны, если въ эпоху паденія Льежа и Намюра могло казаться, что тяжелая нѣмецкая артиллерія именно потому, что она тяжелѣе всякой другой, дастъ рѣшающій перевѣсъ, то въ дальнѣйшемъ теченіи войны это не подтвердилось: полезное, т.-е. разрушительное, дѣйствіе пушки 420 совершенно естественно ослабляется, а въ извѣстныхъ условіяхъ цѣликомъ парализуется ея тяжеловѣсностью, неповоротливостью, а значить и легкой уязвимостью. Многое говоритъ за то, что тяжелая артиллерія, въ общемъ и цѣломъ „оправдавшая“ себя въ этой войнѣ, не имѣетъ будущаго. Полезное дѣйствіе пушки опредѣляется при прочихъ равныхъ условіяхъ ея дальнобойностью и разрушительной силой снаряда. Тенденція повышать эти два качества путемъ дальнѣйшаго увеличенія размѣровъ самой пушки достигла въ модели 420 своего апогея и приблизилась къ самоотрицанію: тутъ нуженъ новый принципъ конструкціи, которымъ нынѣшняя война не располагаетъ, но который можетъ, долженъ изъ нея возникнуть. По какому пути пойдетъ развитіе артиллеріи, что сюда внесетъ химія, что механика, — вопросъ особый, но почти несомнѣнно, что чудовище 420 будетъ сдано въ архивъ

Translate

The effectiveness of a gun is determined, all other things being equal, by its range and by the destructive power of the shell it fires. The tendency to increase these two properties by further

и займетъ въ развитіи артиллеріи такое же мѣсто, какое мастодонты заняли въ эволюціи животныхъ видовъ.

Новымъ въ значительной мѣрѣ орудіемъ въ нынѣшней войнѣ явилась подводная лодка, но „революціи“ въ условіяхъ морской войны она не произвела. Подводная лодка, какъ и всѣ вообще предметы матеріальнаго міра, имѣетъ, какъ выражаются французы, недостатки своихъ достоинствъ. Ея главное достоинство въ томъ, что она плаваетъ подъ водой. Но подводное передвиженіе, вслѣдствіе большого сопротивленія среды, очень медленно: врядъ ли сумарень, даже съ рискомъ исчерпать въ короткій срокъ всѣ запасы своей электрической энергіи, въ состояніи сдѣлать болѣе десяти узловъ въ часъ, т.-е. пять метровъ въ секунду. Обычная скорость его не превышаетъ пяти узловъ; это черепаха военного флота. Горизонтъ, который открывается съ сумарена, вслѣдствіе близости наблюдателя къ поверхности воды, очень ограниченъ и потому въ перископъ можно замѣтить только сравнительно близко подошедшія суда, скорость которыхъ въ очень большой мѣрѣ превышаетъ скорость сумарена. Выбрать разстояніе, направленіе и моментъ для метанія торпеды при этихъ условіяхъ чрезвычайно трудно. И лишь ничтожный процентъ выпущенныхъ сумаренами съ начала войны минъ произвелъ такъ называемое полезное дѣйствіе.

Перевѣсъ нѣмцевъ надъ французами въ области подводнаго плаванія, перевѣсъ, въ настоящее время здѣсь общепризнанный, явился полной неожиданностью. Покойникъ Пелльтанъ, въ бытность свою морскимъ министромъ, обращалъ большое вниманіе на сумарены. Но за послѣднія восемь лѣтъ въ этомъ направленіи дѣлалось крайне мало. Нигдѣ могущественная французская рутина не сильна такъ, какъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Съ рутинной и замкнутостью связанъ неизбежно духъ

mass^{ive} ~~is~~ the size of the gun itself has
attained ^{its size} in the ~~case of the~~ 420 model and
come close to self-negation: here ^{that is, a new} a new
principle of construction is needed, which the present
war also has leave at its disposal, but which can and must
come from it.

котерій и кружковъ. Достаточно сказать,—объ этомъ во всеуслышаніе говорила французская пресса,—что отдѣльныя французскія флотиліи жили совершенно изолированно другъ отъ друга, не дѣлясь взаимно своимъ опытомъ. Чѣмъ больше длилась война, тѣмъ болѣе французскому общественному мнѣнію приходилось изумляться отсталости Франціи какъ разъ въ тѣхъ двухъ областяхъ, которыя казались предопредѣленными доменами французскаго техническаго генія: въ области подводнаго и воздушнаго плаванія. Несомнѣнно далѣе, что уже во время самой войны нѣмцы произвели въ своемъ подводномъ флотѣ большія усовершенствованія, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается увеличенія размѣровъ лодки и ея быстроходности, а также болѣе совершеннаго миннаго вооруженія.

Достаточно извѣстно, какой ущербъ наносить нѣмецкій подводный флотъ у англійскихъ береговъ, а въ послѣдній періодъ въ Средиземномъ морѣ. Весьма вѣроятно, что число выуженныхъ нѣмецкихъ сумареновъ, какъ оно называлось въ англійской и французской печати, преувеличено; но оно во всякомъ случаѣ очень значительно. Какимъ образомъ ихъ ловятъ? Возможно, что у англичанъ есть въ этой области какое-либо новое изобрѣтеніе, въ печати были на этотъ счетъ намеки; но никакихъ общедоступныхъ свѣдѣній нѣтъ. Вполнѣ возможно опредѣленіе пути сумарена по порождаемой имъ зыби, но совершенно неизвѣстно, какъ его нащупываютъ подъ водой и какъ уничтожаютъ.

Во всякомъ случаѣ, рѣшающаго вліянія на ходъ военныхъ операцій сумарены не оказываютъ. Съ этимъ не хочетъ согласиться инженеръ Лобефъ, отецъ подводной лодки. Ему приходится, однако, въ своихъ полемическихъ статьяхъ выражаться преимущественно въ слагательномъ наклоненіи: если бы нѣмцы имѣли не

нѣсколько десятковъ, а нѣсколько сотъ подводныхъ лодокъ для блокады англійскихъ береговъ, тогда англійская торговля оказалась бы въ конецъ дезорганизована; если бы австрійцы располагали въ началѣ войны сотней сумареновъ въ Средиземномъ морѣ, Франція не могла бы столь широко воспользоваться своими колониальными войсками. Легко видѣть всю призрачность этого построения: если бы до войны постройка сумареновъ имѣла такой массовый характеръ на одной сторонѣ, этому была бы, несомнѣнно, противопоставлена такая же массовая заготовка сумареновъ или контръ-сумареновъ на другой сторонѣ.

Авіація, относительно военной роли которой было высказано столько преувеличенныхъ надеждъ и опасений, осталась въ этой войнѣ цѣликомъ на положеніи подсобнаго оружія: для рекогносцировки, для фотографирования мѣстности, для направленія артиллерійской стрѣльбы. До серьезной воздушной войны дѣло почти не дошло. Отдѣльныя воздушныя дуэли, можетъ быть, и очень живописныя, разумѣется, не въ счетъ. Налеты авіаторовъ на города остались разрозненными и кровавыми эпизодами безъ сколько-нибудь серьезнаго военнаго значенія. Для воздушныхъ военныхъ походовъ, для систематическихъ военныхъ операцій сверху внизъ не оказалось ни на той, ни на другой сторонѣ ни сноровки, ни инициативы, ни достаточнаго количества аппаратовъ.

Въ области авіаціи опять тотъ же аргументъ: если бы у насъ была тысяча авіоновъ, ихъ военное значеніе было бы громадно. Но никто не заготовилъ ихъ въ такомъ количествѣ, ибо они не подвергались до этой войны боевому испытанію. Остается, стало быть, только готовить ихъ во время войны. Випланъ обходится въ 25—30 тысячъ франковъ, т.-е. по скалѣ нынѣшнихъ воен-

ныхъ расходовъ сухіе пустяки: на войну около 75 милліоновъ франковъ. Но массовое производство наткнулось на техническія препятствія: французская индустрія не въ состояніи въ кратчайшій срокъ доставить надлежащее количество моторовъ. Болѣе того, Рауль Перэ, бывшій докладчикъ бюджета авіаціи, жалуется на то, что аппараты снабжаются моторами, доказавшими свою негодность: архи-консервативная промышленность не можетъ или не хочетъ приспособиться къ новымъ образцамъ. Французская пресса, въ частности „Фигаро“, констатируетъ, послѣ первоначальныхъ криковъ о неограниченномъ господствѣ французовъ надъ воздухомъ, что успѣхи нѣмецкой авіаціи—при этомъ рѣчь не о цеппелинахъ, гдѣ перевѣсъ нѣмцевъ безспоренъ, а объ аэропланахъ—за эти 18 мѣсяцевъ гораздо значительнѣе, чѣмъ успѣхи французской. Въ области авіаціи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, французы изобрѣли, нѣмцы использовали. Нѣмцы создали болѣе быстрые, лучше снаряженные и вооруженные аппараты, а главное—въ большемъ числѣ. Разочарованіе французовъ въ области авіаціи было не менѣе горькимъ, чѣмъ въ области подводнаго плаванія, гдѣ имъ также принадлежитъ честь отважнаго почина.

На примѣненіе удушливыхъ газовъ нѣмцы, повидимому, возлагали надежды, какъ на революціонное средство, т.-е. на такое, которое должно однимъ ударомъ радикально измѣнить соотношеніе силъ въ ихъ пользу. Этого не произошло. Удушливые газы, несомнѣнно, причиняютъ большія затрудненія союзнымъ арміямъ. Но до роли рѣшающаго фактора имъ далеко.

По поводу необходимости примѣнять удушливые газы во французской прессѣ и парламентскихъ комиссіяхъ было израсходовано много словъ. Кое-кто говорилъ, что употребленіе газовъ противно цивилизаціи. Генераль

Галльени на соответственный вопрос отвѣтилъ комиссіи, что онъ стоитъ на почвѣ принципа: око за око и газъ за газъ. Но основное затрудненіе съ французской стороны — не правового, а технического порядка: это слабость французской и англійской химической индустрии. Одинъ ученый — въ парадоксальной, но отнюдь не произвольной формѣ — высказался о значеніи химической промышленности для современнаго производства такъ: промышленное значеніе страны прямо пропорціонально количеству употребляемой ею сѣрной кислоты. Между тѣмъ именно въ области химической промышленности Франція находилась до войны въ чрезвычайной зависимости отъ Германіи. „На 300 химиковъ, достойныхъ этого имени въ Германіи, — говоритъ французскій экономическій писатель, подписывающійся Лизисъ, — приходится не болѣе 7 во Франціи“. Производство брома и хлора, соединенія которыхъ даютъ удушливые газы, сосредоточено въ рукахъ Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Широкое примѣненіе газовъ связано было бы поэтому для союзниковъ съ огромными расходами.

Что касается воспламеняющихся жидкостей, то онѣ не получили широкаго распространенія и у самихъ нѣмцевъ, повидимому, вслѣдствіе крайней сложности построенія начиняемыхъ ими снарядовъ.

Острымъ вопросомъ стоитъ примѣненіе ціанистыхъ газовъ. Эта мысль проскользнула здѣсь въ одной газетѣ („L'Intrensigeant“). Дѣйствительно ли дѣйствіе ихъ окажется такъ ужасно, какъ можно предполагать, этого за отсутствіемъ опыта утверждать нельзя. Есть основаніе думать, что идея ціанистыхъ снарядовъ возникла раньше въ Германіи, но что тамъ предпочитали бы, чтобы начало положили союзники. При такихъ условіяхъ Франція естественно остерегается дать нѣмцамъ съ ихъ могущественной химической индустріей формальное „право“ на примѣненіе газовъ ціанистаго калия.

Въ общемъ опять-таки приходится констатировать, что химія, какъ ни великъ ея вкладъ въ военное дѣло, не внесла до сихъ поръ въ войну такого новаго принципа, который перевернулъ бы старыя приемы вверхъ дномъ. Но тѣ новыя проблемы, которыя война эмпирически поставила, тѣ новыя перспективы, которыя она открыла, даютъ много основаній думать, что къ концу войны и особенно послѣ войны химія будетъ справлять свой творческій пиръ надъ нашимъ погруженнымъ въ трауръ континентомъ.

Дерзость почина и могущество рутины составляютъ характернѣйшія черты матеріальной и духовной жизни Франціи. Во Франціи произнесены почти всѣ первыя слова новаго искусства. Но здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, они отразились на архитектурѣ, стилѣ мебели, типографскомъ искусствѣ и пр. Могущество рутины, заложенной въ старую культуру, во Франціи невообразимо. Вотъ анекдотическій, но яркій примѣръ. Генераль Галльени былъ провозглашенъ революціонеромъ въ своемъ министерствѣ. И знаете почему? Послушайте, какъ объ этомъ говоритъ „Temps“: „генераль Галльени не колеблется предписать употребленіе въ своихъ канцеляріяхъ телефона, телефонныхъ предписаній, пишущей машинки и замѣщеніе мобилизованныхъ и мобилизуемыхъ мужчинъ женщинами. Вѣдь это революція“.

Французскій промышленникъ Метръ изъ департамента Haut-Rhin, имѣвшій достаточно случаевъ вблизи сравнивать нѣмецкую промышленность съ отечественной, пришелъ на-дняхъ къ такимъ выводамъ: „наша старая французская индустрія, необходимо признать это, имѣетъ недостатки своего возраста: боязнь переменъ и страхъ передъ расходами, вытекающій изъ недостатка широкой точки зрѣнія“. Государственная промышлен

ность еще несравненно болѣе консервативна, чѣмъ частная. Французскія государственныя спички уже въ теченіе долгаго ряда лѣтъ гораздо чаще вызываютъ негодованіе и издѣвательство, чѣмъ пламя; но государственная промышленность не шевельнула до сихъ поръ и пальцемъ, чтобы улучшить ихъ качество. На французской промышленности фатально сказался тотъ фактъ, что 40 миллиардовъ франковъ золота ушло въ чужія страны въ формѣ государственныхъ займовъ.

Старая китайская культура дала намъ образцы изумительнаго совершенства въ деталяхъ, при полномъ отсутствіи размаха и движенія. Гдѣ нужны точность, легкость, изящество, тамъ французская промышленность на высотѣ. Но гдѣ нужны размахъ, координированныя дѣйствія, вѣсъ, масса, тамъ Франція безконечно отстаетъ отъ Германіи. Поэтому, несмотря на совершенство французскаго производства точныхъ аппаратовъ, у арміи все время не хватало биноклей, телеметровъ, гониметровъ, ситометровъ и телефоновъ.

Съ началомъ войны все нѣмецкое, какъ водится, было объявлено дешевкой и гнилью. Но опьянѣніе національной фразой прошло. Критика вошла въ свои права.

То, что называютъ подготовленностью Германіи къ войнѣ, есть прежде всего ея общая техническая подготовленность. Военные бюджеты другихъ государствъ не были ниже германскаго. Они только тратились меньше производительно. И не въ силу одной лишь злой воли, недобросовѣстности или веряшливости, а въ силу технической отсталости, обрекающей націю на меньшую производительность труда.

Если война не дала чудесъ въ области техники, то она подтвердила, что отсталость есть отсталость, — стало быть, бѣда, а не преимущество.

Парижъ. 4 января 1916 года.

Крѣпость или траншея?

Среди многихъ другихъ идей, выросшихъ вокругъ этой войны, особенно въ первую эпоху, когда идеологія войны занимала много мѣста въ общественномъ сознаниіи, еще неразмолотая въ пылъ беспощадными жертвами реальности, одной изъ наиболѣе популярныхъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи, была идея „последней“ войны: эта война есть война войнъ, это война за вѣчный миръ. Почему? Этотъ вопросъ не подвергался углубленію. Когда напряженіе силъ таѣ чудовищно, а количество жертвъ столь неизмѣримо, сознание требуетъ большой цѣли, которая бы все освятила. Вѣра вытѣсняетъ критику.

Но миражъ последней войны постепенно тускнѣлъ въ общественномъ сознаниіи, а въ призванныхъ кругахъ все чаще ставились вопросы о грядущихъ войнахъ и объ извлеченіи для нихъ уроковъ изъ нынѣшней войны. Въ то время, какъ молодая поколѣнія нашей несчастной Европы подвергаютъ на себѣ, какъ на сыромъ матеріалѣ, испытанію всѣ военныя теоріи и всѣ техническія завоеванія предшествующей исторіи, ученые стратеги изъ опыта нынѣшнихъ событій извлекаютъ теоретическія предпосылки для военныхъ конфликтовъ будущихъ поколѣній европейскаго человѣчества.

Военная наука справляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ свой пиръ: никогда во всей человѣческой исторіи не имѣла она передъ собою такого широкаго поля наблюденій и экспериментовъ, какъ теперь. Но зато сколько дорогихъ ей предразсудковъ разсыпается прахомъ!

Военное искусство является въ одномъ отношеніи крайне революціоннымъ факторомъ исторіи, въ другомъ— крайне консервативнымъ. Послѣдній доводъ историческихъ государствъ—матеріальная сила, и въ столкнове-ніяхъ военныхъ аппаратовъ обнаруживается мѣра технического, соціального и политическаго развитія націй. Оттого по каналамъ милитаризма и проникають прежде всего въ отсталыя государства новые приемы, методы и идеи. Но, съ другой стороны, военные идеи и принципы облекаются въ крайне тяжеловѣсную и дорого стоющую броню. Они материализуются въ видѣ ружей, пушекъ, броненосцевъ, крѣпостей, а эти внушительные предметы не такъ-то легко поддаются критикѣ чистаго разума: нужно новое огненное испытаніе войны, чтобы пришедшій въ негодность военный принципъ былъ удаленъ на покой вмѣстѣ со своимъ матеріальнымъ воплощеніемъ.

Наиболѣе рѣшительно и открыто нынѣшняя война поставила вопросъ о судьбѣ крѣпостей. Подъ крѣпостью люди привыкли понимать что-то очень „крѣпкое“. Между тѣмъ оказалось, что крѣпости, воздвигавшіяся и укрѣплявшіяся годами и десятилѣтіями, руются, какъ голубятни, въ теченіе нѣсколькихъ дней или просто покидаются гарнизономъ, какъ опасныя ловушки. Сперва мы наблюдали это въ Бельгіи и сѣверной Франціи, затѣмъ въ Польшѣ и въ западной Россіи. „Люди быстро привыкають ко всему,—писалъ „Journal de Genève“,— въ томъ числѣ и къ паденію крѣпостей“.

Вмѣстѣ съ крѣпостями падала вѣра въ нихъ. И хотя новая теоретическая оцѣнка крѣпостей не совсѣмъ одинакова въ странахъ, которыя теряють ихъ, и въ странахъ, которыя овладѣвають ими, тѣмъ не менѣе можно сказать, что теоретическое разжалованіе постоянныхъ укрѣпленій совершалось въ теченіе этого года по всей линіи. „Банкротство крѣпости“ еще

не удостоверено, правда, официальной военной наукой, но популярные военные писатели—напримѣръ, сенаторъ Шарль Эмберъ, кандидатъ въ замѣстители Мильерана—уже провозгласили его, газеты подхватили, публика быстро усвоила или, по выраженію женевскаго изданія, „привыкла“ къ нему.

Но дѣло зашло дальше: слишкомъ категорически обобщенная мысль о несостоятельности нагроможденій камня и бетона для цѣлей современной войны начинаетъ уже встрѣчать оппозицію, и не только со стороны упрямыхъ стародумовъ. Полковникъ Готье посвятилъ этому вопросу небольшую, но содержательную статью въ послѣдней книжкѣ „Revue hebdomadaire“.

Принципъ крѣпости вытекаетъ изъ потребности, совершенно очевидной, противопоставить въ извѣстныхъ мѣстахъ, черезъ которыя вынужденъ пройти непріятель, какъ можно больше препятствій къ его передвиженію (Страсбургъ, Туль, Брестъ-Литовскъ, Перемышль) или какъ можно дольше охранять отъ ударовъ главную массу собственной арміи въ процессѣ ея концентраціи (Льежъ, Намюръ). Вытекающей изъ этой элементарной необходимости принципъ особо укрѣпленныхъ постоянныхъ позицій не можетъ обанкротиться, ибо онъ вытекаетъ изъ самой „природы вещей“ въ военномъ столкновении массъ. Иное дѣло техническое разрѣшеніе задачи. Та система постоянныхъ укрѣпленій, которая была господствующей до сихъ поръ, несомнѣнно капитулировала, разъ и навсегда, и возрожденія ей нѣтъ. Дуэль тяжелой пушки и бетона закончилась полной побѣдой пушки. Специалисты, которые занимались за послѣднее десятилѣтіе взрывчатыми веществами, предчувствовали этотъ финаль, но рутинна была слишкомъ могущественна, и государства продолжали ограждать себя высокими валами и фортами, подготавливая узловые пункты

мецкаго наступленія, она вынуждена была бы покинуть Парижъ, такъ какъ побѣдоносный непріятель не оставилъ бы ей, при указанномъ условіи, времени для созданія окоповъ. Траншея—это ровъ, спереди огражденный колючей проволокой и снабженный по бокамъ митральезами: ничего сложнаго. Но у арміи не всегда будетъ возможность размѣстить и скомбинировать на своемъ пути эти три основныхъ элемента укрѣпленій новаго образца: рвы, проволоку и пулеметы. Слѣдовательно, въ критическихъ мѣстахъ нужно подготовить все это заранее.

„Если бы завтра мы пробили непріятельскую оборонительную линію въ Эльзасѣ и Лотарингіи, — говоритъ Готье, обращаясь къ противникамъ постоянныхъ укрѣпленій, — неужели же вы думаете, что Мецъ и Страсбургъ, съ той рациональной организаціей, которую тамъ необходимо предвидѣть, не будутъ стѣснятъ нашего движенія впередъ? Не очевидно ли, что придется ихъ маскировать и обходить, а это въ ужасающихъ размѣрахъ сузитъ зону нашихъ операцій и вынудитъ насъ броситься на Рейнъ сѣверомъ, гдѣ мы будемъ непріятно поражены, заставъ всѣ главные пункты перехода, мосты, шоссе и желѣзныя дороги подъ охраной Кельна, Майнца и Кобленца. И сколько времени понадобится намъ, чтобы взять эти укрѣпленія, относительно которыхъ извѣстно, что нѣмцы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ несли огромные расходы, особенно въ Мецѣ, чтобы организовать вокругъ нихъ позиціи точно такого рода, какъ на рѣкѣ Энъ, то есть постоянныя траншеи“.

Но новѣйшая артиллерія убиваетъ принципъ крѣпости съ двухъ сторонъ: она не только въ теченіе нѣсколькихъ дней, если не часовъ, обращаетъ форты въ груды обломковъ, но и требуетъ колоссальнаго количе-

ства снарядовъ внутри самой крѣпости. Это значитъ, что разъ только постоянное укрѣпленіе, хотя бы и новѣйшаго образца, отрѣзано отъ центровъ страны, его боевые запасы должны истощиться не въ теченіе мѣсяцевъ, какъ раньше, а въ теченіе недѣль, если не дней. Таковъ одинъ изъ наиболѣе побѣдоносныхъ аргументовъ въ лагерѣ ниспровергателей постоянной крѣпости. Но Готье считаетъ и этотъ доводъ несостоятельнымъ. Несомнѣнно, траншейная война требуетъ чудовищнаго расходованія снарядовъ, но на атакующей сторонѣ. Тяжелая артиллерія должна выбросить апокалиптическое количество чугуна,—это снова обнаружила битва въ Шампани,—для того, чтобы разрушить непріятельскія загражденія и, внося сумятицу въ непріятельскіе окопы, подготовить условія для атаки. Но постоянныя укрѣпленія, которымъ отводится въ стратегическомъ смыслѣ чисто-оборонительная роль, вовсе не нуждаются въ чрезмѣрномъ количествѣ снарядовъ. Для защиты постоянной позиціи нужны все тѣ же уже знакомые намъ три элемента: хорошо расположенные и удобно сообщаются окопы, широкая лента колючихъ загражденій и достаточное количество ружей и пулеметовъ. Артиллерія при оборонительной войнѣ играетъ второстепенную роль. А пули всегда можно имѣть въ достаточномъ количествѣ въ подземныхъ складахъ и постоянныхъ траншейныхъ укрѣпленіяхъ.

Какой видъ будетъ имѣть крѣпость завтрашняго дня?

Вокругъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ будутъ позади широкой сѣти проволочныхъ шиповъ расположены нѣсколькими концентрическими линіями узкія траншеи, снабженныя связующими ихъ кулуарами. Эти линіи будутъ упрочены всѣми средствами строительной техники. Въ нихъ будутъ подземныя, легко передвигающ-

шіяся батареи въ хорошо защищенныхъ капалахъ. Подъ землей будутъ надежныя убѣжища, склады, мастерскія, электрическія станціи съ многочисленными проводами. Все это будетъ разбросано на широкомъ пространствѣ, не открывая тяжелой непріятельской артиллеріи сколько-нибудь благодарныхъ пунктовъ прицѣла.

Такова крѣпость будущаго: безъ средневѣковыхъ фортовъ, почти невидимая, но тѣмъ менѣе уязвимая, тѣмъ болѣе опасная для атакующихъ. И Готье утѣшаетъ насъ въ заключеніе своимъ предсказаніемъ, что эти новыя крѣпости, подчиняясь „закону всякаго развитія“, окажутся сложнѣе и дороже старыхъ...

Изъ нынѣшней страшной катастрофы пока что выходитъ побѣдительницей... траншея: черная яма въ землѣ съ металлическими иглами у входа. Торжество траншеи такъ очевидно, что не только специалисты милитаризма поклоняются ей, но—какъ это на первый взглядъ ни парадоксально—и пацифисты. Одинъ изъ нихъ, кажется, швейцарецъ, пришелъ къ счастливой мысли, что войны можно упразднить, если укрѣпить государственныя границы постоянными траншеями и оградить могучимъ электрическимъ токомъ. Бѣдный золотушный пацифистъ, который ищетъ пріюта въ траншеѣ!

Парижъ.

1-го октября.

Годъ войны.

Истекшій годъ—триста шестьдесятъ пять дней и ночей непрерывнаго взаимоистребленія народовъ—войдетъ въ нашу исторію, какъ потрясающее свидѣтельство того, насколько глубоко еще сидитъ человѣчество соціальными корнями своими въ слѣпомъ и постыдномъ варварствѣ

Чтобъ заклеить нѣмецкіе мерзеры, превосходящіе своимъ діаметромъ пушки союзниковъ, и нѣмецкія ядра, распространяющія больше удушливаго зловонія, чѣмъ ядра четвернаго согласія, союзная реторика создала специальное опредѣленіе „ученаго варварства“, *barbarie scientifique*. Прекрасное названіе! Его необходимо только распространить на всю войну и на соціально-историческія предпосылки ея—независимо отъ государственныхъ и національныхъ границъ. Всѣ тѣ техническія силы, которыя созданы человѣчествомъ въ его поступательномъ развитіи, двинуты на дѣло разрушенія основъ культурнаго общежитія и, прежде всего, на истребленіе человѣка: въ этомъ и состоитъ „мобилизація промышленности“, о которой теперь говорятъ на всѣхъ языкахъ европейской цивилизаціи. Ученое варварство вооружилось всѣми прикладными завоеваніями человѣческаго генія—отъ Архимеда до Эдисона—для того, чтобы стереть съ земной коры все, что создало коллективное человѣчество, выдвинувшее Архимеда и Эдисона. Если нѣмцы выдѣляются въ этомъ соревнованіи кроваваго безумія, то только тѣмъ, что шире, систематичвѣе и

дѣйствительнѣе организовали то самое, чѣмъ поглощены ихъ смертельные враги.

Какъ бы для того, чтобы придать паденію человѣчества наиболѣе унижительный характеръ, война, та самая, которая пользуется послѣднимъ завоеваніемъ гордой техники, крыльями авіаціи, загнала человѣка въ траншеи, въ грязную земляную пещеру, въ клоаку, гдѣ разѣдаемый паразитами царь природы, лежа на собственныхъ отбросахъ, подстерегаетъ въ щель другого покрытаго вшами троглодита, а газеты и политики на разныхъ языкахъ говорятъ обоимъ, что въ этомъ именно и состоитъ сейчасъ служеніе культурѣ.

Выползшее на четверенькахъ изъ темнаго зоологическаго царства человѣчество внесло организующій разумъ въ свои методы борьбы съ природой. Путемъ героическихъ революціонныхъ потрясеній оно внесло элементы разума въ свою государственную надстройку, вытѣснивъ слѣпую инерцію „божіей милости“ идеей народнаго суверенитета и практикой парламентскаго режима. Но въ самыхъ основахъ своей социальной жизни, въ своей хозяйственной организаціи, оно остается цѣликомъ во власти темныхъ, сложившихся за порогомъ контролирующаго разума, силъ, которыя всегда грозятъ взрывомъ, стихійно накапливаютъ противорѣчія и затѣмъ обрушиваютъ ихъ на голову человѣчества въ видѣ міровыхъ катастрофъ.

Вырванная капиталистическимъ развитіемъ изъ средневѣковаго провинціализма и экономической неподвижности, Европа, въ рядѣ революцій и войнъ, создала незаконченныя велико-и мало-державныя „національныя“ государства и связала ихъ переходящей и вѣчно измѣняющейся системой антагонизмовъ, союзовъ и соглашеній. Не достигнувъ нигдѣ завершения національ-

наго единства, капиталистическое развитіе пришло въ противорѣчіе съ созданными имъ государственными рамками и въ теченіе послѣдняго полустолѣтія искало выхода въ непрерывныхъ колониальныхъ хищеніяхъ, составлявшихъ внѣевропейскую практику „вооруженнаго мира“ Европы, и эта система, въ которой правящіе верхи экономически, политически и психологически приспособлялись къ чудовищному росту милитаризма, разрѣшилась войной изъ-за мірового господства, — самой колоссальной и самой постыдной войной, какою знала исторія.

Война вовлекла уже семь изъ восьми великихъ державъ и грозитъ вовлечь восьмую; она втягиваетъ одну за другой второстепенныя державы (въ этомъ и состоитъ сейчасъ вся работа дипломатіи); расширяя свою базу, она автоматически растворяетъ отдѣльныя подчиненныя цѣли въ механикъ взаимнаго ослабленія, истощенія, истребленія. Всеобщностью захвата, множественностью и безформенностью своихъ цѣлей, сочетая и бросая другъ на друга всѣ расы и національности, всѣ государственныя системы и всѣ ступени капиталистическаго развитія, эта война хочетъ показать, что ей чужды какія бы то ни было расовыя или національныя начала, религіозныя или политическіе принципы, — она выражаетъ собою просто голый фактъ невозможности дальнѣйшаго сосуществованія націй и государствъ на основѣ капиталистическаго имперіализма.

Система союзовъ, какъ она сложилась послѣ франко-прусской войны, была порождена стремленіемъ создать гарантіи государственной устойчивости путемъ приближительнаго военнаго равновѣсія враждующихъ силъ. Это равновѣсіе, раскрывшее свое содержаніе въ нынѣшней *guerre d'usage*, заранѣе исключало возможность скорой и рѣшительной побѣды одной изъ сторонъ и по-

дѣйствительнѣе организовали то самое, чѣмъ поглощены ихъ смертельные враги.

Какъ бы для того, чтобы придать паденію человѣчества наиболѣе унижительный характеръ, война, та самая, которая пользуется послѣднимъ завоеваніемъ гордой техники, крыльями авіаціи, загнала человѣка въ траншеи, въ грязную земляную пещеру, въ клоаку, гдѣ раздѣаемый паразитами царь природы, лежа на собственныхъ отбросахъ, подстерегаетъ въ щель другого покрытаго вшами троглодита, а газеты и политики на разныхъ языкахъ говорятъ обоимъ, что въ этомъ именно и состоитъ сейчасъ служеніе культурѣ.

Выползшее на четверенькахъ изъ темнаго зоологическаго царства человѣчество внесло организующій разумъ въ свои методы борьбы съ природой. Путемъ героическихъ революціонныхъ потрясеній оно внесло элементы разума въ свою государственную надстройку, вытѣснивъ слѣзую инерцію „божіей милости“ идеей народнаго суверенитета и практикой парламентскаго режима. Но въ самыхъ основахъ своей соціальной жизни, въ своей хозяйственной организаціи, оно остается цѣликомъ во власти темныхъ, сложившихся за порогомъ контролирующаго разума, силъ, которыя всегда грозятъ взрывомъ, стихійно накопляютъ противорѣчія и затѣмъ обрушиваютъ ихъ на голову человѣчества въ видѣ міровыхъ катастрофъ.

Вырванная капиталистическимъ развитіемъ изъ средневѣковаго провинціализма и экономической неподвижности, Европа, въ рядѣ революцій и войнъ, создала незаконченныя велико-и мало-державныя „національныя“ государства и связала ихъ переходящей и вѣчно измѣняющейся системой антагонизмовъ, союзовъ и соглашеній. Не достигнувъ нигдѣ завершенія національ-

наго единства, капиталистическое развитіе пришло въ противорѣчіе съ созданными имъ государственными рамками и въ теченіе послѣдняго полустолѣтія искало выхода въ непрерывныхъ колониальныхъ хищеніяхъ, составлявшихъ внѣевропейскую практику „вооруженнаго мира“ Европы, и эта система, въ которой правящіе верхи экономически, политически и психологически приспособлялись къ чудовищному росту милитаризма, разрѣшилась войной изъ-за мірового господства, — самой колоссальной и самой постыдной войной, какую знала исторія.

Война вовлекла уже семь изъ восьми великихъ державъ и грозитъ вовлечь восьмую; она втягиваетъ одну за другой второстепенныя державы (въ этомъ и состоитъ сейчасъ вся работа дипломатіи); расширяя свою базу, она автоматически растворяетъ отдѣльныя подчиненныя цѣли въ механику взаимнаго ослабленія, истощенія, истребленія. Всеобщностью захвата, множественностью и безформенностью своихъ цѣлей, сочетая и бросая другъ на друга всѣ расы и національности, всѣ государственныя системы и всѣ ступени капиталистическаго развитія, эта война хочетъ показать, что ей чужды какія бы то ни было расовыя или національныя начала, религіозныя или политическія принципы, — она выражаетъ собою просто голый фактъ невозможности дальнѣйшаго сосуществованія націй и государствъ на основѣ капиталистическаго имперіализма.

Система союзовъ, какъ она сложилась послѣ франко-прусской войны, была порождена стремленіемъ создать гарантію государственной устойчивости путемъ приближительнаго военнаго равновѣсія враждующихъ силъ. Это равновѣсіе, раскрывшее свое содержаніе въ нынѣшней *guerre d'usage*, заранѣе исключало возможность скорой и рѣшительной побѣды одной изъ сторонъ и по-

ставило исходъ войны въ зависимость отъ постепеннаго истощенія того или другого изъ противниковъ, приблизительно одинаково богатыхъ матеріальными и моральными ресурсами.

На западномъ фронтѣ тринадцатый мѣсяць войны застаесть траншеи на томъ же приблизительно мѣстѣ, на которомъ ихъ покинулъ второй мѣсяць. Здѣсь все тѣ же передвиженія на десятки метровъ въ ту и другую сторону—черезъ трупы тысячъ и десятковъ тысячъ солдатъ. На Галлипольскомъ полуостровѣ, какъ и на новомъ австро-итальянскомъ фронтѣ, линіи траншей сразу обозначились, какъ линіи военной безнадежности. На русско-турецкой границѣ та же картина въ провинціальномъ масштабѣ. И только на восточномъ фронтѣ гигантскія арміи, послѣ ряда движеній въ ту и другую сторону, снова катятся сейчасъ на востокъ по тѣлу истерзанной Польши, которую каждая изъ сторонъ обѣщаетъ „освободить“.

Въ этой картинѣ, порожденной слѣпымъ автоматизмомъ капиталистическихъ силъ и сознательнымъ безчестіемъ правящихъ классовъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ точекъ опоры, которыя, съ военной точки зрѣнія, позволяли бы связывать какіе бы то ни было планы и надежды съ рѣшительной побѣдой одной изъ сторонъ. Если бы у правящихъ силъ Европы было столько доброй исторической воли, сколько у нихъ злой, онѣ и тогда были бы бессильны разрѣшить своимъ оружіемъ тѣ проблемы, которыя вызвали войну. Стратегическая ситуація Европы даетъ механическое выраженіе тому историческому тупику, въ который загналъ себя капиталистическій міръ.

Если бь соціалистическія партіи, даже оказавшіяся бессильными предупредить войну или призвать въ первую ея эпоху правящихъ къ отвѣту, сняли бы съ себя

съ самаго начала всякую отвѣтственность за міровую бойню, если бы въ тѣсной интернаціональной связи другъ съ другомъ, предостерегая народы и обличая правящихъ, онѣ, какъ партіи, заняли до поры до времени—въ смыслѣ революціоннаго дѣйствія—выжидательную позицію, рассчитывая на неизбѣжный поворотъ массовыхъ настроеній,—какъ великъ былъ бы сейчасъ авторитетъ международнаго социализма, къ которому массы, обманутыя милитаризмомъ, придавленные трауромъ и растущей нуждой, все больше обращали бы свои взоры, какъ къ подлинному пастырю народовъ! Смотрите! Въ положеніи военной безвыходности обѣ борющіяся группы державъ хватаются сейчасъ за каждое мелкое государство: за Румынію, Болгарію или Грецію, какъ за l'état du Destin, судьбоносное государство, которое своей тяжестью должно склонить, наконецъ, вѣсы въ ту или другую сторону. Какой же дѣйствительно „судьбоносный“ вѣсъ приобрѣлъ бы въ этихъ условіяхъ Интернаціоналъ, великая держава международнаго социализма, каждое слово котораго находило бы все большій отголосокъ въ сознаніи массъ. И та освободительная программа, которую теперь отдѣльныя секціи разбитаго Интернаціонала волокутъ по кровавой грязи въ хвостѣ штабнаго обоза, стала бы могущественной реальностью въ международномъ наступленіи социалистическаго пролетаріата противъ всѣхъ силъ стараго общества.

Но исторія и на этотъ разъ осталась мачехой по отношенію къ угнетенному классу. Его національныя партіи, закрѣпившія въ своихъ организаціяхъ не только первые успѣхи пролетаріата, не только его стремленіе къ полному освобожденію, но и всю нерѣшительность угнетеннаго класса, недостатокъ у него самоувѣренности, его инстинктъ подчиненія государству, эти партіи оказались пассивно вовлеченными въ міровую катастрофу

и, малодушно превращая нужду въ добродѣтель, взяли на себя миссію покрывать безыдейную реальность кроваваго преступленія ложью освободительной миеологіи. Возникшая изъ міровыхъ антагонизмовъ полустолѣтія военная катастрофа стала катастрофой сложившагося за это полустолѣтіе зданія Интернаціонала. Годовщина войны является вмѣстѣ съ тѣмъ годовщиной самаго страшнаго паденія сильнѣйшихъ партій международнаго пролетаріата.

И все же мы встрѣчаемъ кровавую годовщину безъ всякаго душевнаго упадка или политическаго скептицизма. Революціонные интернаціоналисты имѣли то неоцѣнимое преимущество, что устояли въ величайшей міровой катастрофѣ на позиціяхъ анализа, критики и революціоннаго предвидѣнія. Мы отказались отъ всѣхъ „національных“ очковъ, которыя выдавались изъ генеральныхъ штабовъ не только по дешевой цѣнѣ, но даже съ приплатой. Мы продолжали видѣть вещи, какъ онѣ есть, называть ихъ своими именами и предвидѣть логику ихъ дальнѣйшаго движенія. Мы были свидѣтелями того, какъ въ бѣшеномъ калейдоскопѣ проходили предъ кровоточащимъ человѣчествомъ старыя иллюзіи и наспѣхъ къ нимъ приспособленныя новыя программы, проходили и терпѣли крушеніе въ водоворотѣ событій, уступая мѣсто новымъ иллюзіямъ и еще болѣе новымъ программамъ, которыя мчались навстрѣчу той же участи, все болѣе обнажая и истину. А социальная истина всегда революціонна!

Марксизмъ, методъ нашей ориентировки въ историческомъ процессѣ и орудіе нашего вмѣшательства въ этотъ процессъ, устоялъ подъ ударами пушекъ въ 75 миллиметровъ, какъ и мерзеровъ въ 42 сантиметра. Онъ устоялъ, когда крушились партіи, стоявшія, казалось, подъ его знаменемъ.

Марксизмъ не есть фотографія сознанія рабочаго класса, — онъ даетъ законы историческаго развитія рабочаго класса. Въ своей борьбѣ за освобожденіе рабочій классъ можетъ измѣнять марксизму — силою условій, анализъ которыхъ даетъ марксизмъ, — но, измѣняя марксизму, рабочій классъ измѣняетъ себѣ. Черезъ паденія и разочарованія, черезъ трагическія катастрофы, приходя къ новымъ, болѣе высокимъ формамъ самопознанія, рабочій классъ снова приходитъ къ марксизму, закрѣпляя и углубляя въ своемъ сознаніи его послѣдніе революціонныя выводы.

Это и есть тотъ процессъ, который мы наблюдаемъ за послѣдній годъ. Логика положенія рабочаго класса властно гонитъ его повсюду вонъ изъ-подъ ярма національнаго блока и — еще большее чудо! — прочищаетъ многіе покрывшіеся плѣсенью поссибилизма социалистическіе мозги. Какими жалкими и презрѣнными кажутся, несмотря на ихъ видимую успѣшность, торопливыя усилія официальныхъ партій еще разъ провозгласить на своихъ совѣщаніяхъ революціонную роль казеннаго мелинита и закрѣпить посредствомъ многократнаго повторенія рабскую иллюзію „защиты отечества“, не сходящаго съ большой дороги имперіализма!

Безвыходность военнаго положенія, паразитическая алчность правящихъ капиталистическихъ кликъ, питающихся этой безвыходностью, повсемѣстный ростъ бронированной реакціи, обнищаніе народныхъ массъ и, какъ результатъ всѣхъ этихъ результатовъ, медленное, но неуклонное отрезвленіе рабочаго класса, — вотъ неподдѣльная реальность, дальнѣйшаго развитія которой не задержитъ никакая сила въ мірѣ!

Въ нѣдрахъ всѣхъ партій Интернаціонала происходитъ процессъ пока еще только идейнаго возстанія противъ милитаризма и шовинистической идеологіи, — про-

цессъ, который не только спасаетъ честь социализма, но и указываетъ народамъ единственный путь выхода изъ войны, съ ея лозунгомъ „до конца“, этой законченной формулой упершагося въ тупикъ „ученаго варварства“.

Служить этому процессу есть самая высокая задача, какая существуетъ сейчасъ на нашей окровавленной и обезчещенной планетѣ!

„Н. С.“. Парижъ.

4-го августа 1915 г.

Имперіалистическая программа.

На французскомъ книжномъ рынкѣ появилась брошюра, которая привлекаетъ вниманіе заглавіемъ, именемъ автора и фирмой издательства. Это брошюра графа де-Фельса (De-Fels) „L'imperialisme français“, выпущенная въ свѣтъ солиднымъ военнымъ издательствомъ Berger—Levrault *). Авторъ — умѣренный республиканецъ, „либеральный“ католикъ, съ цезаристскими симпатіями. Но всѣ эти его черты получаютъ свое мѣсто и значеніе только въ свѣтѣ его отношенія къ имперіалистической программѣ Франціи. Брошюра въ высшей степени поучительна именно тѣмъ, что представляетъ серьезную, въ своемъ родѣ продуманную, попытку міровой имперіалистической оріентаціи подъ французскимъ угломъ зрѣнія. Притомъ—и это главное—авторъ не просто создаетъ по личному вкусу программную конструкцію, а обобщаетъ и приводитъ въ порядокъ наличныя тенденціи французской міровой политики, которую онъ, въ нынѣшнемъ ея видѣ, обвиняетъ въ безсистемности, идеалистической фразистости, несамостоятельности и недѣловитости.

Уже приведенныя выше черты политической физиономіи автора исключаютъ для насъ возможность солидаризироваться съ нимъ какъ въ теоретическихъ посылахъ, такъ и въ практическихъ выводахъ. Но у

*) После того, какъ были написаны эти строки, я успѣлъ убѣдиться, что книжка уже отмѣчена на официальныхъ верхахъ французской мысли: знаменитый экономистъ Жоржъ Леви далъ о ней лестный отзывъ въ Институтѣ Нравственныхъ Наукъ.

графа де-Фельса есть то не часто предъявляемое въ наши бурные дни качество, что онъ размышляетъ, т.-е. въдумывается въ содержаніе понятій и, соединяя слова въ предложенія, руководится логическими, а не акустическими соображеніями. На брошюрѣ консервативнаго графа не только отдыхаешь отъ господства ложно-класической фразы, но и кое-чему обучаешься.

Знаменательны уже первая строки. Авторъ съ пренебреженіемъ отзывается о тѣхъ политикахъ и публицистахъ,—онъ говоритъ даже: „значительное большинство нашихъ государственныхъ людей и публицистовъ“, — которые придаютъ слову имперіализмъ наносный смыслъ, имѣя при этомъ въ виду исключительно международную политику Германіи; Франція, по ихъ словамъ, „вмѣшивается въ дѣла міра только для того, чтобы приносить свободу и эмансипацію“. Дѣло не въ терминологіи только, а въ отношеніи къ самому существу вопроса. Во Франціи изъ-за государственной формы склонны проглядывать историческую сущность явленій, и подъ имперіализмомъ слишкомъ часто понимаютъ династически-завоевательную политику, бонапартовскую или гогенцоллернскую.

Между тѣмъ, говоритъ авторъ, первый классическій образецъ имперіализма дала римская республика, установившая свое господство надъ многими другими народами. Самъ Фельсъ не отдаетъ себѣ, правда, достаточно яснаго отчета въ особенностяхъ современнаго, т.-е. капиталистическаго имперіализма, съ его господствомъ тяжелой индустріи и финансоваго капитала. Но зато онъ очень ясно понимаетъ, что имперіализмъ не есть продуктъ государственной формы, что онъ стоитъ надъ политическими системами, монархическими и республиканскими, используя и тѣ и другія для своихъ цѣлей. „Въ дѣйствительности,—пишетъ онъ,—не въ обиду будетъ

сказано писателямъ, которые стремятся сбить съ толку общественное мнѣніе нашей страны, представляя ей въ ложномъ свѣтѣ ея собственную политику, Франція, направленная со времени Берлинскаго конгресса 1878 г. Жюлемъ Ферри въ сторону завоеванія колониальной имперіи,—эта Франція преслѣдуетъ политику империализма“. Она успѣла подчинить своему господству огромныя пространства и цѣлыя народы: Тунисъ, Тонкинъ, Аннамъ, Индо-Китай, Мадагаскаръ, Суданъ, Конго, Марокко. „Въ какую бы сторону ни повернуть глаза, исторія, начиная съ 1877 г. и до нашихъ дней, представляетъ намъ серію войнъ, вызванныхъ амбиціями и конфликтами империалистической политики всѣхъ великихъ націй. Было бы смѣшнымъ лицемѣріемъ отрицать это“.

Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ традиціонное могущество демократически-идеалистическихъ общихъ мѣстъ въ официальномъ общественномъ мнѣніи Франціи и потому не разъ возвращается къ своей основной мысли на протяженіи своей книжки. „Многіе французы,—говоритъ онъ,—будутъ, несомнѣнно, удивлены тѣмъ, что можно видѣть хотя бы тѣнь империализма въ актахъ, выработанныхъ въ Елисейскомъ дворцѣ или на Quai d'Orsay со времени заключенія франко-русскаго союза въ 1891 г. И тѣмъ не менѣе мы должны признать, что если въ ихъ глазахъ эта политика запечатлѣна колебаніями, робостью и особенно парализующими ее противорѣчіями, она, съ другой стороны, разсматривается иностранцами—и ихъ оцѣнка не лишена аргументовъ,—какъ концепція ненасытнаго честолюбія и жаднаго стремленія безгранично расширить французскую имперію на континентахъ и моряхъ,—концепція, опороченная мегаломаніей, которая беспокоитъ нашихъ соперниковъ и приводитъ въ негодованіе нашихъ враговъ“.

Если такимъ образомъ было бы, по мнѣнію нашего консервативнаго писателя, чистѣйшимъ лицемѣріемъ отрицать наличность французской имперіалистической политики, въ которой самъ авторъ видитъ, разумѣется, естественный и прогрессивный фактъ, а отнюдь не порокъ системы, то, съ другой стороны, необходимо признать, говоритъ онъ, что французскій имперіализмъ послѣднихъ десятилѣтій отличался невыдержаннымъ, зигзагообразнымъ, „перемежающимся“ (intermittant) характеромъ. И именно въ этой его чертѣ и только въ ней авторъ видитъ дѣйствительный порокъ системы.

Для міровой колоніально-морской политики необходима прежде всего сильная, солидно защищенная и хорошо организованная метрополія.

Англія и Японія пользуются почти полной неуязвимостью въ своей колоніальной политикѣ. благодаря островному характеру. Россія и Соединенные Штаты обезпечены уже одной неизмѣримостью своихъ пространствъ. Между тѣмъ Франція, углубляясь въ другіе континенты, сохраняла „открытую“ границу отъ Дюнкирхена до Бельфора. Въ погонѣ за не всегда достаточно мотивированными колоніальными пріобрѣтеніями она закрывала глаза на предварительную задачу: перенесеніе восточной границы на Рейнь.—Но и въ чисто-колоніальной области французская политика слишкомъ легко отказывалась отъ важнѣйшихъ реальныхъ преимуществъ во имя сомнительныхъ „принциповъ“ или гадательныхъ выгодъ. Такъ, порвавъ съ папой, Франція выпустила изъ рукъ такое незамѣнимое для колоніальной политики оружіе, какъ протекторатъ надъ восточными католиками; а погнавшись за Марокко, оказалась вынужденной отказать отъ своихъ старыхъ и прочныхъ позицій въ Египтѣ.

Графъ де-Фельсъ посвящаетъ нѣсколько страницъ политикѣ г. Делькассе, которую онъ безъ обиняковъ объявляетъ „зловѣщей“. Его брошюра вышла приблизительно около времени закрытаго засѣданія парламента, гдѣ, какъ достаточно внятно писала пресса, совершились политическія похороны Делькассе. Это совпаденіе не случайно. Оно лишь подтверждаетъ уже высказанную нами выше мысль, что авторъ въ общемъ и цѣломъ формулируетъ тѣ тенденціи, которыя намѣчаются въ правящихъ кругахъ Франціи. Его забота состоитъ лишь въ томъ, чтобъ привести эти тенденціи въ систему.

„Главной ошибкой нашего имперіализма, той, которая должна была повлечь (*déchaîner*) наиболѣе гибельныя послѣдствія, явилось мароккское предпріятіе въ томъ видѣ, какъ оно было задумано г. Делькассе. Известно, что трактатъ о раздѣлѣ Марокко, противный всѣмъ традиціямъ нашей африканской политики, былъ заключенъ этимъ министромъ съ либеральнымъ испанскимъ министерствомъ и не былъ затѣмъ признанъ пришедшимъ на смѣну консервативнымъ министерствомъ. Болѣе того, Делькассе сообщилъ этотъ трактатъ Англіи, и отсюда вытекли переговоры, приведшіе къ англо-французскому соглашенію 1904 года. Отсюда же вытекла сдѣлка съ Италіей по поводу Триполи. „Незаинтересованность“ Англіи и Италіи въ мароккскомъ вопросѣ была получена при помощи нашего отказа отъ Египта по отношенію къ первой изъ этихъ державъ и посредствомъ нашего согласія на завоеваніе Либіи—по отношенію ко второй. Тогда Италія, не встрѣчая болѣе препятствій съ нашей стороны развитію своей имперіалистической политикѣ въ Африкѣ, начинаетъ войну съ Турціей, которая открываетъ работу расчлененія этой страны. Эта война сама по себѣ породила въ короткій срокъ два важныхъ результата, чреватыхъ послѣдствіями для даль-

нѣйшихъ событій. Первый—это упроченіе въ Константинополѣ партіи младо-турокъ-германофиловъ. Второй—это развѣзданіе балканскихъ вождельнѣй Сербіи, Болгаріи и Греціи. Первая балканская война 1912 г. логически заставляеть Австро-Германію вызвать вторую, 1913 г.—А мы уже видѣли выше, что мировая война 1914 г. вышла непосредственно изъ предшествовавшихъ ей балканскихъ конвульсій“.

Въ связи съ этимъ сжатымъ прагматическимъ очеркомъ мировыхъ событій послѣднихъ лѣтъ, который освѣщаетъ причины войны съ той стороны, которую обходятъ офиціозы согласія, авторъ энергично обвиняеть смѣнявшія другъ друга министерства Франціи, которыя всѣ качались, по его мнѣнію, между пацифизмомъ и колониальнымъ авантюризмомъ. Въ концѣ-концовъ они оказались вынуждены—подъ давленіемъ „національнаго общественнаго мнѣнія“—примкнуть къ системѣ союзовъ, изъ которой и выросла нынѣшняя война. Но именно потому, что у правящихъ классовъ не было твердой мировой оріентаціи, на долю Франціи выпала—по мнѣнію Фельса—не руководящая, а страдательная роль.

„Договоръ 1891 г. (съ Россіей) фактически обявывалъ насъ браться за оружіе за славянское дѣло, что и произошло. Соглашенія съ Англіей и Италіей были заключены этими націями равнымъ образомъ во имя священнаго эгоизма, который является принципомъ ихъ политики“. Франція же, надѣявшаяся, что система союзовъ явится гарантіей мира, оказалась въ моментъ разыгравшейся войны, въ отличіе отъ своихъ союзниковъ, безъ опредѣленной имперіалистической программы. Сила Германіи въ томъ, что она оказалась во главѣ созданной ею системы государствъ, подчинивъ ее своему руководству во имя общаго плана. Франція же для себя такого положенія создать не су-

мѣла; она не руководить событіями, а претерпѣваетъ ихъ. Какова будетъ позиція правящей Франціи къ моменту заключенія мира? Выступятъ ли ея министры на конгрессѣ въ защиту принциповъ права, свободы и пр. „съ краснорѣчіемъ, котораго никто не отрицаетъ“, или же они выдвинутъ программу „точныхъ и традиціонныхъ интересовъ Франціи“? Въ этомъ главный политическій вопросъ момента.

Среди принциповъ, отстаиваемыхъ французскими министрами „съ краснорѣчіемъ, котораго никто не отрицаетъ“, первое мѣсто занимаетъ принципъ національностей“. На него-то графъ де-Фельсъ и обрушиваетъ главные удары своей критики. Онъ обращаетъ вниманіе прежде всего на то, что въ заявленіяхъ официальныхъ сферъ четверного согласія ссылка на принципъ національностей встрѣчается только на сторонѣ Италіи; тогда какъ остальные участники почти не откликаются на этотъ принципъ. Другое дѣло—парламентскія сферы Франціи. Здѣсь чуть не каждая очередная рѣчь заканчивается признаніемъ необходимости бороться до конца, т.-е. до полного торжества права и національнаго принципа. На мѣстѣ избирателей авторъ спросилъ бы депутатовъ, что собственно они понимаютъ подъ правомъ и національнымъ принципомъ? И только крайне „приблизительный“ (soixmaige) характеръ международно-политическаго образованія во Франціи позволяетъ — по мнѣнію Фельса — широкой публикѣ безъ протеста читать такого рода общими мѣстами. На самомъ дѣлѣ принципъ національностей, печальное наслѣдство Ламартина и Наполеона III,—здѣсь, какъ и вездѣ, мы излагаемъ нашего автора по возможности его собственными словами,—не есть вовсе принципъ, т.-е. руководящая истина. „Рѣшатся ли сторонники національнаго прин-

ми ?

ципа требовать во имя его на будущемъ конгрессѣ мира, чтобъ валлонскія провинці Бельгіи были переданы Франціи вмѣстѣ съ англо-нормандскими островами и французской Канадой? Предложить ли они освободить арабскій міръ отъ французской, англійской или итальянской опеки, раздѣлить Швейцарію между ея тремя сосѣдями подъ тѣмъ предлогомъ, что она населена тремя различными расами? Готовы ли они отказать побѣдосной Италіи въ окрестности Триеста и въ восточномъ побережьи Адриатики по той причинѣ, что эти земли заселены славянами? Кто не понимаетъ теперь, что этотъ принципъ, въ которомъ наши идеологи видятъ только орудіе свободы, могъ бы въ будущемъ стать зародышемъ страшныхъ столкновеній между нынѣшними нашими союзниками“.

Уничтоженіе прусскаго милитаризма, какъ составная часть общей программы осуществленія права и справедливости, тоже представляется нашему автору сомнительной задачей. „Не будемъ,—пишетъ онъ,—упускать изъ виду, что если побѣда увѣнчаетъ усилія союзниковъ, она освятитъ тѣмъ самымъ торжество русскаго и англійскаго имперіализмовъ... и будущія войны будутъ предприниматься, какъ и нынѣшняя, для удовлетворенія имперіалистическихъ вождельній, а не для торжества справедливости на землѣ“. Ни одинъ изъ большихъ народѣвъ не откажется отъ того, что онъ считаетъ своей исторической миссіей. „А это торжественное слово,—прибавляетъ сейчасъ же авторъ,—слишкомъ часто служитъ только пышнымъ покровомъ для маскированія вождельній и интересовъ“.

Въ эпоху „универсальнаго имперіализма“,—а мы въ нее вступили,—болѣе, чѣмъ когда бы то ни было,—нужна политика трезваго учета, а не широковѣщательныхъ фразъ. Франція, можетъ быть, и станетъ сильной только на основѣ широко организованнаго имперіализма.

Необходимѣйшимъ условіемъ для этого, какъ мы уже знаемъ, являются „естественныя границы“ метрополіи. Къ океану, Пиренеямъ, Средиземному морю и Альпамъ долженъ присоединиться, въ качествѣ восточной границы, Рейнъ. Въ расширенной Франціи внутренняя политика должна быть цѣликомъ подчинена имперіалистическимъ задачамъ. Для этого необходимо удержать и укрѣпить union sacrée всѣхъ классовъ и партій, но не путемъ идеалистическихъ заклинаній, дополняемыхъ коалиціонными министерствами, куда, въ качествѣ заложниковъ, включаются всѣ отѣнки политическаго спектра, — такое объединеніе хотя и „является шедевромъ современной политики, ибо пріобщеніе къ правительственной власти является средствомъ парализовать навсегда критику оппозиціи“, но оно все же слишкомъ громоздко и непрочно; соціальныи миръ долженъ быть достигнутъ путемъ привлеченія всѣхъ классовъ къ имперіалистическому сотрудничеству и — къ его плодамъ. Два вопроса должны быть при этомъ разрѣшены въ первую голову: церковныи и рабочій.

Нужно примирить церковь съ совѣтской республикой. Для этого необходимо гарантировать духовенству посредствомъ закона пользование всѣми церковными и священническими имуществами; тогда какъ сейчасъ церковь въ этой области зависитъ отъ благоусмотрѣнія свѣтскихъ властей. Необходимо далѣе возстановить дипломатическія связи съ Ватиканомъ и вернуть себѣ такимъ образомъ важнѣйшее орудіе колониальнаго вліянія и международной оріентаціи, „одну изъ лучшихъ картъ въ своей игрѣ“. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. „Только черезъ посредство Ватикана мы могли бы сохранить точку соприкосновенія съ Австріей, а результаты переговоровъ съ союзницей Германіей могли бы и могутъ еще открыть возможность соглашенія неисчислимой важности“.

Въ рабочемъ вопросѣ де-Фельсъ выступаетъ — и это характерно для французскаго имперіалиста — рѣшительнымъ противникомъ этатизма, т.-е. покровительственнаго государственнаго законодательства, какъ, напримеръ, подоходно-прогрессивнаго налога. Какова была практика въ этой сферѣ до сихъ поръ? „Съ одной стороны, республика откалывала отъ социалистической партіи наиболѣе интеллигентныхъ социалистовъ, открывая имъ доступъ къ министерствамъ“. Съ другой стороны, она проводила такъ наз. социальные законы, очень мало дававшіе рабочимъ, но зато увеличивавшіе бюрократическіе кадры и непомерно повышавшіе государственные расходы. Эта политика должна быть замѣнена усыновленіемъ синдикализма, какъ организациі самопомощи въ самомъ широкомъ смыслѣ. Синдикаты для этого должны стать собственниками, и государство должно приложить руки къ возрастанію синдикальной собственности. Для расходовъ по ученичеству, на пенсіи, субсидіи и проч. долженъ быть созданъ фондъ, основу которому должно положить само государство путемъ одновременнаго трехмилліоннаго займа, — это будетъ „великолѣпный даръ“, проценты съ котораго явятся „приданнымъ священнаго единенія между трудомъ и капиталомъ“. Но классовое единеніе можетъ быть осуществлено только на основѣ быстраго повышенія богатства и имперіалистическаго могущества Франціи. „Слишкомъ простая политика — отнимать у богатыхъ и отдавать бѣднымъ“. Нужно найти новые источники, которые обогащали бы тѣхъ и другихъ (за счетъ *третьихъ*, прибавимъ отъ себя, — это и есть имперіализмъ). Необходима разумная и широкая эксплуатація колониальныхъ богатствъ на основѣ устойчивой оріентаціи господства республики надъ колоніями. Финансовому капиталу должно быть дано производительное примѣненіе. Трансафриканская

железная дорога, панатлантический торговый портъ въ Брестѣ, туннель подѣ Ламаншемъ, колонизація долины Нигера — таковы первыя, въ длинномъ рядѣ, технико-империалистическія задачи. На основѣ этой широкой мировой программы только и возможна станетъ успѣшная борьба объединенными силами націи надѣ ея внутренними врагами: мальтузианствомъ, алкоголизмомъ, этатизмомъ, марксизмомъ (классовая борьба!) и боевымъ антиклерикализмомъ.

Кто осуществитъ эту задачу? Новый Бонапартъ, вышедшій изъ нѣдръ нынѣшней войны? Или государственнй человѣкъ, подобный Тьеру, но крупнѣе? Или, наконецъ, объединенныя „лучшія силы всей націи“? Этого Фельсъ не знаетъ. Но лишь на этомъ пути Франція можетъ, по его убѣжденію, не только отстоять себя, но и снова стать руководящей страной Европы.

А рѣчь идетъ именно о руководящемъ мѣстѣ, — этого требуетъ не только національное самолюбіе автора, но самая логика империализма, который по тенденціямъ своимъ есть борьба за міродержавіе. Подѣ угломъ зрѣнія французскаго империализма необходима, по автору, переоцѣнка всѣхъ союзовъ и обязательствъ. Это самый деликатный моментъ его изложенія. „Мы могли бы доказать, если бы это не было несвоевременнымъ, и намъ остается поэтому только указать, что такая нація, какъ Франція, когда она заключаетъ свои союзы, должна имѣть первенство въ руководствѣ дѣлами, вызвавшими эти союзы, и не должна — подѣ угрозой самыхъ страшныхъ опасностей — тащиться на буксирѣ у своихъ союзниковъ, предоставляя имъ инициативу и руководство политическими и военными предпріятіями, вытекающими изъ союзныхъ договоровъ“.

Подѣ этимъ же міродержавнымъ угломъ зрѣнія авторъ даетъ очень поучительную оцѣнку будущихъ судебъ

французскаго социализма. Мы уже знаемъ, что марксизмъ, какъ теорія классово́й борьбы, долженъ быть преодоленъ, наравнѣ съ мальтузианствомъ и алкоголизмомъ. Восторжествовать и упрочиться должна чисто-національная социалистическая доктрина — на основѣ социальнаго мира и трехмиллиарднаго приданаго. — „Если социализмъ и въ будущемъ сохранить интернаціональный характеръ, мы совершенно не станемъ противъ этого возражать“, но подъ условіемъ, чтобы дѣло шло именно о французскомъ социализмѣ. Болѣе того: „пропаганда французскаго имперіализма охотно возьметъ на себя распространеніе въ мірѣ тѣхъ социальныхъ принциповъ, которые должны объединить въ нашей странѣ всѣхъ сторонниковъ священнаго единенія и социальной справедливости“.

Такова эта законченная въ своемъ родѣ программа. Франція, достигшая естественныхъ границъ, опирается на колоніи и широко эксплуатируетъ ихъ несмѣтныя богатства. — Католицизмъ и пролетаріатъ включены въ параллелограммъ національныхъ силъ, равнодѣйствующую котораго образуетъ имперіализмъ. Социализмъ становится только особой формой имперіалистической экспансіи. Наконецъ, въ той международной комбинаціи, къ которой принадлежитъ Франція, она резервируетъ для себя руководящую роль.

Мы поставили своей задачей лишь изложеніе взглядовъ графа де-Фельса, а не критику ихъ. Ограничимся здѣсь поэтому нѣсколькими заключительными замѣчаніями. Утопична ли программа Фельса? И да и нѣтъ. По существу дѣла онъ возводитъ въ идеаль для Франціи то положеніе, какое создала для себя Англія, особенно въ третьей четверти прошлаго столѣтія: господство надъ колоніями и примиреніе пролетаріата съ буржуазіей на основѣ имперіализма (послѣ бурной эпохи

чартистскаго движенія). Но сама Англія чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряла свое привилегированное положеніе. На сцену выступали и требовали для себя все большаго мѣста подъ солнцемъ новыя имперіалистическія величины. Программа Фельса представляетъ въ этихъ условіяхъ, такъ сказать, построеніе чистой имперіалистической механики; она цѣликомъ отвлекается отъ тѣхъ могущественныхъ и все возрастающихъ „трений“, какія должна встрѣтить Франція въ борьбѣ за міродержавное положеніе.

Но если это построеніе утопично со стороны своей „конечной цѣли“, то оно очень реалистично со стороны анализа тѣхъ силъ, которыя приводятъ въ движеніе современную политику. И, наконецъ, работа Фельса, какъ мы уже отмѣтили, дѣйствуетъ прямо-таки освѣжающимъ образомъ, поскольку мягко по формѣ, но жестоко по существу раздѣлывается съ навязшей въ зубахъ идеалистической фразеологіей.

Парижъ.

„Французская“ программа мира.

I.

Французская политическая мысль работает надъ вопросами будущаго мира. Общественное мнѣніе республики, застигнутое великими событіями врасплохъ, разсматривало въ первую эпоху войну исключительно подъ угломъ зрѣнія національной обороны. Въ то время какъ въ Германіи выходили безчисленныя брошюры, посвященныя новымъ „міровымъ“ задачамъ, осуществленію которыхъ должна служить война, французская повседневная пресса исчерпывала себя въ традиционныхъ формулахъ: національная независимость, европейское равновѣсіе, борьба за право. Болѣе конкретная программа войны встала передъ Франціей, какъ непосредственный выводъ изъ самаго хода войны: освобожденіе Бельгіи и сѣверныхъ департаментовъ Франціи сразу заняло въ общественномъ мнѣніи несравненно больше мѣста, чѣмъ почти полустолѣтняя проблема Эльзась-Лотарингіи. Но чѣмъ дальше затягивается война, чѣмъ больше жертвъ пожираетъ она, чѣмъ менѣе ясны перспективы ближайшаго будущаго, тѣмъ настойчивѣе работаетъ политическая мысль надъ вопросомъ о томъ, что должна дать война, во имя чего приносятся эти неисчислимыя жертвы, какою выйдетъ Франція изъ кроваваго испытанія. Появился уже цѣлый рядъ брошюръ, посвященныхъ этой темѣ и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ политикамъ, публицистамъ и ученымъ разныхъ степеней авторитетности и вліянія.

Мы хотимъ дать читателямъ „Кіевской Мысли“ систематическое изложеніе тѣхъ требованій, какія формулируются въ настоящее время въ руководящей французской печати, развиваются и углубляются въ политическихъ памфлетахъ и въ цѣломъ образуютъ содержаніе такъ называемаго „французскаго мира“.

Программа эта объемлетъ вопросы о новой французской границѣ на востокъ, о европейскихъ вооруженіяхъ, контрибуціи, колоніяхъ и—не на послѣднемъ мѣстѣ—вопросъ о расчлененіи Германіи.

Извѣстный французскій историкъ Эдуардъ Дріо, президентъ комитета Мишле, директоръ журнала, посвященнаго изученію наполеоновской эпохи, — словомъ, одна изъ крупныхъ звѣздъ на научномъ небосклонѣ Франціи, посвящаетъ вопросу о будущемъ мирѣ брошюру „Франція и война“, съ программнымъ подзаголовкомъ: „Les solutions françaises“—„Французскія рѣшенія“.

Какъ и большинство другихъ писателей на эту тему, Дріо въ центрѣ своего изслѣдованія ставитъ вопросъ о Рейнѣ. Франція должна, наконецъ, найти свои естественные предѣлы, нарушенные „прусскимъ инцидентомъ“. Тѣ границы, которыя были навязаны Франціи въ 1815 году, открыли нѣмцамъ пути въ 1870 году. А новыя границы, установленныя по Франкфуртскому миру 1871 г., открыли пути для нынѣшняго вторженія Германіи въ Бельгію и сѣверную Францію. Уроки прошлаго, законченные нынѣшней войной, свидѣтельствуютъ, по мнѣнію Дріо, что, доколѣ Пруссія сохранитъ свои владѣнія налѣво отъ Рейна, ни для Франціи, ни для Бельгіи, ни для Англіи не будетъ обезпечено спокойствіе. „Въ той или другой формѣ, но необходимо поставить варварству барьеръ на Рейнѣ, укрѣпленномъ могучими крѣпостями“.

Но не только стратегическія соображенія приводитъ въ защиту своего положенія профессоръ Дрію. Не меньшую роль играютъ и экономическіе интересы. „Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ,—послѣ общихъ испытаній и общихъ жертвъ мы будемъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ Бельгіей, и для того, чтобы вырвать ее изъ-подъ экономического нашествія Германіи, которая уже успѣла опутать ее, необходимо будетъ установить съ нею самое тѣсное таможенное соглашеніе; такъ, прибавка ея угля была бы неоцѣнима для покрытія нашего дефицита. Нужно, однако,—оговаривается профессоръ,—какъ можно заботливѣе щадить ея полную независимость; нужно, чтобы она оставалась сильной и способной заставлять уважать себя, а это для нея возможно только черезъ свободу“. Дрію говоритъ о промышленномъ бассейнѣ на Саарѣ, который былъ французскимъ со времени Людовика XIV. „Саарскій бассейнъ необходимъ для завершенія экономического единства Лотарингіи“.

Къ Рейну обращаетъ свои взоры и Савари, реакціонный журналистъ изъ „Echo de Paris“, авторъ брошюры „La Frontière du Rhin“. Онъ начинаетъ свое изложеніе, согласно твердо установившемуся теперь обычаю, со свидѣтельствъ болѣе или менѣе древнихъ авторовъ. „Германія отдѣлена отъ Галліи Рейномъ“,—свидѣтельствуется Тацитъ.—„Галлія простирается отъ Рейна до Пиреней и отъ Альпъ до океана“,—утверждаетъ Юлій Цезарь. Фридрихъ Великій, прусскій король, говоритъ съ своей стороны: „Было-бы желательно, чтобъ Рейнъ оставался опушкой французской монархіи“. „Франція будетъ замкнута Рейномъ, Альпами и Пиренеями“, указывалъ Меттернихъ. Не мало есть и французскихъ свидѣтельствъ. Кардиналъ Ришелье требовалъ, чтобъ Галлія была восстановлена въ своихъ естественныхъ

границахъ. „Предѣлы Франціи указаны природой, — заявилъ въ конвентѣ Дантонъ. — Мы достигаемъ ихъ въ четырехъ пунктахъ: у океана, у береговъ Рейна, у Альпъ и у Пиренеевъ“. И, наконецъ, Наполеонъ предсказывалъ, что Франція, раньше или позже, восстановитъ свою естественную границу по Рейну, который является „декретомъ Бога, какъ Альпы и Пиренеи“. Таковъ фундаментъ изъ историческихъ цитатъ, на которомъ Савари строитъ программу „французскаго мира“.

Савари видитъ нѣсколько способовъ вернуть французской культурѣ то, что принадлежитъ ей по праву, т.-е. лѣвый берегъ Рейна.

1) Сохранить рейнскія провинціи въ ихъ нынѣшнемъ политическомъ дѣленіи, за вычетомъ территоріи, отходящей непосредственно къ Франціи и Бельгіи, именно: Палатинатъ, лѣвобережный Гессенъ и Ольденбургъ, превративъ остатокъ въ независимую республику, которая, однако, была бы связана съ Франціей таможенной уніей.

2) Превратить совокупность всѣхъ этихъ территорій—безъ аннексій—въ независимое государство, предпочтительно въ республику, съ той же таможенной уніей.

3) Аннексировать весь лѣвый берегъ Рейна и раздѣлить его между Франціей и Бельгіей; это будетъ тѣмъ менѣе затруднительнымъ, что мужественная и лояльная Бельгія сама представляетъ область французской культуры.

„Рейнъ, который является естественной и исторической границей, долженъ, для равновѣсія и благополучія Франціи, стать дѣйствительной границей этой націи. „Нѣмцы Франціи“ и „французы Германіи“ смогутъ затѣмъ восстанавливать нормальныя отношенія между этими двумя народами, если такія отношенія возможны“.

Еще болѣе рѣшительно подходитъ къ тому же вопросу сынъ знаменитаго драматурга Андрей Сарду. Захватъ всѣхъ территорій на лѣвомъ берегу Рейна, до вступленія его въ Голландію, кажется Сарду минимальной программой французскаго мира. Но у него есть и другая, болѣе широкая и заманчивая программа. Согласно ей земли на правомъ берегу Рейна должны были бы также отойти къ Франціи, служа защитой Бельгіи и ея новыхъ приобрѣтеній на лѣвомъ берегу противъ всякихъ угрозъ съ востока. Кромѣ городовъ, какъ Фрейбургъ, Карлсруэ, Мангеймъ, Дармштадтъ, Висбаденъ, Эльберфельдъ и Эссенъ, великій металлургическій центръ Германіи, гдѣ находятся мастерскія Круппа, мы получили бы также огромные минные бассейны... На всякій случай Сарду прибавляетъ: „Пусть читатель не удивляется тому, что мы выдвигаемъ подобнаго рода аннексіонныя претензіи“,—окажись нѣмцы побѣдителями, ихъ претензіи были бы еще больше. (Вопросу о томъ, чего хотятъ нѣмцы, посвящена появившаяся на-дняхъ въ продажѣ брошюра небезызвѣстнаго публициста А. Шерадама: „La Paix que voudrait l'Allemagne“.) Если бы, однако, показалось слишкомъ опаснымъ для Франціи захватывать обширныя пространства, сплошь населенныя нѣмцами, Сарду на этотъ случай имѣетъ болѣе скромную программу: восточная граница, начинаясь либо у Базеля, либо у Констанцскаго озера, захватываетъ Шварцвальдъ до Неккара, затѣмъ идетъ по нижнему теченію Неккара до его слиянія съ Рейномъ и, наконецъ, по Рейну до Голландіи.

Онезимъ Реклю, братъ знаменитаго географа-анархиста, выпустилъ брошюру, одно заглавіе которой составляетъ законченную программу: „Германію въ куски. Драконовскій миръ“. На экземплярѣ, который я держу въ рукахъ, обозначена уже десятая тысяча. Брошюра имѣетъ свою публику, стало-быть, и свое вліяніе.

„Что возьметъ Франція въ Европѣ? — спрашиваетъ авторъ. — Прежде всего она вернетъ себѣ по праву Эльзась и Лотарингію. Она присоединитъ къ нимъ великій угольный бассейнъ Саара... Далѣе мы ни подѣ какимъ видомъ не допустимъ рейнской Баваріи и рейнской Пруссіи, ни великаго герцогства Люксембургъ, неспособнаго противопоставить нашествію больше четырехъ солдатъ и одного капрала. Не должно быть болѣе нѣмецкихъ земель вдоль Мозеля и на лѣвомъ берегу Рейна“. Реклю, впрочемъ, готовъ предоставить западнымъ провинціямъ Германіи на выборъ: либо присоединиться къ Франціи, либо оставаться независимыми подѣ французскимъ протекторатомъ. Если онѣ предпочтутъ независимость, онѣ будутъ нейтрализованы Европой, на ряду съ Баденскимъ герцогствомъ. Но Реклю надѣется, что рейнскія провинціи изберутъ присоединеніе къ Франціи. „То, что ихъ можетъ склонить сюда, это отвращеніе къ грубости пруссаковъ, искони смертельно ненавидимыхъ; это—честь принадлежать къ великодушному народу въ отечествѣ хорошихъ винъ; это—выгода имѣть Парижъ въ качествѣ метрополіи; это—увѣренность стать во Франціи полезными работниками, колонизовать вмѣстѣ съ нами Африку; наконецъ, это—выгода избавиться отъ тяжести внушительной контрибуціи“. Скажутъ, что мы вступаемъ въ противорѣчіе съ пресловутымъ принципомъ національностей. Безъ сомнѣнія. Но вѣдь французы не будутъ проводить свирѣпыхъ методовъ національнаго обезличенія. Они заведутъ только въ каждой деревнѣ школы французскаго языка, и новые сограждане тѣмъ охотнѣе пошлютъ туда своихъ дѣтей, что французская рѣчь „менѣе щетинистая, менѣе трудная, болѣе цивилизованная, гораздо болѣе міровая, чѣмъ ихъдеичь“.

Отъ брата знаменитаго географа перейдемъ къ безспорно первоклассному свѣтилѣ французской историче-

ской науки, писателю съ репутаціей демократа и радикаль-соціалиста, хорошо извѣстному въ Россіи профессору Олару. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ Сорбоннѣ и теперь вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ, Оларь не только выступаетъ на защиту Канта противъ его французскихъ обвинителей и нѣмецкихъ искажителей, но и пытается на кантовскихъ принципахъ построить зданіе новаго мира. Какъ быть съ лѣвымъ берегомъ Рейна? На этотъ затруднительный вопросъ Кантъ внушаетъ французскому историку счастливый отвѣтъ. „Мы измѣнимъ подъ соотвѣтственнымъ угломъ зрѣнія конституцію Германской имперіи. Мы не помѣшаемъ рейнцамъ быть нѣмцами, мы не заставимъ ихъ стать французами, если сами они не захотятъ этого; но мы освободимъ ихъ изъ-подъ авторитета Пруссіи; мы помѣшаемъ имъ вооружаться противъ насъ, мы ихъ нейтрализуемъ, мы сдѣлаемъ изъ нихъ, какъ говорятъ, государство-буферъ... Можно очень хорошо представить себѣ рейнскую республику подъ режимомъ нейтралитета и протектората“.

Уже знакомый намъ Андрей Сарду не считаетъ, однако, возможнымъ ограничиться созданіемъ государства-буфера. Правда, и ему кажется вазорнымъ присоединять въ 20-мъ столѣтіи чужое населеніе противъ его воли. Но онъ, очевидно, не увѣренъ заранѣе въ готовности прирейнскихъ нѣмцевъ добровольно примкнуть къ Франціи и указываетъ въ своей брошюрѣ „L'indépendance européenne“ такой выходъ: мы аннексируемъ только территорію, но никакъ не ея населеніе. Это послѣднее сможетъ оставаться въ предѣлахъ Франціи на извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ условіяхъ, въ качествѣ иностранцевъ, при чемъ иностранцамъ, которые принадлежатъ въ враждебнымъ сейчасъ націямъ, должно быть воспрещено владѣть во Франціи земельной соб-

ственностью, а также учреждать или создавать какія-либо промышленныя, коммерческія или финансовыя предпріятія или продолжать эксплуатацію существующихъ предпріятій. Возможно, однако, и еще болѣе радикальное разрѣшеніе вопроса, говоритъ Сарду: это полное и прямое исключеніе всякаго нѣмецкаго элемента изъ аннексированныхъ областей. „Слѣдовало бы включить, какъ условіе, въ мирный договоръ, что всѣ имущества частныхъ лицъ на указанныхъ территорияхъ становятся собственностью французскаго правительства, при чемъ Германіи предоставляется возмѣстить потери ея гражданъ“.

Вопросъ о восточной французской границѣ занимаетъ также дипломата, скрывающаго свое имя подъ тремя звѣздочками. Новая граница, по его плану, слѣдовала бы, начиная отъ Лонгви, вдоль нынѣшней границы, аннексированной Лотарингіи и Люксембурга, далѣе по восточной границѣ этой послѣдней страны, по высотамъ Эйфеля, чтобы затѣмъ примкнуть къ Рейну немного съвернѣе Кобленца, далѣе по теченію Рейна отъ Кобленца до впаденія Неккара, т.-е. до Мангейма, по теченію Неккара къ вершинамъ Шварцвальда, затѣмъ опять по Рейну до Базеля.

Несравненно скромнѣе ставитъ вопросъ де-Ланессанъ, бывший морской министръ и генераль-губернаторъ Индіи. Правда, и онъ находитъ, что границы Бельгіи должны быть перенесены до Рейна. Но иначе онъ смотритъ на Францію. „Насколько естественно,—говоритъ онъ,—что Франція снова вступитъ во владѣніе Эльзасомъ и Лотарингіей, настолько же было бы ложно съ ея стороны помышлять объ аннексіи новыхъ провинцій. То, что составляетъ ея силу, что позволило ей противостоятъ нѣмецкому могуществу, это ея законченное національное единство... Она только скомпрометировала бы это един-

ство, присоединяя къ себѣ территоріи, населенныя нѣмцами“. Ланессанъ соглашается только на извѣстныя стратегическія и экономическія „исправленія“ границъ.

Мы указывали уже выше основныя стратегическія и экономическія соображенія, которыми французскіе политики объясняютъ необходимость отодвинуть французскую границу какъ можно дальше на востокъ: сперва до Рейна—для того, чтобы нынѣшнюю „неестественную“ границу замѣнить „естественной“, водной; затѣмъ черезъ правый берегъ Рейна—для того, чтобы при помощи новой, опять-таки неестественной, границы какъ можно лучше укрѣпить водную, „естественную“. Но для этихъ—пока что теоретическихъ—передвиженій восточной границы имѣется еще одна причина, о которой говоритъ Савари. Она состоитъ во все увеличивающемся неравенствѣ населенія Франціи и Германіи. Въ Германіи количество рожденій перевалило въ послѣднюю эпоху за 2.100.000 въ годъ; тогда какъ число рожденій во Франціи не достигаетъ 800.000. Въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ ежегодный военный контингентъ Германіи достигнетъ 500.000 душъ; тогда какъ Франція съ трудомъ сможетъ поставлять ежегодно около 200.000 человѣкъ. Военное равновѣсіе грозитъ оказаться окончательно нарушеннымъ. Рейнская граница, доводя населеніе Франціи до 44—45 милліоновъ (въ зависимости отъ того, что достанется на долю Бельгіи) если и не выровняетъ условій, то сдѣлаетъ разницу менѣе значительной.

Оппоненты Дрію, Савари, Онезима Реклю и Андрея Сарду ставятъ передъ ними такой вопросъ: „не становится ли Франція въ противорѣчіе съ собою, съ одной стороны, требуя возврата Эльзасъ-Лотарингіи во имя національнаго принципа, а съ другой, вопреки этому принципу, протягивая руку къ лѣвому берегу Рейна?“

Профессоръ Дрію, послѣ блужданія вокругъ да около

вопроса, даетъ въ концѣ-концовъ отвѣтъ: „Не нужно выдвигать впередъ, какъ безспорную аксіому, принципъ національностей, который уже причинилъ намъ столько зла къ выгодѣ Германіи и Италіи“.

И, наконецъ, если не лѣвый берегъ Рейна, то что же? Стратегическія и экономическія соображенія могутъ быть подвергнуты сомнѣнію и даже оспорены. Но безспорнымъ останется, что Франціи негдѣ искать компенсаціи, кромѣ какъ на восточной границѣ. „Какой другой плодъ нашихъ побѣдъ,—спрашиваетъ Дрію,—можно представить себѣ на ряду съ тѣмъ, что будетъ обеспечено за Россіей и Англіей? Какое другое возмѣщеніе нашихъ громаднѣхъ жертвъ?.. Всѣмъ живымъ народамъ нужна формула будущаго, мечта, подлежащая осуществленію, идеаль: какой же другой можетъ быть для Франціи болѣе выразительный, болѣе славный, болѣе увлекательный, чѣмъ Рейнь?“

II.

На ряду съ вопросомъ о новой границѣ Франціи стоитъ сейчасъ въ нѣкоторой части французской политической литературы вопросъ о разоруженіи Германіи. Мы уже знаемъ, какъ ставится первый вопросъ. Франція возвращаетъ себѣ Эльзась-Лотарингію; Бельгія возстановляетъ свою независимость. Чтобы обезпечить себя отъ новыхъ нашествій, онѣ присоединяютъ нѣмецкія земли на лѣвомъ берегу Рейна. А чтобы обезопасить свои новыя лѣвобережныя владѣнія, онѣ присоединяютъ къ себѣ земли по правому берегу Рейна, или, по болѣе скромной программѣ, создаютъ изъ нихъ нейтрализованное государство-буферъ. Послѣ всѣхъ этихъ продиктованныхъ стратегическими соображеніями перемѣненій границы, казалось бы, Германія совер-

шенно обезврежена. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ: остается вопросъ о нѣмецкой арміи. По собственному опыту 71 года французы слишкомъ хорошо знаютъ, что значитъ насильственное отторженіе части территории вооруженной рукой. Они не сомнѣваются, что отторженіе рейнскихъ провинцій отъ Германіи сосредоточитъ всю волю и всю силу нѣмецкаго народа на подготовкѣ реванша. Отсюда естественно мысль направляется на созданіе такихъ условій національной жизни нѣмцевъ, при которыхъ они были бы безсильны вернуть себѣ то, что они, по мнѣнію цитированныхъ въ прошлый разъ публицистовъ, должны теперь потерять.

„Первое условіе,—говоритъ Сарду,—которое надлежитъ навязать побѣжденнымъ Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, чтобы поставить ихъ внѣ возможности вредить и чтобы отнять у нихъ всякую надежду на реваншъ, это ихъ полное разоруженіе. Мы не сможемъ допустить у этихъ націй никакой, даже ограниченной, арміи. Намъ нужно будетъ, кромѣ того, требовать срытія всѣхъ крѣпостей, сдачи или разрушенія ихъ военнаго флота, всѣхъ ихъ орудій войны и амуниции, при абсолютномъ запретѣ строить или фабриковать въ будущемъ новыя“. Побѣжденнымъ предоставлено будетъ имѣть только полицейскія и таможенныя военныя силы въ пропорціи 1:400 душъ населенія.

Ту же самую мысль, съ разницей лишь въ отгѣнкахъ и степеняхъ, мы находимъ и у другихъ авторовъ, изслѣдующихъ проблему будущаго мира. Рѣшительно ставить вопросъ Морисъ Барресь: „Ни одного офицера, ни одного солдата. Внутренняя гражданская полиція. Ничего болѣе. Ни пушекъ, ни митральезъ, лишь немного ружей. Запрещеніе фабриковать военный матеріалъ для другихъ“...

При такомъ положеніи, когда противникъ разоруженъ, крѣпости скрыты, и даже запрещены всякія общества военнаго воспитанія, казалось бы, исчезаетъ для Франціи восточная опасность и тѣмъ самымъ лишается стратегическаго смысла передвиженіе восточной границы. Но мы уже слышали отъ нѣсколькихъ авторовъ, что рейнскіе берега и долина Саара имѣютъ для Франціи не только стратегическое, но и экономическое значеніе: нѣмецкіе угольные бассейны прекрасно дополняютъ бельгійское и французское хозяйство, независимо отъ вопроса о разоруженіи Германіи.

Оппоненты Сарду и Барреса, подчеркивая весь глубокий вредъ для страны въ столь утопической постановкѣ вопроса и призывая къ болѣе осторожной его трактовкѣ, спрашиваютъ: разоруженіе Германіи, Австріи и Турціи создаетъ ли условія для разоруженія самой Франціи? Сарду рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно,—по крайней мѣрѣ, для ближайшей эпохи, продолжительности которой, однако, нельзя опредѣлить. „Совершенно необходимо будетъ,—говоритъ онъ,—для союзниковъ сохранить военную силу, достаточную для того, чтобы продолжать внушать свою волю побѣжденнымъ“.

Этимъ, однако, дѣло не ограничивается. Французскіе политическіе писатели не думаютъ, что стратегическое перенесеніе границы за Рейнь, полное разоруженіе Германіи, сохраненіе союзниками оружія—дабы „продолжать внушать свою волю побѣжденнымъ“,—что все это достаточно для торжества европейскаго равновѣсія и идей права и справедливости. Сарду требуетъ окончательнаго расчлененія Германіи. „Подъ расчлененіемъ,—говоритъ онъ,—мы понимаемъ уничтоженіе имперской и конфедеральной конституціи. Отдѣльныя государства (за вычетомъ аннексированныхъ земель)

должны получить свою прежнюю независимость и полную политическую и экономическую автономію“, т.-е. вернуться въ то состояніе, въ какомъ Германія находилась до 1848—64—71 гг.

Въ пользу своихъ условій мира Сарду выдвигаетъ идею долга по отношенію къ тѣмъ, кто жертвуетъ собою за отечество. „Нашей абсолютной обязанностью,—говоритъ онъ,—является извлечь всѣ плоды изъ побѣды. Необходимо полное разрушеніе военнаго духа и могущества и полное ослабленіе экономической активности Германіи, ибо уменьшить ея богатство,—значитъ въ такой же мѣрѣ увеличить наше богатство, а каковы бы ни были исповѣдуемыя нами социальныя теоріи, ничто не можетъ опровергнуть того, что наши собственные интересы выше, чѣмъ интересы нашихъ враговъ“.

2 „Необходимо попросту препарировать Пруссію и Германію,—возглашаетъ Реклю.—Нѣтъ болѣе нѣмецкой конфедераціи, ни Пруссіи, ни Австріи; каждая провинція свободна, автономна, замкнута въ самой себѣ, безъ союза съ сосѣдями. Свободные города—Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ и другіе—подъ англійскимъ, русскимъ и французскимъ протекторатомъ, каждый снабженный обширной территоріей. Мелкія королевства, если они хотятъ оставаться королевствами: Померанія, Мекленбургъ, Ольденбургъ, Бранденбургъ, Вестфалія, Гессенъ, Баденъ, Вюртембергъ, Баварія, Тироль, Австрія и т. д. Ганноверъ возвращается династіи, которую онъ любилъ и которой многіе ганноверцы остались вѣрны“...

Связанный въ извѣстныхъ предѣлахъ консервативной бюрократической рутинной, съ одной стороны, и требованіями живой дѣйствительности,—съ другой, бывшій министръ Ланессанъ не идетъ въ своихъ планахъ такъ далеко, какъ свободные литературные дипломаты

и политики въ родѣ Савари или Реклю. Тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что „сведенная къ Верхней и Нижней Австріи, которыя населены почти исключительно нѣмцами, монархія Габсбурговъ могла бы войти въ южную нѣмецкую федерацію... Во всѣ эпохи исторіи католическія провинціи Германіи дѣйствовали заодно съ Австріей, съ которой ихъ сближаютъ общность религіи и экономическихъ условій... Баварія, Вюртембергъ, Баденское герцогство и т. д. составляли бы эту конфедерацію вмѣстѣ съ нѣмецкой частью Австріи. Если бы рейнскія провинціи Германіи обладали нѣкоторой мудростью, онѣ содѣйствовали бы образованію рейнской конфедераціи, въ которой было бы легко обезпечить за ними экономическую и политическую независимость, утраченную ими послѣ Садовой“.

Историкъ Оларъ, какъ мы уже знаемъ, исходитъ отъ Канта. Философская система, историческое образованіе и, не въ послѣднемъ счетѣ, профессорскій темпераментъ не позволяютъ ему цѣликомъ присоединиться къ лозунгамъ Сарду и Реклю. „Справедливость требуетъ,—говоритъ онъ,—чтобы Германія сохранилась. Но мы можемъ, мы должны будемъ, когда наша сила обезпечить триумфъ нашего права, измѣнить прусскую милитаристскую конституцію Германіи постольку, поскольку она задѣваетъ другіе народы и миръ всего міра... Мы должны сдѣлать такъ, чтобы каждое изъ нѣмецкихъ государствъ имѣло свою армію, особую и автономную, ограниченную въ своей численности европейскимъ конгрессомъ, и чтобы эти арміи ни въ какомъ случаѣ не могли быть соединены, какъ орудіе завоеваній, въ рукахъ одного государства, одного короля“.

Какой видъ приметъ карта Европы послѣ установленія „французскаго мира“? На это намъ даетъ точный отвѣтъ авторъ брошюры: „Каковъ будетъ зав-

трашний міръ“, уже цитированный нами анонимный дипломатъ.

Завтрашня Европа будетъ заключать въ себѣ тридцать государствъ.

Четыре великія державы: Россія, Великобританія, Франція, Италія.

Девятнадцать второстепенныхъ государствъ: Испанія, Португалія, Швеція, Норвегія, Данія, Голландія, Бельгія, Ганноверъ, Вестфалія, Мекленбургъ, Баварія, Вюртембергъ, Швейцарія, Венгрія, Сербія, Богемія, Румынія, Болгарія, Греція.

Всѣ эти государства, за исключеніемъ Испаніи, которую можно было бы причислить къ державамъ перваго ранга, обладали бы приблизительно одинаковымъ значеніемъ.

Шесть мелкихъ независимыхъ государствъ: Гессенъ, Нассау, Вѣнское герцогство, Жевевская республика, княжество Монако, Черногорія.

И, наконецъ, одно полу-азиатское, полу-европейское государство—Турція.

„На этихъ основахъ миръ 1915 г. былъ бы для Запада окончательнымъ миромъ, не оставляющимъ мѣста ни ненависти, ни злобѣ“.

Дѣло, разумѣется, не ограничивается одной Европой. Важнымъ вопросомъ является судьба колоній. „Миръ завтрашняго дня,—такъ говоритъ профессоръ Дріо,—будетъ подѣленъ между Франціей, Англійей и Россіей, или, по крайней мѣрѣ, по ихъ усмотрѣнію. Въ Азіи наше положеніе будетъ упрочено на китайскомъ рынкѣ, благодаря крушенію нѣмецкихъ предпріятій. Въ Африкѣ представляется удобный случай передвинуть границы для устраниенія путаницы въ спорныхъ доселѣ владѣніяхъ. Проблема Малой Азіи въ высшей степени деликатна и хотя наши дѣла стоятъ тамъ на хорошей дорогѣ,

но они недостаточно продвинулись впередъ, чтобы мы могли рисковать опредѣленными комбинаціями передѣла... Нужно также напомнить о нашемъ крайне благоприятномъ положеніи въ Сиріи и въ странахъ Ливана.

Не пора ли начать думать о широкомъ планѣ желѣзнодорожной сѣти въ Передней Азіи? Великій русскій путь: Одесса—Синопъ—Діарбекиръ—Багдадъ или, безъ перегрузки, Баку—Тавризь—Тегеранъ—Мешедъ и Кабуль; великій англійскій путь изъ Египта и Аравіи и французскій сирійскій путь? Въ той или другой формѣ это будетъ означать приобщеніе къ человѣческому богатству плодороднѣйшихъ областей земли, гдѣ, начиная съ Крестовыхъ походовъ, арабы и франки подготовлялись къ деликатной гармоніи“...

Мирный договоръ, —говоритъ Реклю, —долженъ прежде всего освятить утрату Германіей всѣхъ ея колоній. Къ Франціи отойдетъ Камерунъ, часть Конго, которую министерство Кайо уступило Германіи, а также Того. Сарду надѣется еще получить отъ Англій Гамбію, которая очень счастливо дополнитъ французскую Сенегамбію. Помимо зоны вліянія въ Сиріи, Сарду требуетъ протектората надъ Ливаномъ, предоставляя Италиі протекторатъ надъ Палестиной. Права Франціи на Сирію и Александрету предъявляетъ также бывшій морской министръ и бывшій генераль-губернаторъ Индо-Китая де-Ланессанъ.

Въ колоніальныхъ вопросахъ между интересующими насъ авторами вѣтъ разнорѣчія даже и въ отгѣнкахъ. Національный принципъ, который останавливаетъ болѣе осторожныхъ политиковъ передъ вопросомъ объ аннексіи западныхъ провинцій Германіи, совершенно отпадаетъ, когда рѣчь заходитъ о колоніяхъ.

Вопросъ о контрибуціи является далѣе однимъ изъ тѣхъ пунктовъ будущаго мирнаго договора, на ко-

торыхъ наши авторы останавливаются съ чрезвычайнымъ вниманіемъ. Но именно въ этомъ вопросѣ для сторонниковъ Сарду, Барреса и Реклю создается глубокое противорѣчіе: урѣзать Германію, ослабить ее экономически, связать ее промышленность и торговлю исключительными договорами—значить сдѣлать почти невозможнымъ полученіе отъ нея той многомилліардной контрибуціи, которая могла бы быть выплачена только въ теченіе долгаго ряда лѣтъ. Вотъ почему, какъ мы уже знаемъ изъ первой статьи, Сарду ищетъ выхода изъ затрудненій путемъ очищенія аннексированной нѣмецкой земли отъ нѣмецкаго населенія и передачи нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ въ руки республики.

Анонимный дипломатъ не проходитъ, разумѣется, мимо вопроса о военной контрибуціи. Сумма ея,—говоритъ онъ,—должна быть исчислена самымъ широкимъ образомъ—такъ, чтобы съ лихвой были покрыты всѣ убытки и вознаграждены всѣ жертвы войны; сюда надо включить возмѣщеніе военныхъ контрибуцій, налагавшихся нѣмцами на оккупированные города, вознагражденіе за разрушенныя и сожженныя зданія, за похищенные предметы; пенсіи вдовамъ, сиротамъ, раненымъ, наконецъ, возмѣщеніе всѣхъ военныхъ расходовъ. Дипломатія должна требовать въ качествѣ необходимой гарантіи, чтобы вся эта сумма (авторъ думаетъ, что она будетъ не ниже 40 милліардовъ франковъ) была выплачена въ теченіе двадцати лѣтъ, при чемъ нѣмецкія земли будутъ на этотъ періодъ оккупированы союзными войсками, таможи и финансы будутъ управляться международными комиссарами—по образцу того порядка, какой примѣнялся въ Турціи.

Контрибуція будетъ исчисляться огромной суммой также и по мнѣнію Мориса Барреса. Но тяжесть ея будетъ размѣщена на нѣсколько поколѣній, и ежегод-

ная уплата не достигнетъ той суммы, какая въ германскомъ бюджетѣ ежегодно отводилась на армію и флотъ. А этотъ послѣдній расходъ для Германіи будетъ, какъ мы уже знаемъ, совершенно уничтоженъ. И Барресъ восклицаетъ: „Счастливые нѣмцы! Мы освободимъ ихъ отъ личной воинской повинности и въ то же время облегчимъ, можетъ быть, немного ихъ фискальную ноту“.

Наши авторы, какъ мы видѣли, далеко не во всемъ сходятся. Между Ланессаномъ и Сарду, между Оларомъ и Реклю все еще остается большая дистанція. Оларъ и Ланессанъ пытаются жить и мыслить въ мирѣ трехъ измѣреній. Для Реклю, Сарду, Савари и др. всѣ вопросы соотношенія европейскихъ силъ упраздняются путемъ напряженія собственной воли или, вѣрнѣе, фантазіи. Продержаться дольше, чѣмъ врагъ,—и судьба новой Европы обезпечена. Какое мѣсто занимаетъ въ этихъ спорахъ повседневная французская пресса?

Не только ультра-реакціонныя газеты, какъ „Libre Parole“, „Action Française“, „Eclair“, „Echo de Paris“, „Gaulois“ и пр., стоятъ на точкѣ зрѣнія полного упраздненія Германіи и Пруссіи, съ замѣщеніемъ ихъ двумя или тремя дюжинами архаическихъ великихъ герцогствъ и королевствъ, но и наиболѣе вліятельная газета Франціи, безсмѣнный офиціозъ „Temps“ систематически возвращается къ плану расчлененія Германіи, какъ къ единственному радикальному способу разрѣшить вопросъ такъ называемаго европейскаго равновѣсія.

Ту же линію ведетъ безпартіійная пресса, типа „Matin“, „Journal“, „Petit Parisien“, „Petit Journal“ и др. Радикальная печать сейчасъ почти совсѣмъ исчезла во Франціи—по причинамъ, о которыхъ надо бы поговорить особо,—а точка зрѣнія никѣмъ не читаемаго офиціоза партіи „Radical“ (разыскать его въ Парижѣ не легкое

дѣло!) характеризуется, главнымъ образомъ, уклончивостью.

Особую позицію занимаетъ пресса патриотическаго социализма. Органъ Густава Эрве, „Guerre Sociale“, какъ и центральный органъ социалистической партіи, „Humanité“, какъ и „Bataille Syndicaliste“, не разъ выступали противъ плановъ возвращенія Германіи въ первобытное состояніе. Социалистическія газеты ищутъ способовъ „укрощенія строптивой“ въ демократизаціи политическаго строя Германіи.—Нѣмцы дали намъ республику въ 1870 году,—воскликаетъ „Guerre Sociale“,—они получаютъ отъ насъ республику въ 1915 году! Эту же мысль — о необходимости навязать Германіи республиканскій режимъ силой оружія—неизмѣнно повторяетъ и „Humanité“, газета, основанная Жоресомъ. По этому поводу въ полемикѣ кто-то привелъ изъ книги Жореса „Новая армія“ цитату: „Пытаясь пропагандировать свободу за предѣлами нашей страны силою меча, мы всегда только компрометировали ее“.

Попытку систематизировать взгляды на войну и ея послѣдствія патриотовъ лѣваго крыла, социалистовъ, представляетъ вышедшая на-дняхъ брошюра: „Миръ, котораго мы хотимъ“. Она тѣмъ интереснѣе, что принадлежитъ перу бывшаго депутата Шарля Дюма, состоящаго нынѣ начальникомъ кабинета социалистическаго министра Жюль Гэда, и, судя по всему, написана съ вѣдома и одобренія этого послѣдняго.

Авторъ рѣшительнѣйшимъ образомъ стоитъ за войну до конца, т.-е. до „уничтоженія прусскаго милитаризма“. Преждевременный миръ былъ бы несчастіемъ. „Такой миръ, какъ сказалъ Жюль Гэдъ, явился бы не чѣмъ инымъ, какъ опаснѣйшимъ изъ перемирій“.

Вотъ основныя условія „мира, котораго мы хотимъ“: Эльзась-Лотарингія, поляки и балганскіе народы должны

быть освобождены изъ-подъ нѣмецкаго владычества. Это не завоеваніе, а восстановленіе права.

Далѣе слѣдуетъ разоруженіе Германіи—„существенное условіе всеобщаго мира“. И, въ-третьихъ, нѣмецкая республика: „не должно быть, не можетъ быть подписи Гогенцоллерновъ подъ договоромъ о мирѣ. Мы вступимъ въ переговоры только съ нѣмецкимъ народомъ, хозяиномъ своихъ собственныхъ судеб“.

Считая, что основной задачей этой войны является разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ Европѣ, авторъ рѣшительно протестуетъ противъ плановъ расчлененія нѣмецкой націи. „Разсѣчь Германію противъ ея воли—значило бы совершить безнадежное дѣло или приготовить черезъ нѣсколько лѣтъ новую войну, болѣе ужасную, чѣмъ нынѣшняя... Не бесполезно напомнить, отмѣчаетъ Дюма, что „Кельнская Газета“, желая укрѣпить волю нѣмцевъ къ сопротивленію, не нашла лучшаго средства, какъ опубликовать статьи М. Барреса, появившіяся въ „Echo de Paris“. Небольшая услуга, которую, какъ извѣстно, шовинисты всѣхъ странъ неизмѣнно оказываютъ другъ другу.

„Миръ, котораго мы хотимъ,—резюмируетъ Дюма,—долженъ все поставить на свое мѣсто: эльзасцевъ и лотарингцевъ во Францію, датчанъ въ Данію, поляковъ въ Польшу, бельгійцевъ въ Бельгію, кайзера въ ссылку, нѣмецкихъ генераловъ и офицеровъ, виновниковъ убійствъ и рѣзни, на каторгу. Я не говорю о денежной контрибуціи, которую Германія должна будетъ, разумѣется, уплатить. Но мы не пойдемъ дальше этого. Мы не создадимъ новыхъ рабовъ въ завтрашней Европѣ. Что касается нѣмецкаго единства, то нѣмцы сами съ этимъ устроятся“.

Мы не входимъ здѣсь въ оцѣнку программы Дюма, какъ раньше не входили въ оцѣнку программы Сарду.

Наша цѣль—лишь информировать русское общественное мнѣніе о политическихъ настроеніяхъ и видахъ Франціи.

* * *

Не преждевременно ли, однако, вообще заниматься разработкой условій будущаго мира? Это простое соображеніе приходитъ, разумѣется, въ голову и авторамъ разбираемыхъ нами памфлетовъ и статей. „Можетъ быть, преждевременно разсматривать послѣдствія войны, обстоятельства которой, если не исходъ, пока еще невозможно опредѣлить. Но проблемы, которыя несетъ съ собою война, могутъ быть намѣчены, а также и результаты, которыхъ требуютъ интересы и традиціи Франціи“. Такова точка зрѣнія историка Дрю. Онъ ссылается—и это есть, пожалуй, самый убѣдительный аргументъ—на другія страны, которыя выдвинули свою программу и во имя этой программы ведутъ войну. Франція ведетъ войну,—слѣдовательно, у нея должна быть своя программа.

Тотъ же вопросъ ставить передъ собой и Сарду. „Война не можетъ закончиться иначе,—говоритъ онъ,—какъ окончательной побѣдой одной изъ двухъ сторонъ. Правда, въ Германіи нѣкоторые, начиная сомнѣваться въ триумфѣ своего оружія, хотятъ предвидѣть такую усталость противниковъ, при которой эти послѣдніе увидятъ сеоя вынужденными заключить миръ на основѣ status quo, бывшаго до войны, но это рѣшеніе не можетъ быть принято. Такой миръ былъ бы неприемлемъ для воюющихъ уже по одному тому, что всѣ финансовыя вопросы оставались бы неразрѣшимыми. Это былъ бы крахъ всѣхъ правительствъ, всѣхъ воюющихъ народовъ, безъ возможности восстановленія промышленной и торговой жизни; новые долги для новыхъ вооруженій,

съ угрожающимъ призракомъ неизбежной новой войны“. Вотъ почему Сарду требуетъ, „чтобы во всѣхъ построенияхъ о будущемъ мирѣ исходили изъ предположенія о полной и рѣшительной побѣдѣ надъ Германіей, такой побѣдѣ, при которой не сговариваются объ условіяхъ мира, а диктуютъ ихъ. Каковъ путь къ этой побѣдѣ? „Намъ необходимо быть упрямыми, упорными, желать, всегда желать полного пораженія нашихъ враговъ, вѣрить въ него безъ колебаній. Побѣда достанется тѣмъ, которые продержатся съ вѣрой въ судьбу своего оружія на четверть часа больше, чѣмъ ихъ враги“.

Шередамъ въ только-что вышедшей брошюрѣ „La Paix que voudrait l'Allemagne“ исходитъ изъ той же мысли: „Нужно держаться въ войнѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута увѣренность, что войну не придется начинать сначала“.

Парижъ.

феврота ✓
Vaine
№ 244 et seq.

Психологическія загадки войны.

Вотъ уже тринадцать мѣсяцевъ, какъ Европа въ огнѣ и крови. И, можетъ быть, самымъ удивительнымъ феноменомъ войны является тотъ именно фактъ, что она длится тринадцать мѣсяцевъ и что европейское чело-вѣчество ее выноситъ. То поколѣніе европейской интел-лигенціи, которое возводило въ культъ тончайшія пере-живанія и демонстрировало въ искусствѣ „обнаженные нервы“, сидитъ сейчасъ въ траншеяхъ вмѣстѣ съ крестья-нами и рабочими, мокнетъ подъ дождемъ, загораетъ до-черна подъ солнцемъ, покрывается вшами и—выдержи-ваетъ. Сколько мрачныхъ пророковъ скулило намъ въ уши, что цивилизованное чело-вѣчество идетъ къ физи-ческому вырожденію. А между тѣмъ... о, поистинѣ для энергіи современнаго поколѣнія можно бы найти иное, болѣе достойное примѣненіе, но не видѣтъ, что именно пружины новой эпохи—машина, электричество, автомо-биль, газета, городъ—пробудили въ чело-вѣчествѣ небы-валую энергію и небывалую выносливость, могутъ отны-нѣ только безнадежные слѣпцы!

Несомнѣнно, чело-вѣчество вошло въ эту войну болѣе энергичнымъ и отважнымъ, болѣе здоровымъ, чѣмъ ко-гда бы то ни было. Но если такимъ оно вошло въ войну, какимъ оно выйдетъ изъ нея? Какую часть творческой энергіи поглотитъ война? Насколько обезсилитъ и обез-кровитъ Европу? Какія измѣненія внесетъ въ сознаніе нашего поколѣнія и того, которое незамѣтно подрастаетъ намъ на смѣну? Съ какими чувствами, съ какимъ скла-домъ сознанія вернутся назадъ изъ своихъ окоповъ тѣ,

которые... вернутся? Эти вопросы стоятъ, какъ загадки. Пока дѣло идетъ о финансахъ, промышленности, политикѣ, прогнозъ, по крайней мѣрѣ, въ рамкахъ общихъ тенденцій, еще возможенъ. Но безконечно труднѣе учесть тѣ непосредственныя измѣненія, какія война порождаетъ въ сознаниі современнаго человѣчества. А между тѣмъ совершенно ясно, что нынѣшняя катастрофа будетъ еще въ теченіе лѣтъ, десятилѣтій и столѣтій излучать изъ себя кровавыя лучи, въ свѣтѣ которыхъ будущія поколѣнія станутъ разсматривать свою судьбу, какъ нынѣшняя Европа до вчерашняго дня чувствовала на себѣ излученіе Великой французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. А какъ мелки тѣ отдаленныя отъ насъ пятью четвертями столѣтія событія отъ тѣхъ, которыя мы теперь „дѣлаемъ“ или переживаемъ и особенно тѣхъ, которымъ идемъ навстрѣчу!

Въ человѣческомъ сознаниі есть тенденція къ банальности. Оно медленно и неохотно карабкается на вершины колоссальныхъ событій и всегда при этомъ безсознательно стремится, несмотря на всѣ громкія слова уменьшить для себя ихъ значеніе, чтобы тѣмъ легче ассимилировать ихъ. Вообще, если что въ числѣ многого другого потерпѣло въ этой войнѣ жесточайшій крахъ, такъ это мнимо-царственныя притязанія нашего сознанія.

Съ небывалой еще до сихъ поръ отчетливостью обнаружилось, что человѣческая психологія представляетъ собою самую консервативную силу: не великія событія вырастаютъ изъ пружинъ сознанія, а, наоборотъ, событія, возникающія изъ сочетанія, взаимодѣйствія и пересѣченія большихъ объективныхъ историческихъ силъ, вынуждаютъ затѣмъ нашу косную, лѣнивую психологію, ковыляя и прихрамывая, приспособляться къ нимъ. Объ этомъ фактѣ, горестномъ для нашей ставшей второй

натурой мавиі величія, вопить соединенными голосами всѣхъ пушекъ и ружей нынѣшняя судьба современныхъ культурныхъ націй въ цѣломъ. Война пришла помимо и противъ ихъ сознанія; она обрушилась на нихъ и подчинила себѣ не только всю матеріально-общественную жизнь во всей ея сложности, но и душевныя переживанія націй, отдѣльныхъ общественныхъ группъ, небольшихъ коллективовъ и отдѣльныхъ лицъ, чувства и мысли правящихъ и управляемыхъ, военныхъ корпусовъ и женскихъ монастырей, рабочихъ организацій и университетовъ, матерей и возлюбленныхъ.

Не сознаніе управляетъ войной, а война управляетъ сознаніемъ. Какія измѣненія внесетъ она въ него?

Наиболѣе остро ставятъ нынѣшнія событія вопросъ о тѣхъ перерожденіяхъ, которыя произошли и происходятъ въ психологіи цвѣта европейскихъ націй, ихъ наиболѣе жизненныхъ и творческихъ поколѣній, которыя замкнуты нынѣ въ желѣзные соты полковъ, дивизій и корпусовъ и чрезъ казармы, депо, лагеря и траншеи проходятъ всѣ этапы, приближающіе ихъ къ средоточію современныхъ событій: къ физическому столкновенію съ врагомъ, атакѣ, наступленію, защитѣ, отступленію, чтобы затѣмъ часть своихъ кадровъ вычеркнуть изъ книги живыхъ, а другую часть, черезъ врачебные пункты, лазареты и дома для выздоравливающихъ, возвратить снова въ общество въ видѣ слѣпцовъ, безрукихъ и безногихъ калѣкъ...

Какія силы внутренняго психологическаго характера, какія непосредственныя переживанія толкаютъ эти человѣческія массы навстрѣчу самымъ „вечеловѣческимъ“ испытаніямъ, гдѣ нарушается и разрушается все, что считалось цѣннымъ или необходимымъ: здоровье, удобства, гигиена, порядокъ, привычныя житейскія отношенія, дружескія связи, профессиональныя обязанности,

наконецъ, незыблемыя, казалось, правила морали? Какія новыя психологическія отраженія вызываетъ, какія измѣненія вноситъ этотъ страшный кровавый беспорядокъ нашей жизни, который сталъ ея новымъ порядкомъ?

Подводить этому на нашихъ глазахъ совершающемуся процессу итоги, хотя бы и самыя общіе и приблизительныя, сейчасъ страшно трудно прежде всего потому, что сами мы, т.-е. всѣ тѣ среди насъ, которые задаются такими вопросами, являемся не спокойными наблюдателями событій, для которыхъ переживанія націй, общественныхъ группъ и индивидовъ являются только сырымъ матеріаломъ, подлежащимъ научной обработкѣ, — да и гдѣ они, научные методы коллективной психологіи? — нѣтъ, всѣ мы такъ или иначе, подъ однимъ или другимъ угломъ зрѣнія, но съ ногъ и до головы захвачены событіями, находимся цѣликомъ въ ихъ власти и не только судимъ о нихъ, но собственное наше сужденіе стремимся немедленно же превратить въ маленькій факторъ этихъ событій. Съ другой стороны, и самъ этотъ сырой матеріалъ слишкомъ необъятенъ, слишкомъ разнообразенъ и никогда не можетъ быть собранъ въ своемъ подлинно-„сыромъ“ видѣ. Онъ всегда превращается по пути, по крайней мѣрѣ, въ полуфабрикатъ. Въ грубыхъ чертахъ современное человѣчество можно раздѣлить на двѣ неравныя части: прямыхъ участниковъ боя и страстно захваченныхъ зрителей его. Между тѣми и другими имѣется узкая прослойка посредниковъ, наблюдателей-профессионаловъ, военныхъ хроникеровъ и пр. Прямые участники военныхъ событій меньше всего располагаютъ возможностью оставаться спокойными и объективными повѣствователями того, что они переживаютъ. Нужна совершенно незаурядная умственная выдержка, высокій уровень психическаго самообладанія,

чтобы сознательно закрѣпить въ своей памяти переживанія, испытанныя въ самые острые моменты боя, когда напряженныя до послѣдней степени жизненныя силы направлены на самое непосредственное самосохраненіе, и чтобы затѣмъ эти переживанія, въ ихъ неприкосновенномъ, неприукрашенномъ видѣ, предоставить въ общее распоряженіе. Фактъ давно установленный: рядовые участники боя, пройдя черезъ нѣсколько встрѣчъ, бесѣдъ, попытокъ возстановить въ своей памяти то, что съ ними произошло, даютъ не дѣйствительную картину того, что было, а новый, несравненно болѣе сложный образъ, въ которомъ элементы творчества, фантазиі, слуховъ, догадокъ, посторонняго внушенія, наконецъ, рисовки играютъ огромную роль.

Съ другой стороны, профессиональные посредники между арміей и страной, военные корреспонденты, даютъ матеріалъ, часто очень живописный и интересный, но въ психологическомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ мало надежный. Прежде всего потому, что сами корреспонденты наблюдаютъ совершающееся издали: дальше фасада корреспондентовъ, по крайней мѣрѣ, на французскомъ фронтѣ, совершенно не пускаютъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ дѣйствительно удается въ полглаза подглядѣть, какъ „это“ дѣлается, на сѣтчатой оболочкѣ у нихъ запечатлѣваются только самыя внѣшнія подробности одной случайной частицы того огромнаго процесса, который называется войной. А между тѣмъ явленія, которыя насъ сейчасъ интересуютъ, по самой природѣ своей не могутъ запечатлѣваться на сѣтчаткѣ, хотя бы и очень чувствительной: это психическіе процессы, душевныя движенія, метаморфозы сознанія.

Сами корреспонденты являются не только наблюдателями, меньше всего наблюдателями, чаще всего пря-

мыми противниками объективнаго наблюденія: они страстные агенты въ этой драмѣ, они національные проводы между сражающимися и обществомъ. Они стремятся выполнять извѣстную политическую функцію: поддерживать на извѣстной высотѣ самочувствіе сражающихся, ободрять собственный народъ, терроризовать противника. Ихъ корреспонденціи не только въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ, но прежде всего въ своихъ фактическихъ отчетахъ всегда окрашены въ опредѣленные цвѣта. И не только, можетъ быть, не столько въ силу сознательнаго пристрастія, сколько въ силу естественнаго психическаго отбора, который порождается опредѣленнымъ устремленіемъ вниманія и памяти.

Наконецъ, самый интересъ къ вопросамъ психологіи войны возникъ значительно позже интереса къ самой войнѣ. Если психологія, какъ мы сказали, сила тяжелая на подъемъ и всегда отстающая отъ событій, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что самый интересъ къ психологіи возникаетъ позже интереса къ объективнымъ историческимъ событіямъ, къ ихъ динамикѣ, къ ихъ драматизму.

Тѣмъ не менѣе при настойчивости и наличности необходимыхъ предпосылокъ научнаго изслѣдованія возможно, какъ показываютъ нѣкоторыя появившіяся уже работы, добиться и сейчасъ отнюдь не малоцѣнныхъ результатовъ въ области психологіи войны. Непосредственныя встрѣчи съ солдатами и офицерами на мѣстѣ ихъ дѣйствія даютъ чрезвычайно цѣнный, не подвергшійся еще внутренней и внѣшней переработкѣ, матеріалъ. Когда солдатъ послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ траншеѣ, подъ непрерывнымъ градомъ неприятельской артиллеріи или послѣ атаки, цѣликомъ еще остается мыслью и чувствомъ въ только-что пережитомъ, когда изъ фондовъ его психики еще не освободилось

достаточно энергии, чтобы дополнять и украшать переживания вымыслами и домыслами, тогда онъ даетъ, можетъ быть, и скудный, но въ своей непосредственности правдивый отчетъ о томъ, что только-что думалъ и чувствовалъ. Не зачѣмъ говорить, что и здѣсь сохранить все свое значеніе работа критическаго отдѣленія зеренъ отъ шелухи...

До извѣстной степени надежнымъ источникомъ могутъ служить также письма солдатъ, которыя пишутся непосредственно съ фронта въ теченіе долгаго времени одному и тому же лицу, передъ которымъ солдатъ внутренне не охорашивается, не позируетъ. Особенно это относится, пожалуй, къ первымъ періодамъ боевого испытанія, когда еще не создано боевого загара ни на тѣлѣ, ни на душѣ, шаблонной фразеологій, траншейной рутины. Событія войны до такой степени необычны и въ такой мѣрѣ выбиваютъ сознание солдата изъ равновѣсія, что онъ съ трудомъ находитъ въ своемъ старомъ словарѣ нужныя слова, чтобы дать отчетъ о томъ, что произошло передъ его глазами и въ его сознаніи. И эта трудность, эта бѣдность словъ для выраженія новыхъ потрясающихъ переживаній обычно такъ поглощаетъ въ первый періодъ солдата, что у него не остается ни силъ, ни времени и не возникаетъ охоты дополнять и прикрашивать пережитое.

Словомъ, если комбинировать методы изслѣдованія, если вносить въ нихъ контроль недремлющей критики, если очищать матеріалы отъ наслоеній, если добывать незахватанныя посредническими руками данныя, если, опираясь на нихъ и вооружась удвоеннымъ критическимъ недоувѣріемъ, извлекать затѣмъ цѣнные матеріалы изъ вторыхъ рукъ, т.-е. изъ газетъ и книгъ, то можно уже и сейчасъ подойти къ очень интереснымъ и значительнымъ выводамъ относительно психологій войны.

Парижъ.

Психологія военной зоны.

I.

„Въ началѣ войны,—вспоминаетъ въ лазаретѣ французскій капитанъ Жанъ де-Винь-Ружъ,—мною овладѣло странное удивленіе по поводу того, что я сравнительно мало удивленъ“ *). Объявленіе войны должно было быть, по ожиданію нашего профессиональнаго офицера, ударомъ магическаго жезла, послѣ чего неузнаваемымъ становится весь міръ. Этого не произошло. Никто вначалѣ не вѣрилъ, что на самомъ дѣлѣ война. Офицерамъ и солдатамъ чувствовалось такъ, будто дѣло идетъ о большихъ маневрахъ. Событія уже сорвались съ исторической цѣпи, но косная психологія еще крѣпко держалась за старое. Между фактами и сознаниемъ образовалась трещина. „Мы хотѣли бы чувствовать нѣчто другое, какой-то особенный энтузіазмъ, патриотизмъ, воинственную горячность,—жалуется тотъ же интеллигентный и мистически настроенный офицеръ,—а между тѣмъ чувство у насъ было такое, точно все это уже однажды видѣли“.

Человѣческое сознание опредѣляется въ основахъ своихъ условіями жизни и дѣятельности большихъ и малыхъ группъ: общества, класса, области, города, семьи... Именно это и придаетъ ему большую стойкость.

*) Я не дѣлаю ссылокъ на тѣ книги и многочисленныя газетныя и журнальныя статьи, которыя — на ряду съ частными письмами и личными наблюденіями и бесѣдами — легли въ основу настоящаго этюдова. Такія ссылки, ничего не давая читателю по существу, только затрудняли бы его.

Катастрофа войны создаетъ прорывъ въ воздѣйствіи среды, она выбрасываетъ нѣсколько мужскихъ поколѣній изъ ихъ социальныхъ гнѣздъ, отрываетъ отъ почвы, отъ профессіи, семьи, духовной обстановки и включаетъ въ новую, ни съ чѣмъ старымъ не сравнимую среду, которая называется воюющей арміей. Отъ своего семейнаго очага, гдѣ ничто не говорило ему о кровавомъ разрушеніи, и до атаки солдатъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ этаповъ, которые видоизмѣняютъ постепенно его психологію и готовятъ къ тому, что ожидаетъ его впереди. Необходимымъ условіемъ новаго приспособленія является предварительное расторженіе всѣхъ обычныхъ житейскихъ смычекъ. Это достигается радикальнымъ измѣненіемъ внѣшнихъ условій. Солдатъ попадаетъ въ ту область, которая имѣетъ свои рѣзко очерченныя физическія и духовныя границы, гдѣ гражданская жизнь, обычная, семейно-трудова, совершенно прекращена, гдѣ гражданскія власти потеряли всякое значеніе, гдѣ царитъ военный законъ, гдѣ распоряжается военная власть, гдѣ все и вся прямо и непосредственно подчинено арміи и куда штатскіе, какъ чужіе и непризванные, не имѣютъ по общему правилу доступа, — развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго каждаго разъ разрѣшенія военныхъ властей, — и откуда сами солдаты не имѣютъ иного выхода, какъ черезъ лазаретъ. Это и есть военная зона. Замкнутая полоса насыщена своей собственной психологической атмосферой, въ которой солдатъ въ теченіе всей войны живетъ и дышитъ, которую онъ самъ вырабатываетъ и внушеніямъ которой онъ повинуетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ — вплоть до тѣхъ, которыя называются подвигами.

Вліяніе этой новой среды тѣмъ болѣе могущественно, что она является наиболѣе замкнутой, наиболѣе повели-

тельной, наиболѣе самодовлѣющей изъ всѣхъ возможныхъ условій коллективнаго существованія человѣка.

То, что ярче всего характеризуетъ нынѣшнюю войну на французскомъ фронтѣ, это ея застойный характеръ. Обѣ арміи стоятъ другъ противъ друга почти годъ безъ движенія. Отъ этого всѣ особенности военной зоны и прежде всего ея замкнутый характеръ успѣли получить послѣднюю законченность.

Въ мѣстахъ расположенія армій второй, отчасти и первой линіи—о траншеѣ, о боѣ у насъ рѣчь впереди—первое впечатлѣніе, которое получаетъ наблюдатель, это впечатлѣніе чего-то нарочито придуманнаго и приближающагося къ гигантской, хотя и совсѣмъ не шуточной игрѣ. Физическая обстановка жизни, несмотря на всю близость къ природѣ, имѣетъ глубоко искусственный характеръ. Въ этой траншейной войнѣ, гдѣ все заносится на карту и переводится на уголь пушечнаго прицѣла, лучшимъ шансомъ избѣгнуть опасности является правило: не употреблять никакихъ рѣшительно сооруженій для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они предназначены: не жить въ домахъ, не ходить по шоссе, никогда не дереправляться черезъ рѣки по мостамъ и даже не помѣщать пушекъ и солдатъ въ крѣпости. На виду деревни или замка люди живутъ въ ямахъ, пробираются колючимъ кустарникомъ въ нѣсколькихъ метрахъ отъ прекраснаго шоссе и воду переходятъ въ бродѣ. Таковы порядки, которые были бы безсмысленны во всякомъ другомъ мѣстѣ, но обязательны и спасительны въ военной зонѣ. Траншеи, выкопанныя въ землѣ, походныя кухни, условный распорядокъ жизни, совершенно не вытекающій изъ трудовыхъ потребностей и привычекъ общества, наоборотъ, кореннымъ образомъ противорѣчащій имъ, условный характеръ отношеній между людьми,—все это и даетъ, по словамъ

французскаго психолога L. M. Lahy, впечатлѣніе чудовищной игры взрослыхъ, подражающихъ дѣтямъ...

Было бы слишкомъ противоестественно предполагать, что вниманіе каждаго солдата все время пребыванія его въ этихъ условіяхъ поглощено мыслью объ общихъ цѣляхъ войны, о ея возможныхъ результатахъ, о судьбахъ отечества, о традиціяхъ націи, о моральномъ долгѣ гражданина и проч. Эти идеи вспыхиваютъ, какъ исключеніе, и чѣмъ дальше тянется война, тѣмъ рѣже.

„Раса людей, къ которой я принадлежу,—разсуждаетъ въ больницѣ офицеръ,—выковывала медленно, въ теченіе вѣковъ свою душу; всѣ избранники ея мысли сотрудничали въ этомъ... Тутъ были неисчислимыя усилія и поправки. Люди убійства и крови хотятъ теперь разрушить этотъ идеаль. Стой! Я имѣю не только право, но я обязанъ напряженно ненавидѣть этихъ враговъ“, и проч., и проч. Право ненавидѣть... Обязанность ненавидѣть... А гдѣ же ненависть? Умный и, повидимому, искренній авторъ самъ покачиваетъ головою по поводу „всѣхъ этихъ абстрактныхъ доводовъ, при помощи которыхъ я подогрѣваю мой духъ“... И онъ же жалуется: „въ часы размышленій я приходилъ въ отчаяніе отъ этой эмоціональной жизни, столь банальной и столь отличной отъ той, какой я ожидалъ“. Только въ лагерѣ онъ снова обрѣлъ способность обобщать. Даже люди, живущіе обычно сложной психической жизнью, предоставляютъ въ полѣ обобщенія и выводы немобилизованнымъ философамъ. Тѣмъ болѣе рядовая масса... Вотъ еще не бывшіе въ бою солдаты приходятъ на мѣсто, гдѣ наканунѣ было сраженіе. Они пріобщаются къ завтрашнему бою не путемъ размышленій объ его общихъ цѣляхъ, о преступности врага и пр., — они просто физически окунаются въ обстановку сраженія. Усталые и голодные, они тѣмъ не менѣе рассыпаются по

лѣсу, ищуть, роются въ травѣ, поворачиваютъ малѣйшіе предметы. Они ищуть въ теченіе всего слѣдующаго дня—чего? Чего-нибудь „нѣмецкаго“, какого-нибудь остатка. Они хотятъ вдохнуть въ себя запахъ войны. Имъ нужно что-нибудь физическое, предметное, чтобъ войти въ войну: по крайней мѣрѣ, его каска.

Нація, отечество представляются отсюда далекими абстракціями. Вопросы и понятія военной славы, долга и пр. по мѣрѣ приближенія къ фронту дробятся и распадаются на составныя эмпирическія частицы, какъ лѣсъ по мѣрѣ приближенія къ нему и углубленія въ него распадается на отдѣльныя деревья. Этими общими понятіями оперируютъ журналисты, но не солдаты.

Однообразіе жизненнаго ритма создаетъ психологическую монотонность, которая утомляется сама отъ своей собственной бѣдности. Здѣсь наблюдается въ значительной мѣрѣ то же, что въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ казармахъ, тюрьмахъ и пр. Отсутствіе движенія, большихъ переменъ, свѣжихъ впечатлѣній дробитъ сознаніе, подчиняетъ его мельчайшимъ подробностямъ обстановки, сводя духовную жизнь къ нѣкоторымъ элементарнымъ движеніямъ.

II.

Въ старыхъ войнахъ на бивуакахъ и на позиціяхъ можно было наблюдать болѣе цѣльныя и содержательныя формы общенія солдатъ между собою, чѣмъ теперь. Были сказочники. Были „бывалые“ рассказчики, вокругъ которыхъ группировались молодые слушатели, воспринимавшіе накопленный боевой опытъ. Возможность болѣе содержательнаго общенія вытекала изъ того, что жизнь на войнѣ была въ значительной мѣрѣ продолженіемъ жизни дома. Для Платона Каратаева

жизнь на бивуакѣ не такъ ужъ отличалась отъ жизни въ его деревнѣ: и тамъ, и здѣсь онъ чувствовалъ себя только проводникомъ элементарныхъ силъ природы; и тамъ, и здѣсь онъ повиновался чему-то внѣшнему, что нависало надъ нимъ отъ рожденія и до могилы. Совсѣмъ иное дѣло современный, давно оторвавшійся отъ матери-земли человекъ города, со своей изощренной индивидуальностью, выросшей на сложныхъ жизненныхъ отношеніяхъ и безконечныхъ потребностяхъ. Для него переходъ въ примитивную среду войны является рѣзкимъ разрывомъ съ прошлымъ...

„Въ теченіе недѣль, — пишетъ о себѣ уже знакомый намъ капитанъ, — война поставила меня въ условія примитивной жизни: я сплю въ полѣ, ѣмъ пальцами, кричу, бранюсь. Незамѣтно я утратилъ чувство тонкости, и я оказываюсь внезапно со странными инстинктами жестокости“... Когда приходится, подчиняясь законамъ мимичности, сбрасывать съ себя всѣ яркіе цвѣта и принимать окраску окружающей среды: ползти на животѣ, стараясь не отличаться отъ глины или зелени, и ползая, выбирать такое направленіе, чтобъ вѣтеръ не доносилъ до нѣмецкихъ часовыхъ шорохъ камешкомъ или трескъ ломающихся подъ колѣнами хворостинъ, — тогда, разумѣется, чувство „тонкости“ отпадаетъ наравнѣ со многими другими чувствами. Но жестокость, о которой говоритъ нашъ авторъ, вспыхиваетъ у иныхъ только въ моменты боевого напряженія, которые въ траншейной войнѣ остаются исключеніемъ. А въ долгіе часы, дни и недѣли неподвижности и уравновѣшенной опасности сознаніе живетъ въ сумеречной полудремотѣ.

Естественной формой психологическаго самосохраненія для современнаго человека въ обстановкѣ войны является душевная замкнутость, сведеніе внутренней жизни къ минимуму. Здѣсь передъ нами своеобразная

діалектика: именно, крайняя усложненность психики современного человѣка толкаетъ его въ условіяхъ войны къ чрезвычайному суженію душевныхъ проявленій; иначе ему не вмѣстить въ свое сознаніе того, что происходитъ передъ нимъ и проходить сквозь его душу.

На стоянкахъ, на отдыхѣ, въ траншеяхъ второй линіи, т.-е. тамъ, гдѣ есть и досугъ и относительная безопасность, французскіе солдаты рѣдко разговариваютъ между собою: они балагурятъ, болтаютъ, иногда ссорятся и бранятся, добродушно или желчно высмѣиваютъ начальство, его приказы, но очень рѣдко дѣлятся другъ съ другомъ воспоминаніями, мыслями, чувствами или надеждами.

Обстановка лишеній настраиваетъ психику чрезвычайно эгоистически. Острая потребность поддержанія собственныхъ силъ, извлеченія какъ можно большихъ удобствъ и выгодъ для собственного организма изъ непривычной обстановки, которая дѣйствуетъ на него со всѣхъ сторонъ разрушающе, господствуетъ надъ всѣми другими соображеніями и запросами.

Сравнивая свое настроеніе съ воинственно-страстнымъ настроеніемъ псалмовъ Давида, мистически-настроенный капитанъ Де-Винъ покаянно скорбитъ: „Съ того времени, какъ я на войнѣ, я слишкомъ часто не ощущалъ въ себѣ ничего, кромѣ смутнаго профессиональнаго автоматизма,—чисто-животная жизнь во мнѣ казалась преобладающей“..

Смѣхъ—частый гость въ „военной зонѣ“,—смѣхъ по разнымъ поводамъ, смѣхъ изъ пустяковъ. Смѣхъ не означаетъ, однако, что смѣющимся весело, какъ справедливо указываетъ извѣстный писатель Пьеръ Гампъ въ своемъ „Смѣхъ подъ огнемъ“... Смѣхъ, какъ и движеніе, есть физическая потребность здоровыхъ людей. Эта потребность сохраняется наперекоръ всѣмъ внѣш-

нимъ условіямъ, доколѣ желудокъ перевариваетъ пищу, а легкія вдыхаютъ кислородъ.

Но чего въ извѣстныхъ предѣлахъ настойчиво требуетъ опустошенное сознаніе, это развлеченій. На мѣстѣ прежнихъ бивуачныхъ сказокъ и героическихъ повѣствованій мы находимъ варьетэ и сатирическіе журналы. Та же потребность во внѣшнихъ развлеченіяхъ, которая не требовали бы напряженія мысли или чувствъ, толкаетъ солдатъ на мессы. Утвержденія благочестивыхъ корреспондентовъ католическихъ журналовъ насчетъ чрезвычайнаго повышенія религіознаго чувства у французскихъ солдатъ основаны въ девяти десятыхъ на абераціи. Поскольку условія жизни въ военной зонѣ вообще исключаютъ возможность напряженныхъ душевныхъ переживаній, не можетъ быть рѣчи и о напряженіи религіознаго чувства. Дѣло сводится просто къ потребности внѣшнихъ раздраженій для глаза и уха, уставшихъ отъ монотонности и однообразія.

Оскудѣніе сознанія, придушенность его важнѣйшихъ творческихъ и критическихъ способностей создаютъ раздражительную воспріимчивость къ мелочамъ, получающимъ способность вызывать психическій эффектъ, совершенно не соотвѣтствующій размѣрамъ и значенію самаго факта. Съ другой стороны, тѣ же условія порождаютъ легковѣріе, воспріимчивость ко всякимъ слухамъ, предположеніямъ, догадкамъ, обѣщаніямъ и страху. На этой почвѣ возникаютъ коллективныя зараженія. Невѣдомо откуда вспыхиваетъ слухъ о томъ, что полкъ будетъ распущенъ или что его отправятъ въ резервъ, или на Галлипольскій полуостровъ, — и этотъ слухъ переходитъ изъ устъ въ уста, ему вѣрятъ, имъ поглощены. Черезъ нѣсколько часовъ о немъ забываютъ, не доискиваясь источника его возникновенія.

На западномъ фронтѣ случаи массовой паники наблю-

даются крайне рѣдко. Это объясняется не только общимъ сравнительно высокимъ личнымъ уровнемъ солдатской массы, но и самымъ характеромъ войны, ея методичностью и рассчитанностью,—моменты внезапности, расплоха сведены къ минимуму. Тѣмъ не менѣе и здѣсь можно наблюдать крайне выразительные случаи коллективнаго гипноза.

Одинъ французскій офицеръ рассказываетъ яркій эпизодъ изъ перваго наступленія французовъ въ Эльзасъ. „Изъ деревни вдругъ на насъ понеслись солдаты... Они были охвачены паникой, и мы прежде всего различили только огромные, вышедшіе изъ орбитъ глаза на красивыхъ лицахъ... Приблизившись къ намъ и видя насъ въ порядкѣ, они останавливались, но всѣ задыхались, и большинство падало безъ памяти... Одинъ, охваченный галлюцинаціей, кричалъ: „Но они идутъ, они идутъ“, и бился среди свекловицы... Многихъ рвало... Мы глядѣли на это зрѣлище съ остолбенѣніемъ... Позже я узналъ,—продолжаетъ офицеръ,—что этотъ батальонъ имѣлъ всего лишь 6 убитыми и 30 ранеными, а четыре дня спустя этотъ самый отрядъ держалъ себя геройски“.

Потерявъ на батальонъ, на тысячу человекъ, 6 убитыми и 30 ранеными, солдаты видѣли ручьи крови и летающія въ воздухѣ оторванные части тѣлъ. Вотъ классическій примѣръ того, какъ сознанія съ парализованной критикой сочетаютъ отрывочныя впечатлѣнія въ страшные образы и этими образами заражаютъ другъ друга.

Парижъ.

Траншея.

I.

Несмотря на тяжелую артиллерию, аэропланы, телефоны, прожекторы, въ этой затажной и неподвижной войнѣ ручныя гранаты Густава-Адольфа и саперныя работы Вобана дополняются, по мѣткой формулѣ „Фигаро“, правами и картинами военного быта, почти что списанными съ осады Трои.

Траншея тянется отъ Дюнкирхена до Бельфора. Она проползаетъ по дюнамъ Фландріи, черняющей полосой вьется по мѣловымъ пространствамъ Шампани, змѣится въ сосновыхъ лѣсахъ Вогезовъ — линіей въ 800 километровъ. Въ этой щели скрывается французская армія, дѣлающая усилія, чтобы устоять на мѣстѣ. Французская траншея — не временный окопъ, какіе возводились не разъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разные моменты борьбы. Это рѣшающая межа, малѣйшее передвиженіе которой въ ту или другую сторону оплачивается неисчислимыми жертвами.

Когда затишаетъ на секторѣ артиллерія, ничто не говоритъ о битвѣ. Поле пустынно и мертво. Не видно солдатъ, не видно пушекъ. Ничто не говоритъ о томъ, что на этомъ небольшомъ пространствѣ идетъ своими таинственными путями жизнь нѣсколькихъ тысячъ чело-вѣкъ. Въ черныхъ норахъ сидятъ, спятъ, ѣдятъ, пере-вязываютъ раны, умираютъ; по кулуарамъ или въ со-сѣднихъ кустахъ передвигаются съ мѣста на мѣсто, — на поверхности ничего не видно и не слышно. Тран-шейная война есть прежде всего кровавая игра въ прят-

ки. Война кротовъ, столь противная „галльскому темпераменту“...

„Отвратительная свалка въ подземельи навязана намъ нѣмцемъ“, — жалуется и теперь еще подчасъ французская пресса. Но самобытность національнаго генія стерлась еще въ одной области: французы сидятъ въ траншеяхъ, какъ нѣмцы, какъ русскіе, какъ итальянцы. Траншея оказалась могущественнѣе „галльского темперамента“.

Многіе мѣсяцы стоитъ траншея. Если бы знать, что въ ней придется прожить такъ долго, ее бы сразу оборудовали иначе... А, можетъ быть, и вовсе не хватило духу строить ее. Но предполагалось, что окопы — только пункты опоры для новаго движенія впередъ. Ихъ подправляли, постепенно обстраивали: укрѣпляли столбами, насыпали парапетъ, совершенствовали и маскировали бойницы. На оборудованіе шло все, что попадалось подъ руку: стволъ дерева, ящикъ, мѣшки съ землей, шинель убитаго нѣмца... Солдаты почти разучились относиться къ траншеѣ, какъ ко временному убѣжищу. Они говорятъ о ней, какъ раньше о границѣ Франціи, только понятіе фронта для нихъ гораздо болѣе содержательно, ибо въ немъ — годъ борьбы и страданій.

Жизнь въ траншеяхъ стоитъ посрединѣ между жизнью на „квартирахъ“ второй линіи (cantonnements) и между прямымъ боевымъ столкновеніемъ, атакой. Траншея даетъ солдату близкое соприкосновеніе съ непріателемъ. Даже когда нѣтъ вылазокъ, непріатель чувствуется непрерывно, въ видѣ постоянной артиллерійской пальбы и ружейной стрѣльбы; часто слышатся нѣмецкіе голоса и шумъ подземныхъ работъ, иногда надъ парапетомъ подымается непріательская голова, по вечерамъ раздается пѣсня, нерѣдко, особенно въ разгаръ перестрѣлки или передъ атакой, — ругательства и проклятія.

Траншея сразу подтягиваетъ свѣжихъ солдатъ. Едва онъ перешелъ изъ своей стоянки въ непосредственную зону военной опасности, гдѣ надъ нимъ и вокругъ него повизгиваютъ пули, онъ вдругъ подтягивается, его энергія самосохраненія сосредоточивается; онъ стремится тѣснѣе примкнуть къ своему отряду, строже соблюдаетъ нормы дисциплины и порядка, которые предстоятъ передъ нимъ теперь не какъ виѣшнія, навязанныя и произвольныя установленія, а какъ цѣлесообразныя приемы для огражденія своей жизни отъ опасности. Дисциплина устанавливается сама собою и безъ треній.

„До сего момента, — рассказываетъ французскій офицеръ о первомъ огненномъ крещеніи своего батальона, — я упрекалъ своихъ солдатъ въ безразличіи и непониманіи важности положенія. Но въ эту ночь ихъ глаза горятъ, всѣ внимательны. Они выслушиваютъ мои приказанія, какъ голосъ оракула, одобряютъ ихъ словами „да“, „да“, нѣсколько разъ повторяемыми тихимъ голосомъ“... Что настроило ихъ такъ? Общая идея? Нѣтъ, близкая опасность, первый контактъ съ нѣмецкимъ ядромъ. „Однажды, — рассказываетъ наблюдательный унтеръ-офицеръ, — мы отправились смѣнить людей въ траншеяхъ... Намъ пришлось пройти пять километровъ. Люди шли кое-какъ, вразвалку, и непридуманно болтали. Вдругъ въ сторонѣ отъ насъ упалъ снарядъ. Немедленно же отрядъ остановился и послѣ нѣсколькихъ секундъ ошеломленія двинулся впередъ въ превосходномъ порядкѣ и въ молчаніи, съ легкой поспѣшностью, которая сказала въ томъ, что отъ обычнаго походнаго шага перешли къ ритмическому“.

Смѣна въ траншеяхъ обычно совершается ночью. Свѣжія войска иногда только на утро имѣютъ возможность убѣдиться, какъ близки они отъ непріятеля и какой опасности подвергались на пути въ траншею. Они

сами изумлены, какъ удалось имъ избѣжать въ этихъ условіяхъ смерти, и заднимъ числомъ испытываютъ острый приливъ страха. Солдаты сразу преисполняются благодарностью по отношенію къ защитницѣ-пещерѣ, наблюдая пули, которыя бьются въ парашютъ или свистятъ надъ ихъ головами. Инстинктъ самосохраненія на первыхъ порахъ совершенно подавляетъ другіе, подчиненные жизненные инстинкты, въ томъ числѣ потребность въ комфортѣ. Если для стороннихъ посѣтителей жизнь въ траншеѣ представляется совершенно чудовищной, то въ глазахъ солдата траншея возмѣщаетъ всѣ свои мрачныя стороны тѣмъ, что даетъ ему надежное убѣжище.

Въ дальнѣйшемъ у солдата устанавливается по отношенію къ траншеѣ большая фамиллярность. Онъ смотритъ на нее уже не только какъ на защиту, но и какъ на квартиру. Въ тѣмъ онъ становится требовательнѣе, онъ начинаетъ свое новое водвореніе въ ней послѣ каждаго отдыха отъ критики того состоянія, въ которомъ оставилъ помѣщеніе предшественникъ. Уже по пути въ траншею начинаются догадки насчетъ того, достаточно ли другая смѣна позаботилась о томъ, чтобы убрать слѣды своего пребыванія въ общемъ убѣжищѣ. Въ полной силѣ проявляются при этомъ, какъ устанавливаетъ уже цитированный нами L. M. Lahu, тѣ тренія, которыя имѣются между различными родами оружія. Горе, если артиллеристы занимаютъ пѣхотную траншею: нѣтъ тогда конца издѣвательствамъ по адресу грязной пѣхоты.

Обосновавшись, солдатъ хочетъ ориентироваться. Онъ стремится опредѣлить положеніе своей траншеи по отношенію къ непріятелю, сосѣдство ея съ другими траншеями, связь съ тыломъ. Послѣ первыхъ приливовъ страха онъ склоненъ переоцѣнивать свою безопасность.

Молодые солдаты норовят высунуть голову поверхъ паранета, чтобы получше осмотрѣться, и только окрики болѣе опытныхъ товарищей заставляютъ ихъ держать себя въ порядкѣ. Смѣна за смѣной, солдатъ приравнивается, узнаетъ, что можно, чего нельзя, привыкаетъ къ мѣстности, научается различать каждую на ней кочку, потому что изъ каждой кочки ему можетъ грозить смертельная опасность. Малѣйшая перемѣна обманчивой поверхности теперь не ускользаетъ отъ него.

Но поле наблюденій убійственно однообразно. Страшная бритва войны сотни разъ прошла вдоль линіи траншей и сръзала все дочиста. Вотъ эта траншея находилась раньше въ лѣсу. Ядра вырвали и искалѣчили большинство деревьевъ. Остальныя были затѣмъ устранены людьми и употреблены на внутреннее оборудованіе траншей. Дерево у окоповъ — опасность. Ударившись о него, ядро взрывается раньше срока и даетъ неприятелю возможность точнѣе урегулировать прицѣлъ. Пуля, стукнувшись о стволъ, убиваетъ рикошетомъ. Въ концѣ-концовъ вокругъ каждой траншеи, которая долго находится подъ обстрѣломъ, — а таковы всѣ нынѣшнія французскія траншеи, — образуется угрюмая пустыня, и сквозь бойницы глазъ всегда упирается въ одинъ и тотъ же пейзажъ разрушенія. „Мы опять въ траншеяхъ, — рассказываетъ въ письмѣ русскій волонтеръ, — и опять въ центрѣ нашихъ позицій, т.-е. надъ минами и подъ „крапуйо“, какъ называютъ наши солдаты минаверферы. Въ сорока пяти — пятидесяти метрахъ отъ насъ нѣмцы. Кругомъ, въ долинахъ и на горахъ, заманчиво-богатая зелень, а на нашей позиціи, какъ проклятой, ни единого живого кустика: камень, взрытая земля, ямы, пыль. А былъ городокъ. Ничего не осталось... И такъ повсюду“.

Парижъ.

20-го сентября 1915 года.

II.

Какая-нибудь сотня метровъ, иногда гораздо меньше, отдѣляетъ непріятельскіе рвы. Враги не видятъ другъ друга почти никогда. Но отсюда слѣдятъ по едва уловимымъ признакамъ за всѣмъ, что происходитъ тамъ, знаютъ всѣ распоряжки, даже малѣйшія привычки непріятельской траншеи. Необходимость приспособляться къ незримому врагу заставляетъ распознавать его по его дѣйствіямъ. А какое главное дѣйствіе врага? Стрѣльба. Одинъ методически выпускаетъ выстрѣлъ изъ своей бойницы каждая пять минутъ. Это—педантъ, безъ злобы, безъ опредѣленнаго намѣренія вредить. Другой палить зря по парапету, не цѣлясь и не считая зарядовъ. Третій сводитъ свои обязанности къ минимуму, — его крено самое спокойное, онъ посылаетъ пулю, какъ рѣдкій подарокъ. Четвертый стрѣляетъ вкось, норовя убить рикошетомъ. У каждого своя манера и повадка. Этотъ злой и мѣткій стрѣлокъ, подстерегающій каждую тѣнь, тотъ завѣдомый лѣнтій или спортсменъ, или шутъ... При смѣнѣ эти исчезаютъ, появляются новые, и опять начинается взаимное приспособленіе и распознаваніе. Снова смѣна—возвращаются старые знакомые.

Часовые бодрствуютъ на своихъ постахъ. Остальные заняты, кто чѣмъ. Кто дремлетъ, кто шьетъ, кто пишетъ... Эти подчищаютъ кулуаръ; тѣ играютъ въ карты. Въ пещерѣ пулеметчиковъ ювелиръ выдѣлываетъ кольца, для которыхъ мѣдь и алюминій доставляются вѣмецкими снарядами. Все тихо, почти мирно. А между тѣмъ врагъ близокъ, гораздо ближе, чѣмъ можно подумать. Эта траншея была отнята у нѣмцевъ. Она соединена со второй линіей, куда теперь передвинулись нѣмцы, поперечнымъ кулуаромъ. Его забили посрединѣ

стѣной изъ мѣшковъ съ землею. По одну сторону пограничной стѣны французскій часовой, по другую—нѣмецкій. Такъ стоятъ они, подстерегая дыханіе другъ друга. У обоихъ винтовка между колѣнъ, въ обѣихъ рукахъ по ручной гранатѣ и куча гранатъ на мѣшкахъ, на уровнѣ руки. Малѣйшее угрожающее движеніе съ противной стороны—и адская музыка начнется...

Враги-сосѣди живутъ одной жизнью, переживаютъ общія событія и одни и тѣ же чувства. Непритель приспособляется къ той же глинѣ или къ тому же песку, страдаетъ отъ того же дождя, задыхается отъ той же жары и вдыхаетъ тотъ же запахъ трупа, разлагающагося посрединѣ, между обоими рвами. Въ непрестанной борьбѣ они подражаютъ другъ другу: вводятъ перископъ противъ перископа, гранаты противъ гранатъ, телефонъ противъ телефона, и ведутъ навстрѣчу другъ другу миный ходъ, равно неувѣренные, кому судьба сулитъ первымъ взлетѣть на воздухъ.

Но вотъ неожиданный при всей своей естественности фактъ, іюньскій ливень, врывается въ жизнь обѣихъ траншей и выгоняетъ солдатъ на поверхность. „10-го іюня,—пишетъ съ фронта другой русскій доброволецъ,—у насъ затопило дождемъ траншею. Залило всѣ землянки; въ самой траншеѣ воды было по поясъ, а въ болѣе низкихъ мѣстахъ—по горло. Людей вымыло на насыпь. У нѣмцевъ та же исторія. Какъ бы въ молчаливомъ соглашеніи ни тѣ, ни другіе не считали возможнымъ открыть пальбу по удобнымъ мишенямъ... Все, что только можно было, пустили въ дѣло для выкачиванія воды. Мармиты, ведра сослужили свою службу. Составили цѣпь и начали на виду у нѣмцевъ работу. Вода не убываетъ. Ищемъ причину. Оказывается, что выброшенная вода возвращается черезъ кротовыя норы въ траншею. Наконецъ, наладили, воду выкачали, вернулись на мѣста, и—перестрѣлка возобновилась“...

Когда отрядъ долго занимаетъ одну и ту же траншею, а непріятельскій огонь не причиняетъ слишкомъ большихъ опустошеній, тогда жизнь въ траншеѣ устривается, какъ въ депо или въ *santonnements*: возобновляются перебранки, шутки, издѣвательства, которыя должны заполнить пустоту сознанія.

Яркимъ выраженіемъ замкнутой психической жизни является выработка особаго языка: фактъ, который наблюдается въ пансіонахъ, казармахъ и тюрьмахъ. Извѣстные факты и явленія, новые или старые, предстаютъ передъ солдатами подъ ихъ собственнымъ траншейнымъ угломъ зрѣнія, и это свое особое отношеніе къ факту требуетъ закрѣпленія въ новомъ словѣ. Цѣлый рядъ такихъ словъ уже перебросился изъ траншей въ общую французскую рѣчь и вошелъ въ литературный языкъ. Молодые солдаты послѣдняго набора, какъ и столѣтіе тому назадъ, называются *Marie-Louise*, по имени той австрійской принцессы, которая стала французской императрицей и требовала отъ сената призвать подъ знамена наборъ 1814 года. Обстрѣляемые солдаты называются *poilus*. „Стариковъ-резервистовъ“ съ полу-иронической лаской именуютъ *rèrèges*, иѣчто въ родѣ папаши. Слово *marmitte*, горшокъ, служитъ для обозначенія большихъ непріятельскихъ снарядовъ. Пушка 75-мил. называется „Евгеніей“, а штыкъ носить сладковатое имя: „Розалія“...

Утомленное однообразіемъ сознаніе отталкиваетъ всякую постороннюю работу, которая грозитъ выбить его изъ того состоянія неустойчиваго равновѣсія, въ которомъ оно держится. Солдаты какъ бы забываютъ въ траншеяхъ о своей профессіи, рѣдко вспоминаютъ о семьѣ и въ большинствѣ уклоняются отъ выполненія всякихъ мелкихъ ручныхъ работъ, для которыхъ траншейная жизнь оставляетъ достаточно времени. Чтобы

воспользоваться невольнымъ досугомъ или имѣющимся подъ руками матеріаломъ и дать выходъ своей творческой энергій въ какихъ-нибудь подѣлкахъ, нужны уже незаурядная воля или особо благоприятныя условія.

Здѣсь, въ траншеѣ, очень мало думаютъ объ общихъ задачахъ войны и, хотя это можетъ показаться парадоксомъ, меньше всего думаютъ о врагѣ. Непріятельская траншея, которая посылаетъ смерть, какъ непріятельская пушка, которая бросаетъ свои губительные обюсы, конечно, стоятъ передъ солдатомъ всегда, приковывая его вниманіе. Но здѣсь дѣло идетъ не о Германіи, не о планахъ императора Вильгельма, не о нѣмецкомъ вывозѣ, не объ историческомъ врагѣ, — дѣло идетъ о кускахъ свинца или чугуна, которые несутъ гибель и отъ которыхъ нужно спастись, посылая чугунъ и свинецъ по направленію непріятельской траншеи. О непріятелѣ говорятъ болѣе живо, когда ждутъ атаки или когда сами готовятся къ ней, но какъ говорятъ?—въ терминахъ физическаго столкновенія.

Солдаты съ напряженіемъ ждутъ писемъ, съ тревогой читаютъ ихъ, но послѣ прочтенія остаются всегда неудовлетворенными. Письмо пробуждаетъ полузабытыя, крѣпко придавленные воспоминанія, мысли и чувства и, порождая тревогу о другомъ мірѣ, не даетъ ей разрѣшенія. Но траншея сейчасъ же заявляетъ о себѣ, подчиняетъ себѣ,—впечатлѣніе письма быстро изглаживается. Напрягая инстинктъ самосохраненія, траншея настраиываетъ сознаніе эгоистически. Когда рои думаетъ о своихъ, онъ почти всегда слышитъ въ своей душѣ припѣвъ: „Они тамъ, а я здѣсь; я бьюсь за нихъ, я защищаю ихъ, я могу быть убитымъ“...

Въ концѣ года войны солдатъ стали отпускать съ фронта на 4 дня въ отпускъ. Они покидаютъ группами свой секторъ и потомъ растекаются по роднымъ мѣ-

стамъ. У оконъ вагона солдаты-крестьяне съ жадностью глядятъ на колосащійся хлѣбъ и толкуютъ объ осеннихъ работахъ. Траншея позади. Всѣ говорятъ или думаютъ о семьѣ, предвосхищаютъ чувство встрѣчи, безпокоятся... Многое могло измѣниться за годъ... Но въ семьѣ, въ родномъ селѣ или городѣ пермиссіонеры (отпущенные на побывку), несмотря на радость встрѣчи и безопасность, чувствуютъ себя не по себѣ. Между ними и домашней средой нѣтъ прежняго равновѣсія. Оборванный психическій контактъ не восстанавливается сразу. Рождаются чувства неудовлетворенности, которое принимаетъ у иныхъ бурныя и даже трагическія формы. Были случаи, когда пермиссіонеры уѣзжали до срока или стрѣляли въ жену и себя... Четыре дня проходятъ скоро. Въ вагонѣ, на обратномъ пути, возвращающійся солдатъ встрѣчаетъ своихъ товарищей. Бѣгло дѣлятся впечатлѣніями съ побывки. Но мысль уже захвачена траншеей. Говорятъ о ней, вспоминаютъ, предвидятъ. Замкнутая среда снова поглощаетъ ихъ психически, прежде еще, чѣмъ они физически погрузились въ нее...

Парижъ.

Выкинутые из военной зоны.

I.

Изъ французской деревни или фабрики солдатъ идетъ въ депо. Изъ депо — на фронтъ. Съ фронта, раненый или захворавшій — въ амбулансъ. Оттуда, если дѣло серьезно, въ госпиталь, въ l'hosto, какъ говорятъ солдаты на своемъ траншейномъ языкѣ. Въ горячіе дни ихъ перевозить въ санитарныхъ автомобиляхъ сотнями и тысячами, покрытыхъ грязью и кровью, съ желтыми лицами. Отъ депо—до l'hosto, таковъ естественный путь. Число госпиталей растетъ, они децентрализуются, разбрасываются вѣромъ по югу. Одинъ изъ большихъ отелей въ Лионъ-сюръ-меръ опубликовалъ въ газетахъ такое объявленіе: „Приѣзжайте въ Лионъ-сюръ-меръ. — Пляжъ безъ госпиталей“. Все меньше становится во Франціи благословенныхъ уголковъ, которые могутъ похвалиться такимъ преимуществомъ.

Задача госпиталя—вернуть раненымъ или больнымъ здоровье или, по крайней мѣрѣ, сохранить за ними жизнь. Но съ точки зрѣнія процесса войны эта общая задача подчиняется частной: вернуть арміи какъ можно большее количество выбитыхъ изъ нея единицъ.

Прошедшіе черезъ госпиталь раненые сортируются: одни „реформируются“, т.-е. увольняются совершенно; другіе, послѣ извѣстнаго срока, возвращаются на фронтъ; сомнительные идутъ на поправку или въ учрежденія „физическаго перевоспитанія“, гдѣ ихъ научаютъ снова владѣть парализованной рукой, сгибать пальцы, ногу и пр., или, по крайней мѣрѣ, пытаются этому научить.

Для выздоровѣвшихъ начинается второй полуциклъ: отъ l'hosto — въ депо, и оттуда снова на фронтъ. Но сито военнаго испытанія каждый разъ отмечаетъ многія сотни и тысячи окончательно непригодныхъ. Они не существуютъ больше съ военной точки зрѣнія, но они составляютъ очень важный социальный итогъ войны.

За войной снова наступитъ періодъ возстановленія и созиданія. Рабочая сила войны снова станетъ рабочей силой труда. Чѣмъ успѣшнѣе происходитъ сейчасъ артиллерійская и иная „переработка сырого матеріала“ арміи, тѣмъ меньше останется рабочихъ рукъ для переработки дѣйствительнаго сырого матеріала природы — потому, когда наступитъ время труда. Мало того. Тѣ, что были изъ строя, какъ калѣки, лягутъ во всѣхъ странахъ тяжестью на государство. Отсюда вырастаетъ обратная задача: переработать „продукты“ войны въ сторону „сырого матеріала“, приблизить калѣкъ и увѣчныхъ, по ихъ трудовой цѣнности, къ здоровымъ и нормальнымъ работникамъ. И въ то время, какъ на всѣхъ фронтахъ продолжаетъ свою работу артиллерія, въ тылу — въ Парижѣ, въ Лионѣ, въ Бордо и въ рядѣ другихъ городовъ дѣлаются попытки по возможности полнаго трудового возстановленія искалѣченныхъ на войнѣ.

Это называется „профессіональнымъ перевоспитаніемъ“. Оно начинается непосредственно послѣ госпиталя: первымъ дѣломъ нужно установить наличныя силы и способности ущербленнаго организма, сдѣлать предварительный учетъ его цѣнности и нащупать точки приложенія его силъ. До профессіональнаго перевоспитанія необходимо произвести функціональное перевоспитаніе: нужно довести остатки органовъ до максимума гибкости и трудоспособности; нужно создать новыя координаціи и навыки; нужно естественныя органы восполнить искусственными и научить пользо-

ваться ими. Тутъ необходимо комбинированное руководство врача и инженера. Иногда задача сводится просто къ тому, чтобы вернуть калѣку къ его прежней профессіи, доставивъ ему возможность, при помощи новыхъ орудій и приѣмовъ, достигать старыхъ хорошо знакомыхъ ему результатовъ. Но въ большинствѣ случаевъ задача складывается сложнѣе: нужно подобрать новую профессію, которая ближе всего подходила бы къ оставшимся въ наличности органамъ и силамъ и позволяла бы въ наивысшей мѣрѣ ихъ использовать.

Когда крестьянинъ или рабочій уходилъ на войну, онъ представлялъ себѣ дѣло такъ, что если останется живъ, — а всякій надѣется остаться въ живыхъ, — то снова вернется, послѣ неожиданнаго перерыва, въ прежнюю колею. И такую же представлялась вся война по отношенію къ нашей общественной, политической и культурной жизни въ цѣломъ: казалось, пронесется ураганъ — и все въ общемъ и цѣломъ вернется на старое мѣсто. Наивная иллюзія! Ничто не вернется на старое мѣсто. И ни одинъ человекъ не вернется цѣликомъ въ прежнюю колею.

На судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, сперва втянутыхъ въ военную зону, а затѣмъ, за дальнѣйшей непригодностью, выброшенныхъ изъ нея, можно хоть отчасти прослѣдить, какія пертурбаціи вносятъ въ личную и общественную жизнь война — не на мѣсяцы и годы, а на многія десятилѣтія.

* *
*

Мой другъ, Казимиръ Малецкій, сынъ натурализованнаго во Франціи польскаго эмигранта и француженки, служилъ въ одномъ изъ отдѣленій у Потена кассиромъ и собирался оформить въ меріи свой бракъ съ продавщицей того же магазина, когда разразилась война. Ка-

Казимиръ принадлежалъ къ синдикату торговыхъ служащихъ и къ социалистической партіи, но большого интереса къ общественнымъ вопросамъ не проявлялъ. Несмотря на молодость, это былъ столь распространенный во Франціи типъ уравновѣшеннаго человѣка, очень обходительнаго и пріятнаго, но лишеннаго всякихъ ресурсовъ энтузіазма. Казимиръ любилъ Францію, но тоже безъ пламени. На войну онъ шелъ съ недоумѣніемъ и почти безъ мыслей, т.-е. безъ мыслей о войнѣ, а не о себѣ.

Казимиръ былъ на Ипрѣ, когда нѣмцы пустили на французскія траншеи первую волну удушливыхъ газовъ. Никто не зналъ тогда, что это такое. Сталась по землѣ какая-то зловѣще-желтая нечисть, медленно приближалась къ траншеѣ, точно изливающаяся желчь. Всѣ инстинктивно почувствовали опасность, но не знали, какъ назвать ее по имени. „Это не иначе, какъ лихорадка“, — сказалъ молодой крестьянинъ Куртоа, съ которымъ Казимиръ близко сошелся въ траншеѣ. Скоро зловонный туманъ надвинулся на окопъ и схватилъ всѣхъ за горло. Многіе сразу потеряли сознание. Другіе пытались сопротивляться, искали воздуха и дѣлали глубокія вдыханія. Это губило ихъ и они падали за-мертво. Офицеры пытались сперва успокоить солдатъ, говорили, что сейчасъ все пройдетъ, но послѣ первыхъ словъ одни сами падали на землю, другіе вмѣстѣ съ солдатами прыгали черезъ паранетъ, стремясь выбраться на воздухъ. Казимиръ выскочилъ вмѣстѣ со своимъ пріателемъ Куртоа. Они побѣжали рядомъ, кашляя рвотнымъ кашлемъ и сплевывая на бѣгу кровью. Вдогонку свистѣли пули, пущенныя наугадъ, ибо врядъ ли нѣмцамъ что видно было за волной желтаго тумана. Когда отбѣжали шаговъ триста, Казимиръ вдругъ почувствовалъ ожогъ въ ногѣ, потомъ невыносимую боль, и со

стономъ свалился. Куртоа былъ впереди. Нѣсколько секундъ онъ колебался, но потомъ вернулся и, взявъ Казимира на спину, протащилъ его еще шаговъ сто, и совершенно обезсиленный свалился со своей ношей въ окопъ второй линіи. Тутъ ихъ подобрала санитары. Казимиръ отдѣлался сравнительно легко, безъ ампутаціи. Его отправили въ госпиталь въ Орлеанъ. Первый полуциклъ — отъ депо до l'hosto — такимъ образомъ завершился для него.

Въ городъ Жанны д'Аркъ Казимиръ оказался въ одномъ изъ центровъ католицизма и какъ-разъ въ тотъ періодъ, когда, подъ покровительствомъ Мильерана, клерикализмъ открылъ атаку по всей линіи и прежде всего на армію и лазареты. Кюре, сестры, председатели и председательницы всякихъ благотворительныхъ обществъ осаждали больныхъ и выздоравливающихъ, индифферентныхъ, атеистовъ и мусульманъ, предлагая имъ амулеты, четки, религіозныя брошюры и посѣщеніе мессы.

Сосѣдомъ Казимира по койкѣ былъ Ибрагимъ Дина Салифу, впоследствии лейтенантъ французской арміи. Ибрагимъ — сынъ Дина Салифу, короля Нилу, который на военномъ смотрѣ 14 іюля 1889 года красовался въ ослѣпительныхъ одеждахъ на трибунѣ рядомъ съ президентомъ Карно. Дина Салифу былъ тогда почетнымъ гостемъ республики. Его портреты печатались во всѣхъ газетахъ, а *chansoniers* слагали про него непочтительныя куплеты, мало заботясь о томъ, что черный повелитель принесъ Франціи въ „даръ“ одну изъ богатѣйшихъ областей Гвиней. Ибрагимъ, тогда девятилѣтній мальчикъ, воспитался во Франціи, женился на французкѣ, вступилъ въ началѣ войны въ иностранный легіонъ, былъ трижды раненъ, произведенъ послѣдовательно въ капралы, сержанты, въ лейтенанты, цити-

рованъ въ приказахъ, и совсѣмъ недавно, по возвращеніи изъ Дарданеллъ, получилъ во „дворъ чести“ Дома Инвалидовъ изъ рукъ генерала Гарро крестъ вмѣстѣ съ традиціоннымъ поцѣлуемъ. Въ Орлеанѣ онъ лежалъ послѣ своей первой раны въ плечо.

Черезъ Ибрагима Казимиръ заинтересовался черными солдатами республики, какъ вообще въ лазаретѣ онъ впервые по настоящему заинтересовался людьми...

Роменъ Ролланъ обвиняетъ въ своей книгѣ европейскія правительства, между прочимъ, и въ томъ, что они вовлекли цвѣтныя расы въ войну и сдѣлали такимъ образомъ краснокожихъ и чернокожихъ судьями старой европейской культуры. Въ этомъ обвиненіи гуманитарный пацифизмъ Роллана соединяется съ оскорбленнымъ аристократизмомъ европейца. Но даже и будучи свободнымъ отъ этого послѣдняго чувства, нельзя не признать, что участіе африканцевъ въ великой свалкѣ („la grande mêlée“) придаетъ смыслу настоящей войны совершенно обнаженное выраженіе. Для поясненія этой мысли достаточно будетъ сказать, что корреспондентъ „Matin“, сопровождавшій сенегальцевъ въ злосчастной дарданелльской экспедиціи, съ полнымъ удовлетвореніемъ писалъ оттуда: „Они знаютъ, кто такіе нѣмцы“...

Въ орлеанскомъ госпиталѣ, а позже въ Лионѣ, въ „корпусѣ физическаго перевоспитанія“, куда его перевели на окончательную поправку, Казимиръ наблюдалъ много африканцевъ. Сперва онъ по цвѣту кожи относилъ ихъ всѣхъ въ одну и ту же категорію. Потомъ онъ сталъ отличать негровъ отъ арабовъ, а среди этихъ послѣднихъ замѣтилъ рѣзкій антагонизмъ между алжирцами и марокканцами.

Махамедъ-бенъ-Ахметъ, родомъ изъ провинціи Казабланка, пробовалъ научиться у Казимира читать по-французски. Это былъ высокій рябой арабъ, 21-го го-

да, съ рѣденькой бородкой и длиннымъ клокомъ волосъ на затылкѣ остриженной головы. У Махамеда шесть братьевъ отъ двухъ отцовскихъ женъ. Братья торгуютъ скотомъ, мелкими товарами, разбойничаютъ. Хозяйство ведутъ женщины. Махамедъ записался въ легіонъ потому, что дали 200 франковъ сразу и обѣщали 9 фр. 75 сант. жалованья каждые десять дней.

Алжирцевъ Махамедъ называетъ не иначе, какъ кельбъ-бенъ-кельбъ, что значить: песь-сынъ-пса. Марокканцы, какъ недавно и притомъ неокончательно еще замиренныя, болѣе свободолюбивы, чѣмъ алжирцы, и для того, чтобъ удерживать ихъ въ порядкѣ, правительство республики прибѣгаетъ къ услугамъ алжирцевъ. Отсюда—антагонизмъ.

Къ французамъ у Махамеда отношеніе очень сложное. Ихъ культура подавляетъ и обольщаетъ его, но онъ пытается отстоять свою личность и свои вѣрованія. „Ты, французъ, не вѣришь въ Бога, — говоритъ онъ Казимиру, — а я вѣрю. Человѣкъ, который не признаетъ Аллаха, и звѣрь — это кифъ-кифъ (одно и то же)“. Но это мнимое сознание превосходства только прикрываетъ пробужденный стыдъ за свою некультурность... Въ большемъ госпиталѣ на Мишель-Анжъ я видѣлъ молодого раненаго араба, который за столомъ наложилъ себѣ горчицы ложечкой прямо на языкъ. Сестра милосердія, гречанка-контесса, назвала его дикаремъ. Отъ стыда и возмущенія онъ укусилъ ее до крови въ палецъ.

Къ французскимъ нравамъ арабы относятся съ неодобреніемъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Они осуждаютъ свободу, какой пользуются французскія женщины, но у cadaго изъ нихъ есть своя *magtaine de guette*, военная „крестная мать“, а у нѣкоторыхъ даже двѣ и три. Крестныя, это теперь во Франціи національный институтъ: онѣ пишутъ своимъ крестникамъ, обычно

незнакомымъ, на фронтъ письма, посылають бѣлье, продукты, деньги, приглашаютъ изъ госпиталей обѣдать и пр. Надо сказать, что въ извѣстныхъ кругахъ французскихъ дамъ арабы пользуются большимъ успѣхомъ. Историки литературы могутъ намъ объяснить, въ какой мѣрѣ въ этомъ пристрастіи повинно вліяніе шекспировской Дездемоны...

Тамъ, въ Африкѣ, война представлялась имъ совершенно иначе. Они надѣялись на быструю побѣду, вторженіе въ непріятельскую страну, богатую добычу и скорое возвращеніе домой. Но событія круто обманули ихъ. Въ средѣ арабовъ „кафаръ“ — развѣдающая волю хандра—дѣлаетъ особенно жестокія завоеванія.

При большой обособленности между неграми и арабами, марокканцами и алжирцами, наконецъ, между арабами и евреями внутри каждой изъ этихъ двухъ послѣднихъ группъ, всѣ африканцы остаются отчужденными отъ французовъ, и совмѣстное пребываніе въ госпиталяхъ не сближаетъ ихъ, а скорѣе способствуетъ дальнѣйшему отчужденію. Но бываютъ и случаи большой дружбы между чернымъ и бѣлымъ, и такіе случаи всегда имѣютъ свое объясненіе.

Среди африканцевъ въ орлеанскомъ госпиталѣ общими симпатіями пользовался Жанъ Монтель, съ нашивками сержанта, съ просѣдью въ черныхъ волосахъ, съ длинными колючими усами, которые онъ умѣетъ однимъ движеніемъ губъ поднимать кверху, что придастъ ему—ко всеобщему удовольствію — сходство съ „Гильомомъ“ (Вильгельмомъ). Чѣмъ былъ Монтель въ прошломъ, этого точно не знаетъ никто, а его отвѣты на этотъ счетъ всегда уклончивы и нерѣдко противорѣчивы. Но Монтель ловокъ, находчивъ, и начальство оставалось всегда довольно своимъ сержантомъ. Онъ попался на какой-то мелкой исторіи съ передачей денегъ солдату.

Прежде, чѣмъ поднимать дѣло, капитанъ внимательно заглянулъ въ его бумаги и убѣдился, что Монтель не сержантъ, а резервистъ „2-го класса“. Но какъ-разъ въ тотъ день, когда капитанъ хотѣлъ его отдать въ руки военнаго суда, самозванецъ-сержантъ былъ тяжело раненъ: взрывомъ снаряда ему обезобразило лицо и выжгло глазъ. Монтель попалъ въ орлеанскую больницу и пробылъ тамъ полгода, разбитый и притихшій. Къ концу леченія къ нему стало возвращаться, однако, прежнее веселое настроеніе. Онъ проводилъ цѣлые часы въ обществѣ арабовъ и сенегальцевъ, поражая ихъ знаніемъ африканскихъ условій и нарѣчій. Любили его и французы—за услужливость, добродушную плутоватость и безчисленные анекдоты. Апофеоза Монтель достигалъ каждый разъ, когда въ своихъ темныхъ очкахъ, прикрывающихъ слѣпоту, онъ поднималъ вверхъ давно успѣвшіе отрасти усы и изображалъ Гильома... Но въ одинъ прекрасный день его перевели въ военную тюрьму. На судѣ капитанъ показалъ, что обвиняемый былъ прекраснымъ сержантомъ. Адвокатъ, извѣстный бонапартистъ, закончилъ свою рѣчь словами: „Если бы какой-нибудь французъ-самозванецъ, облачившись въ трехуголку и сѣрый сюртукъ, захватилъ командованіе арміей и повелъ ее побѣдоносно на Берлинъ, кто изъ насъ сталъ бы обвинять его въ незаконномъ ношеніи формы?“. Но эта игра на очень широко распространенныхъ цезаристскихъ симпатіяхъ не спасла Монтеля: его приговорили къ четыремъ годамъ тюрьмы.

Это произошло, однако, уже тогда, когда Казимира перевели изъ орлеанскаго госпиталя въ ліонскій домъ „физическаго перевоспитанія“ — этапъ на повторномъ передвиженіи на фронтъ.

II.

Задача „корпуса физическаго возрожденія“—путемъ систематическихъ упражненій вернуть пораженнымъ членамъ подвижность и гибкость. Такихъ учрежденій во Франціи сейчасъ уже не мало, и въ нихъ стекаются изъ всѣхъ военныхъ госпиталей раненые, которымъ временный параличъ пораженнаго члена, ослабленіе мышцъ или затверденіе сочлененія не позволяютъ вернуться на фронтъ. Туда же направляютъ и симулянтовъ или тѣхъ, кого подозрѣваютъ въ симуляціи, напримѣръ, анкилоза. Подозрѣваемыхъ помѣщаютъ въ особую комнату, лишаютъ права переписки, не выпускаютъ въ городъ и лечатъ принудительно.

Сознательные симулянты, въ сущности, очень рѣдки уже потому одному, что симуляція въ условіяхъ военнаго лазарета предполагаетъ исключительную дерзость и выдержку. Таковъ, напримѣръ, Огюсть Шоле: ранень въ ногу, рана сквозная, зажила въ 10—15 дней. Солдатъ большого роста, очень здоровый. Ходитъ съ палкой и хромаетъ, не сгибаетъ колѣна. Его всячески испытывали, подкладывали подъ ногу подставку, а на ногу вѣшали мѣшокъ съ пескомъ, но нога не сгибается. Шоле—грузчикъ, исключительной силы въ ногахъ. Товарищи же не выдаютъ симулянтовъ, какъ бы ни относились къ нимъ. Наконецъ, однажды, въ искусно наведенномъ разговорѣ о женщинахъ, доктору удалось согнуть Шоле ногу... Вотъ еще симулянтъ: арабъ. Онъ былъ ранень легко три раза. Сейчасъ, по словамъ его ближайшихъ друзей, онъ давно здоровъ, но симулируетъ боли въ колѣнѣ, не желая итти на фронтъ. Онъ считаетъ себя обиженнымъ: ему не дали ни медали, ни креста; а, главнымъ образомъ, онъ боится митральезъ и

пушекъ. Онъ часто вспоминаетъ стариковъ, которые отговаривали ѣхать въ Европу:

Но если сознательные симулянты крайне рѣдки, зато есть много переходныхъ типовъ. Раненые привыкають къ своему положенію, къ его преимуществамъ и сопротивляются всякой перемѣнѣ. Часто приходится насильно отбирать у больныхъ костыли и палки. Больные привыкають къ нимъ, какъ къ собственнымъ органамъ, и считаютъ себя несравненно безпомощнѣе, чѣмъ каковы они въ дѣйствительности. Одинъ русскій доброволецъ, молодой парень 19-ти лѣтъ, получилъ шесть ранъ, всѣ сквозныя, въ ногу. Кость нигдѣ не затронута, но мускулы сильно повреждены, нога стала какъ палка. Ходилъ на костыляхъ. Доктора заставили перемѣнить костыли на палку. Онъ отказывался. Тогда костыли отняли. Солдатъ началъ ссориться съ докторами, уходилъ въ отпускъ безъ спроса, возвращался ночью. Въ концѣ-концовъ ушелъ въ депо.

Corpus de rééducation physique — это уже не лазаретъ, но еще и не казарма, а нѣчто среднее между ними. Общій режимъ во всякомъ случаѣ ближе къ казарменному, и долечивающіеся раненые считаются не больными, а солдатами. Всѣ носятъ свою военную форму, обязаны вставать въ $\frac{3}{4}$ седьмого и являться на повѣрку. Больные раздѣлены по полкамъ, ротамъ и секціямъ. Во главѣ каждой секціи находится сержантъ, тоже изъ выздоравливающихъ.

Учрежденіе такого рода, особенно парижское, представляетъ собою огромную фабрику для „починки людей“: электризація, ванны, души, самые разнообразныя приборы и машины, служащія для упражненій рукъ, ногъ, пальцевъ, для пріученія ихъ къ продольнымъ и поперечнымъ движеніямъ, физико-терапия, механо-терапия, гидротерапія, радіотерапія, массажъ, залы для гимна-

стики, гдѣ руководятъ упражненіями опытные гимнасты, въ большинствѣ тоже изъ числа раненыхъ. И все это вмѣстѣ: машины, ванны, гимнасты, служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что испортить чело-вѣческую ногу или руку несравненно легче, чѣмъ ис-править.

Казимиръ, раненый на Ипрѣ, оставался въ орлеанскомъ лазаретѣ до февраля прошлаго года. Его отпра-вили затѣмъ на поправку въ Пиренеи, въ замокъ, предо-ставленный владѣльцемъ для безсемейныхъ и бездом-ныхъ выздоравливающихъ солдатъ. Самъ владѣлецъ оставался по ту сторону Пиреней. Сначала все шло прекрасно, но къ концу перваго мѣсяца вышло нехо-рошо: солдаты взломали дверь дворцоваго погреба ста-рыхъ винъ и въ очень короткій срокъ очистили его. Казимиръ боялся, что часть отвѣтственности ляжетъ и на него (онъ не ломалъ, но пилъ) и потому принялъ мѣры къ возможному сокращенію отпуска. Нога его уже не болѣла, но почти не сгибалась. Изъ орлеанскаго депо его отправили въ Парижъ, въ корпусъ физическаго возрожденія. Этотъ корпусъ въ Парижѣ занимаетъ мо-гучій Grand Palais, въ помѣщеніяхъ котораго, залахъ и безконечныхъ галлерейхъ, въ обычное время помѣ-щаются продукты искусства и техники. Сейчасъ въ немъ около двухъ съ половиной тысячъ „возрождаю-щихся“, да лазаретъ на 800 кроватей, да мастерскія, въ которыхъ обучаются и работаютъ выздоравливающіе. Большой Дворецъ—несомнѣнно наиболѣе широко по-ставленное учрежденіе этого рода во Франціи.

Ежедневно въ гимнастическомъ залѣ устраиваются игры и состязанія. Несмотря на ихъ принудительный характеръ, они захватываютъ иногда участниковъ за живое. Люди 35—40 лѣтъ, крестьяне, почтмейстеры, кабатчики, бѣгаютъ, какъ школьники, чтобы, въ каче-

ствѣ награды, получить конфету. Для больныхъ имѣются библіотеки и огромный концертный залъ. Ежедневно даются концерты. Въ первый періодъ наперебой выступали лучшія артистическія силы, начиная съ пѣвцовъ оперы и кончая куплетистами Монмартра. Наибогѣе теплый приѣмъ здѣсь встрѣчалъ знаменитый Монтегюсъ, радикальный пѣвецъ, ведшій кабарежную борьбу не на жизнь, а на смерть съ Клемансо, когда тотъ стоялъ у власти. Сейчасъ Монтегюсъ перестроилъ свою лиру съ социальнаго на національный ладь, но все же демократическая подописка не вовсе исчезла изъ его пѣсенъ, — и это подкупаетъ плебейскую аудиторію. Концертамъ нерѣдко предшествуетъ „бесѣда“ какого-нибудь изъ академиковъ. Тема бесѣды чаще всего художественная или историческая, но тенденція ярко политическая — въ сторону клерикализма и роялизма. „Mes chers blessés“, начинается „безсмертный“ и потомъ въ теченіе получаса вызываетъ судорожную зѣвоту у солдатъ безукоризненными академическими періодами. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, раненые нерѣдко безъ всякой почтительности выражаютъ г. „безсмертному“ свои подлинныя чувства. Въ послѣднее время академикъ не успѣваетъ раскрыть свои краснорѣчивыя уста, какъ изъ залы раздается нетерпѣливое „Mes chers blessés“, хоромъ, что весьма портитъ эффектъ вступленія. Нерѣдко раздаются изъ глубины зала убійственныя, хотя не всегда парламентскія, реплики, такъ что приходится выѣшиваться дежурному капитану и, взывая къ терпимости, возстановлять спокойствіе.

Двое раненыхъ устроили во дворцѣ розничную продажу газетъ: одинъ продаетъ уличную и правую прессу, другой — лѣвую. Подавляющее большинство солдатъ захватываютъ по газетѣ, идя на утреннюю повѣрку, и на террасѣ открывается единственная въ своемъ родѣ

картина .. полторы — двѣ тысячи солдатъ съ газетными листами въ рукахъ. Къ газетамъ всё относятся безъ большого уваженія и довѣрія. Тотъ молодеватый тонъ, какимъ большинство французскихъ журналистовъ до сихъ поръ пишетъ о жизни во фронтѣ, претить людямъ, перешедшимъ изъ фронта въ госпиталь. Они находятъ на газетныхъ столбцахъ свой траншейный жаргонъ, но часто перевернутый, свой траншейный бытъ, но всегда тенденціозно подкрашенный. Это раздражаетъ и оскорбляетъ ихъ. Но какъ только дѣло доходитъ до обобщеній, они теряютъ и, не вѣря прессѣ, оказываютъ въ большинствѣ своемъ безсильными что-либо противопоставить ей. Критическая мысль, однако, работаетъ и психологическое „перевоспитаніе“ идетъ параллельно съ физическимъ.

Послѣ обѣда—кормятъ сытно и хорошо—собираются нерѣдко въ огромномъ, крытомъ стекломъ дворѣ, вокругъ весело горящихъ печекъ, группы искалѣченныхъ людей съ трубками въ зубахъ. Вспоминаютъ, дѣлятся чувствомъ томительной неопредѣленности или разсуждаютъ о событіяхъ дня. Говорить о политикѣ возбраняется, но политика—та же природа: ее не выгонишь ни въ дверь, ни въ окно.

Продавщица въ магазинѣ Потена, съ которой до войны жилъ Казимиръ, пріѣзжала къ нему, однажды, въ орлеанскій госпиталь. Но встрѣча вышла холодной: послѣ всего пережитаго подруга показалась ему поверхностной, и онъ почти не находилъ темъ для разговора съ ней. Она послала ему еще одно или два открытых письма, потомъ отношенія прекратились. Въ Парижѣ Казимиръ былъ совершенно одинокъ. Онъ внимательно присматривался къ жизни окружавшихъ его раненыхъ и сталъ легче сближаться съ людьми.

Въ одной группѣ съ Казимиромъ упражнялъ на пяти аппаратахъ лѣвую руку винопѣль-южаннинъ Огюсть Ледюкъ. Онъ былъ въ своемъ батальонѣ конюхомъ, и въ самомъ началѣ войны его ударила копытомъ въ локоть лошадь. Ледюкъ лечился уже полтора года; изъ нихъ девять мѣсяцевъ во дворцѣ, но ничего не выходило: руку приходилось носить на перевязкѣ. Ему предлагали отрѣзать ее, но онъ не соглашался. У многихъ не хватаетъ теперь органа, а у Огюста есть органъ, который ему мѣшаетъ. Упражненія на аппаратахъ только утомляли его, нисколько не подвигая впередъ. Въ концѣ-концовъ его „реформировали“, т.-е. окончательно освободили и помѣстили въ школу для калѣкъ. Но и здѣсь ничего не вышло: рука мѣшала ему, онъ чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, у котораго на груди свертокъ. Одно изъ безчисленныхъ обществъ устроило его въ качествѣ портве въ магазинахъ Самаритень.

Особенно подружился Казимиръ съ молодымъ сенегальцемъ, пользовавшимся всеобщими симпатіями. Сенегалець пріѣхалъ въ Парижъ за годъ до войны, чтобы стать шофферомъ: на его родинѣ это было мечтой цѣлаго поколѣнія молодыхъ негровъ. Но это оказалось не легко, и молодой сенегалець, не дурно овладѣвшій французскимъ языкомъ, перебивался кое-какъ до начала войны, а затѣмъ ангажировался волонтеромъ. Во время атаки онъ получилъ сквозную штыковую рану въ ладонь, и послѣ того, какъ рана зажила, жилъ второй мѣсяць во дворцѣ, упражняя пальцы и кисть. Негръ все замѣчалъ, обо всемъ спрашивалъ и неутомимо пожиралъ книги и газеты. Какъ-то на концертѣ во дворцѣ одинъ изъ покровителей раненыхъ сдѣлалъ вслухъ снисходительное замѣчаніе о маленькомъ пегрос, проходя мимо него со своей дамой. Сенегалець промолчалъ, хотя въ глазахъ у него сверкнулъ огонекъ. Но когда

покровитель при слѣдующей оказіи взялъ его за подбородокъ и спросилъ: „*Ga va bien, mon petit négros*“ — сенегалець отвѣтилъ ему тѣмъ же самымъ, т.-е. взялъ покровителя своей здоровой лѣвой рукой за подбородокъ и отвѣтилъ: „*Et toi? tu te portes bien?*“. Это сразу создало молодому негру огромную популярность, и объ его „жестѣ“ потомъ въ теченіе недѣль говорили съ восхищеніемъ.

Въ Большомъ Дворцѣ Казимиръ прожилъ три мѣсяца. Затѣмъ начались для него снова—тѣ таинственныя передвиженія изъ города въ городъ, изъ одного депо въ другое, въ смыслѣ которыхъ солдаты никогда не отдають себѣ отчета. Въ концѣ-концовъ его признали еще негоднымъ для фронта и отправили долечиваться, на этотъ разъ, въ Ліонъ, гдѣ мы и встрѣтились съ нимъ послѣ полугодового промежутка.

Ліонскій корпусъ физическаго возрожденія оказался несравненно бѣднѣе парижскаго. На каждый аппаратъ приходится десятки раненыхъ, упражняются по очереди. Машинъ не хватаетъ и ихъ трудно достать, ибо большинство машинъ... нѣмецкаго происхожденія. Уже во время пребыванія Казимира въ корпусѣ на машинахъ вытравили клейма завода Зингера. Въ общемъ на леченіе уходитъ у каждаго полчаса—часъ въ день. Въ остальное время солдаты свободны, бродятъ по городу, заходятъ въ положенные часы въ кафе, читають газеты и страдаютъ отъ кафара (хандры).

Изъ 1500 душъ обитателей корпуса французовъ около половины. Остальные — англичане, бельгійцы, арабы, сенегальцы, индусы...

Англичане богаче всѣхъ, чище всѣхъ одѣваются и лучше всѣхъ кормятся. Они держатся отъ остальныхъ особнякомъ уже изъ-за одного языка. Индусы бродятъ и тутъ, какъ заблудившіяся тѣни. Изъ французскихъ

войскъ извѣстнымъ кастовымъ духомъ проникнуты зуавы. Когда французскій солдатъ хочетъ сказать „не чванься“, онъ говоритъ: „ne fais pas le zouave!“. На самомъ низу этой лѣстницы стоятъ африканцы. Имъ не хватаетъ даже подобія руководящей идеи, чтобы ориентироваться въ событіяхъ, вовлекшихъ ихъ въ свой водоворотъ. Далеко осталась родина, связи съ которой почти совершенно оборвались. Письма приходятъ оттуда очень рѣдко, а доходятъ ли туда—неизвѣстно. Газетъ арабы не читаютъ, ибо большинство ихъ по-французски знаетъ только команду. Такъ они и живутъ въ психической пустынѣ...

Къ „физическому перевоспитанію“ при помощи машинъ и электричества арабы относятся съ презрительной насмѣшкой фаталистовъ. Зато въ ихъ средѣ пользуются успѣхомъ рассказы объ арабахъ, совершившихъ необыкновенные подвиги или претерпѣвшихъ жестокия муки. Изъ устъ въ уста переходитъ у нихъ одинъ такой рассказъ, округлившійся уже до легенды, о молодомъ марокканцѣ, искалѣченномъ взрывомъ бомбы. Отецъ его, богатый арабъ, пріѣхалъ въ Парижъ навѣстить сына. Вошелъ утромъ въ Val-de-Grâce; тамъ ему указали залъ и койку. Видитъ, дѣйствительно, сынъ его, укрытъ одѣяломъ по шею. Подходитъ отецъ, но сынъ лежитъ неподвижно. — Что же ты не встанешь, сынъ мой? Что не протянешь рукъ, чтобъ обнять отца?—Сними, отецъ, одѣяло и узнаешь. Снялъ отецъ одѣяло и видитъ тѣло сына, безъ ногъ и безъ рукъ. Упалъ старый арабъ безъ памяти.

Бродя по ліонскимъ улицамъ въ часы, когда военнымъ нельзя входить ни въ рестораны, ни въ кафе, Казимиръ къ величайшему своему изумленію наткнулся на своего друга Куртоа, сельскаго рабочаго, который вынесъ его, раненаго, на спинѣ изъ удушливыхъ газовъ во время боевъ на Ипрѣ. Куртоа былъ раненъ въ тѣхъ

же мѣстахъ. Онъ отдыхалъ во второй линіи, въ овинѣ, считая себя въ полной безопасности. Взрывъ ядра пробудилъ его. Овинъ наполовину оказался разрушенъ и осколкомъ Куртоа изорвало бедро лѣвой ноги. „Его починили“ въ госпиталѣ, подержали два мѣсяца въ ліонскомъ корпусѣ и отпустили за непригодностью. Въ деревню его не тянетъ, и онъ остался въ Ліонѣ. Когда Куртоа на улицѣ, его калѣчество совершенно незамѣтно: онъ большого роста, крѣпокъ на видъ и не хромаетъ. Женщины не разъ смотрѣли на него съ презрѣніемъ, какъ на *embusqué* (укрывающагося), и на улицѣ полицейскіе часто спрашиваютъ у него документы. У Куртоа нѣтъ никакого знака отличія—ни ордена, ни медали. Да онъ и самъ считаетъ по чистой совѣсти, что отличать его не за что, такъ какъ раненъ онъ во время отдыха случайнымъ ядромъ. Но онъ хочетъ имѣть какой-нибудь знакъ, удостовѣряющій, что онъ раненъ, и притомъ именно на войнѣ.

О такомъ знакѣ для раненыхъ ведетъ хлопоты Морисъ Плонъ, одна изъ центральныхъ фигуръ ліонскаго корпуса. Коренастый, съ широкимъ лицомъ и бородой, Плонъ по судьбѣ своей и типу энтузіастъ-неудачникъ. У него безпокойный темпераментъ, явно неуравновѣшенная психика и масса познаній въ самыхъ различныхъ областяхъ. Онъ испытывалъ свои силы на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Съ начала войны онъ попалъ въ санитары. Ихъ было въ отрядѣ пять человекъ: журналистъ-парижанинъ, завѣдывавшій иностранной политикой въ одномъ консервативномъ журналѣ; клеркъ орлеанскаго нотариуса; богатый землевладѣлецъ; дирижеръ бальнаго оркестра, игравшаго въ *Hôtel Continental*, и Морисъ Плонъ. Въ этой артели Плонъ представлялъ начало тревоги и недовольства. Онъ препирался съ врачами, съ коллегами, но къ нему, за его чудаковатость

и доброту, относились хорошо. Въ выполненіи обязанностей санитаря онъ отличался большимъ мужествомъ. Въ концѣ-концовъ онъ получилъ пулю въ нижнюю часть спины, подбирая раненаго. Въ ліонскомъ корпусѣ Плонъ живетъ пятый мѣсяць, но все еще передвигается на двухъ костыляхъ. Это не мѣшаетъ ему вмѣшиваться во всѣ дѣла корпуса, заступаться, обличать и требовать. Вокругъ него всегда десятка два больныхъ, которымъ онъ что-нибудь объясняетъ съ газетой въ рукахъ, опираясь на свои костыли. За ораторство и за внѣшній видъ солдаты прозвали его „Жоресомъ“, и это имя укрѣпилось за нимъ. Плонъ велъ въ госпиталѣ и корпусѣ ожесточенную борьбу противъ клерикальной пропаганды, писалъ рапорты, требовалъ отвѣтовъ и всѣ свои бумаги прочитывалъ больнымъ въ крытомъ дворѣ корпуса, гдѣ завтракали и обѣдали. Когда товарищъ военнаго министра Годаръ издалъ свой направленный противъ клерикаловъ циркуляръ о полной терпимости въ госпиталяхъ къ вѣрованіямъ и взглядамъ больныхъ, это было высшимъ торжествомъ для Плона. Вечеромъ послѣ обѣда въ огромномъ залѣ, которому полторы тысячи солдатъ всѣхъ формъ и цвѣтовъ кожи придавали, особенно при ночномъ освѣщеніи, фантастическій видъ, Плонъ огласилъ циркуляръ, комментируя каждую фразу. „Браво, Жоресъ“, кричали слушатели, одни искренно, другіе съ добродушной ироніей, третьи автоматически. Только англичане молча наблюдали все происходившее. „Vive Jorès, bravo Jorès!“ кричали сотни голосовъ, когда Плонъ, закончивъ свою рѣчь, направлялся на своихъ костыляхъ къ выходу. Все шумѣло, аплодировало и волновалось. Можно было подумать, что французскій трибунъ воскресъ на собраніи искалѣченныхъ солдатъ...

На новые рельсы.

Абель Поаза, высокій, худой, съ рыжими усами, родомъ изъ Бетюна, былъ до войны маленькимъ журналистомъ, работалъ въ небольшой провинціальной газетѣ въ Бельгій; апогеемъ его дѣятельности была военная кампанія въ Марокко, которую онъ продѣлалъ въ качествѣ корреспондента „Petit journal“. Въ огонь попалъ съ перваго дня войны. Былъ раненъ—сперва въ руку; выдоровѣлъ; вернулся на фронтъ; былъ раненъ въ бокъ; долго лежалъ въ госпиталѣ; оправился; былъ признанъ негоднымъ къ военной службѣ и освобожденъ; но нашелъ всѣ мѣста въ прессѣ занятыми; бился; отправилъ жену въ Бразилію къ какимъ-то родственникамъ, а самъ поступилъ въ профессиональную школу и, проработавъ тамъ двѣ недѣли механикомъ, убѣдился, что слабъ; перешелъ въ другую, на дѣтскія игрушки, но и тамъ не пошло. Такъ онъ перемѣнилъ нѣсколько школъ и профессій. Въ концѣ-концовъ извѣстный академикъ Фредерикъ Массонъ, раздражающій раненыхъ длинными рѣчами, но и оказывающій имъ иногда практическія услуги, устроилъ бывшаго журналиста въ газовомъ обществѣ, и теперь Поаза, поддерживая рукою бокъ, бѣгаетъ по лѣстницамъ и записываетъ число потребленныхъ кубическихъ метровъ газа.

Повѣряя мой газометръ, онъ представился мнѣ, какъ коллега, признался, что единственной его страстью теперь является собираніе марокъ, и рассказалъ про свою жизнь въ походѣ, про свою разбитую „карьеру“ и, указывая на газометръ, закончилъ: „Il faut jajer la vie“.

Результат

Черезъ Поаза я познакомился со многими выброшенными изъ военной зоны и находящимися въ процессѣ приспособленія къ зонѣ „гражданской“. Этотъ процессъ почти незамѣтенъ для глазъ въ водоворотѣ нынѣшнихъ событий, но это большой процессъ. Природа хоронитъ и рождаетъ одновременно, не допуская перерыва. Такъ же и общество. Оно подвергаетъ теперь свои молодыя мужскія поколѣнія разнообразнымъ увѣчьямъ, — и въ то же время, принимая ихъ съ фронта и залечивая раны, стремится немедленно приспособить раненыхъ, увѣченныхъ, калѣкъ къ различнымъ общественнымъ функциямъ. Въ этомъ смыслѣ человѣческое общество еще разъ показало тѣмъ, кто хочетъ видѣть и учиться, что оно несравненно гибче, эластичнѣе и способнѣе къ измѣненіямъ, чѣмъ привыкли думать или утверждать защитники всяческихъ „основъ“.

За вычетомъ туберкулезныхъ, война создаетъ четыре типа калѣченія: ампутацію и анкилозъ (неподвижность) членовъ, глухонѣмоту, слѣпоту и обезображиваніе лица. Сообразно съ характеромъ поврежденія происходитъ и выборъ новой профессіи или перевоспитаніе для старей.

Первая школа для раненыхъ возникла въ Лионѣ уже въ декабрѣ 1914 г. по инициативѣ его мера, извѣстнаго радикальнаго сенатора Геррио. Послѣ того школы этого типа были созданы въ рядѣ городовъ. Раненыхъ обучаютъ счетоводству, дактилографіи, стенографіи, иностраннымъ языкамъ, выдѣлкѣ мелкихъ игрушекъ, брошировкѣ, сапожному дѣлу, портняжному и пр., и пр. Въ Бордо создава „нормальная“ школа, въ которой идетъ не только профессиональное обученіе раненыхъ, но и подготовка изъ ихъ среды штата ремесленныхъ учителей для новыхъ школъ. Французское министерство торговли имѣетъ даже школу въ... Германіи: въ одномъ изъ лагерей французскихъ плѣнныхъ организована шко-

ла, гдѣ плѣнные учителя обучаютъ своихъ раненыхъ товарищей ремесламъ, разумѣется съ разрѣшенія нѣмецкихъ военныхъ властей.

Нужно будетъ нѣсколько лѣтъ, чтобы приспособить къ труду всѣхъ тѣхъ, кого можно будетъ приспособить. Въ настоящее время это дѣло въ самомъ началѣ; врядъ ли больше двухъ тысячъ раненыхъ — если не считать слѣпыхъ — находится сейчасъ на профессиональной выучкѣ. Цифра ничтожная въ сравненіи съ общимъ количествомъ раненыхъ и искалѣченныхъ, среди которыхъ 80%, — по утверженію автора, специально занимающагося этимъ вопросомъ*), пригодны для профессиональнаго перевоспитанія. И такъ велика человѣческая способность къ иллюзіямъ, что цитированный нами авторъ мечтаетъ о возрожденіи локальной индустрии и производства предметовъ роскоши, словомъ тѣхъ отраслей, „которыя составляли нѣкогда богатство нашихъ ремесленниковъ и торговцевъ, а завтра составятъ залогъ нашей окончательной побѣды надъ германцами“. Поистинѣ можно думать, что для экономическаго возрожденія Франціи (на основѣ мелкаго производства) не хватало до сихъ поръ только сотенъ тысячъ калѣкъ.

Среди учениковъ этихъ новыхъ ремесленныхъ школъ, порожденныхъ войною, есть много такихъ, которымъ приходится переучиваться своему старому ремеслу, приспособляться къ хорошо знакомымъ инструментамъ при помощи новыхъ искусственныхъ органовъ, приучаться схватывать и держать вещи при посредствѣ руки — орудія или возстановливать зрительное равновѣсіе при наличности одного только глаза. Въ парламентъ внесли законопроектъ, которымъ государство должно обязаться каждому искалѣченному доставлять бесплатно

*) А.—L. Billard. „Les blessés au travail“, „Revue“, № 5—6, 1916.

нужный ему вспомогательный аппарат-костыль, механическую ногу, руку, искусственный глазъ и пр. и бесплатно починять ихъ. Но законопроектъ не сталъ еще закономъ, а министръ санитарнаго вѣдомства, д-ръ Годаръ, тшетно борется съ недостатчей механическихъ рукъ и ногъ. Тяжелая артиллерія работаетъ продуктивнѣе, чѣмъ новая отрасль національнаго производства.

Иногда приспособленіе къ старой профессіи совершается скоро и легко. Такъ въ одной изъ парижскихъ школъ меня познакомили со случаемъ механика Бланшара: прекрасный рабочій онъ въ качествѣ сержанта потерялъ на войнѣ глазъ при фрактурѣ лба. Глазъ ему вставили искусственный очень хорошій, но здоровый глазъ вышелъ изъ нормы: прямая линія видѣлъ кривыми. Бланшаръ считалъ, что его трудовая жизнь закончена. Ему предложили вступить въ школу, чтобы воспитать глазъ. Черезъ недѣлю онъ уже началъ работать нормально, а черезъ полтора мѣсяца перешелъ изъ школы на заводъ Шнейдера (Крезю), гдѣ сейчасъ въ качествѣ контръ-метра завѣдуетъ цѣлой мастерской.

Но сплошь да рядомъ раненымъ приходится совершенно отказываться отъ мысли о возвращеніи въ старую профессію и искать новую. „Этотъ процессъ перемѣщенія на рельсы новой профессіи, — говорилъ мнѣ директоръ одной изъ новыхъ школъ, — очень мучителенъ, и отсутствие руки или пальцевъ на рукѣ чувствуется въ первый періодъ съ удвоенной силой. Иные теряютъ мужество — не забывайте, что многимъ раненымъ свыше тридцати лѣтъ! — и уходятъ отъ насъ совсѣмъ или переходятъ въ другія школы на болѣе легкія профессіи. Вообще мы только у самаго начала этого опыта — возвращенія раненыхъ къ производительному труду, и сейчасъ очень трудно говорить о его возможныхъ результатахъ...

Жанъ Утрей, высокій и статный бондарь, активный

спидкалпсть, былъ раненъ въ Шампани, во время большого наступленія 23 сентября. Ему почти начисто оторвало руку, такъ что она оставалась только на небольшой лентѣ-кожѣ. Онъ самъ вошелъ въ помещеніе врачебнаго отряда, придерживая правой рукой лѣвую.

И когда ему ножницами перерѣзали полосу кожи, на которой висѣло то, что было недавно его рукой, и поливали затѣмъ іодомъ его рану, онъ лежалъ съ мятымъ сахаромъ во рту, блѣдный, какъ мертвецъ, но внѣшне спокойный, и говорилъ врачу: „хорошо, что лѣвая; придется, однако, перемѣнить профессію: теперь мнѣ въ самый разъ стать кассиромъ при синематографѣ“... Въ больницѣ на Michel Anje, гдѣ я познакомился съ нимъ, Утрей былъ общимъ любимцемъ и непреерекаемымъ авторитетомъ для молодыхъ солдатъ, особенно изъ городскихъ рабочихъ.

Рана его заживала на славу. Въ десяти минутахъ отъ лазарета жила его молодая жена съ двухлѣтней дѣвочкой. Утрей нѣсколько разъ перебирался по вечерамъ при помощи товарищей черезъ невысокій заборъ и уходилъ на ночь къ женѣ. Въ концѣ концовъ на него донесъ угреватый молодой сержантъ, легко раненый въ шею и по цѣлымъ днямъ читавшій католическія брошюры вперемѣшку съ уголовными романами.

По выходѣ изъ больницы Утрей поступилъ въ Парижѣ въ школу для раненыхъ, приспособленную изъ бывшей электротехнической школы для русскихъ эмигрантовъ. Теперь эта „Школа Рашель“ очень расширена: прибавилось нѣсколько новыхъ отдѣленій.

Утрей дѣлаетъ исключительные успѣхи въ точной слесарной работѣ; черезъ три недѣли онъ сдѣлалъ идеальный кубъ. Далѣе, онъ самъ „построилъ“ для себя лѣвую руку, каждый разъ усложняя и совершенствуя ея желѣзную „кисть“, которая состоитъ изъ щипцовъ—

маленькихъ тисковъ, колець и пр. Онъ утверждаетъ, что имѣеть даже перевѣсъ надъ нормальнымъ слесаремъ, такъ какъ одна рука его не устаетъ никогда. Утвердивъ вертикально на своей „кисти“ стальное полукольцо, на которое можно опирать кій, Утрей сталь побѣдоносно играть на билліардѣ.

Вотъ другой удачливый ученикъ. Сержъ Бассе былъ лимонадчикомъ. Его ранило въ лицо, онъ окривѣлъ и почти лишился носа. Старая хозяйка, у которой онъ раньше работалъ, поохала, но отказалась его принять: публика не привыкла, чтобъ ей подавали лимонадъ люди съ испорченнымъ носомъ; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, объяснять каждому покупателю, что пораненіе произошло на войнѣ. Бассе рѣшилъ перейти на другой трудъ и поступилъ въ школу. Онъ проявилъ исключительныя дарованія, прекрасно дѣлаетъ чертежи отъ руки, достигаетъ большой точности въ работѣ, и инженеръ предсказываетъ ему будущность первокласснаго слесаря.

Анри Шарле, краснодеревецъ; принадлежалъ къ набору 1913 года; участвовалъ въ бояхъ съ перваго дня войны и раненъ былъ 20-го августа прошлаго года. Ихъ батальонъ скрывался въ этотъ день въ овсяномъ полѣ подлѣ Моранжа. Отданъ былъ приказъ наступать перебѣжками. Люди побѣжали впередъ, подъ митральезнымъ огнемъ; потомъ прилегли; потомъ опять побѣжали. Потери были чудовищны и скоро отданъ былъ приказъ отступать. Но въ эту минуту Шарле упалъ, раненый семью митральезными пулями въ лѣвую ногу. Онъ лежалъ въ овсѣ три дня и ночи, среди мертвыхъ и раненыхъ, въ полузабытїи и мукахъ, освѣжая по утрамъ росой свои лихорадочныя губы. Въ концѣ концовъ его подняли вѣмцы, и черезъ часъ послѣ этого ему ампутировали ногу, пораженную гангреной. Его увезли въ Грофенворъ, въ Баварію, а оттуда вернули черезъ Швейцарію домой, при размѣнѣ тяжело-раненыхъ.

Шарле мѣсяца два присматривался, не зная, въ какую сторону податься. Безъ ноги, въ поискахъ новой профессіи онъ чувствовалъ себя въ извѣстной мѣрѣ такъ, какъ-будто ему приходится начинать жизнь сначала. Въ одномъ изъ безчисленныхъ комитетовъ его убѣдили остановиться на сидячемъ ремеслѣ сапожника. Шарле выдержалъ искусъ не дольше двухъ недѣль и теперь дѣлаетъ усилія устроиться шофферомъ.

Парижъ.

16-го марта 1916 года.

Въ вагонѣ.

(Рѣчи и мысли).

Бдешь въ Парижъ или изъ Парижа, въ сѣверномъ или южномъ направленіи, кажется, что вся Франція, т.-е. вся мужская Франція, т.-е. вся военная Франція, находится въ вѣчномъ передвиженіи. Передвигаются цѣлыя войсковыя части, ополченцы *auxiliaires*, колониальные и союзные отряды, отъ портовъ къ фронту, пермиссионеры („отпускные“) — домой и изъ дому, выздоравливающіе и „реформированные“, т.-е. уволенные на покой. Помимо специальныхъ воинскихъ поѣздовъ, обычные пассажирскіе полны людьми въ военной формѣ. Иногда нѣсколько такихъ теченій сливаются въ одно, затопляя на нѣсколько дней вагоны, поѣзда и вокзалы. Иногда два встрѣчныхъ потока сталкиваются на большой узловой станціи и образуютъ водоворотъ. Солдаты набиваются въ вагоны, какъ картофель въ мѣшокъ, но въ двери и окна все еще толкаютъ загорѣлые и потные люди въ каскахъ, картузахъ и фескахъ съ холщевыми мѣшками черезъ плечо. Кондуктора и начальники станцій, оглушенные хаосомъ вопросовъ, требованій и столкновеній, протискиваются съ широко раскрытыми глазами черезъ человѣческое тѣло, которое разливается по всѣмъ перронамъ и рельсамъ. Самое удивительное это не то, что отдѣльные солдаты въ концѣ-концовъ попадаютъ куда надо, а то, что въ этомъ водоворотѣ цѣлыя земляческія группы умудряются жить какой-то своей жизнью, совмѣстно кормиться и распѣвать хоромъ.

пѣсни, пуская въ круговую небольшой солдатскій мѣхъ съ виномъ. Иногда два человѣка съ просѣдью, подъ касками, внезапно останавливаются въ этой толпѣ другъ передъ другомъ съ выраженіемъ изумленія въ глазахъ, потомъ слѣдуютъ восклицанія и объятія. Солнце, которое въ первую половину дѣла находилось почти въ безвѣстной отлучкѣ, сейчасъ вспомнило, что, по Сологубу, ему полагается быть „Огненнымъ Зміемъ“, и жалить съ небесъ нещадными лучами. Пермиссіонеры, вѣдущіе съ фронта, везутъ съ собой, кромѣ глубоко вѣвшагося загара, щетину на щекахъ, и засохшую грязь траншей на сапогахъ и бархатныхъ штанахъ. Болѣе молодые, видимо, щеголяютъ этимъ боевымъ неряшествомъ и даже не безъ гордости говорятъ о своихъ *totos*: это теперь вошедшее во всеобщій оборотъ ласкательное названіе для мелкихъ, но очень неприятныхъ насѣкомыхъ. О нихъ уже существуетъ цѣлая литература, въ стихахъ и въ прозѣ.—У тебя нѣтъ *totos*?—удивленно говоритъ на рисунокѣ одинъ солдатъ другому при встрѣчѣ:— Да ты, вѣрно, *embusqué* (укрывающійся отъ службы на фронтѣ)?

Когда въ вагонѣ зашелъ разговоръ на эту популярную тему, молодой солдатъ снисходительно спросилъ меня, штатскаго, знаю ли я вообще, что такое *totos*. Я спокойно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ, что знаю очень хорошо, такъ какъ въ Россіи никогда не было недостатка и въ мирное время въ этихъ представителяхъ фауны (въ скобкахъ замѣчу, что сибирскія этапныя тюрьмы могутъ съ честью выдержать на этотъ счетъ сравненіе съ любой траншеей). Считаю себя въ правѣ утверждать, что мой отвѣтъ сразу поднялъ въ глазахъ собесѣдника мой престижъ... Возвращающіеся пермиссіонеры хорошо выбриты; сапоги у нихъ вычищены; платье заштопано; но вокругъ глазъ у нихъ точно дымка

недоумѣнія. Они ѣхали домой съ безформенными, но большими надеждами; недѣля отпуска казалась безконечной... а между тѣмъ шесть дней свободы и безопасности незамѣтно утекали между пальцевъ, а впереди опять все то же... Отпускъ солдатамъ дается, впрочемъ, все чаще. Помимо обычнаго, разъ въ три мѣсяца, увольняютъ на побывку по поводу болѣзни, или смерти въ семьѣ, а теперь начинаютъ отпускать по поводу рожденія ребенка. Этимъ путемъ, какъ поясняетъ откровенная пресса, надѣются достигнуть болѣе обильнаго набора въ 1936 г.

На марсельскомъ вокзалѣ—всѣ цвѣта человѣческой кожи во всѣхъ оттѣнкахъ военной формы. На запасныхъ рельсахъ неподвижно стоитъ поѣздъ, нагруженный неграми. Африканскіе солдаты сбились къ своимъ окнамъ, и изъ cadaго четырехугольника торчитъ наружу букетъ черныхъ головъ, бѣлыхъ зубовъ, цвѣтныхъ шапокъ, и нашивокъ. Долговязые англичане пьютъ вино и пиво, дарятъ подарки дѣвицамъ и, какъ полагается, поютъ нестройно „Типерари“. Поѣздъ берутъ штурмомъ, но все же съ соблюденіемъ французской обходительности. Всякія различія между вагонами трехъ классовъ исчезаютъ, что, впрочемъ, не препятствуетъ кондуктору потребовать съ васъ, какъ со штатскаго, приплату за первый классъ, если васъ туда втиснетъ человѣческой волной. Зато, внеся приплату, вы оказываетесь въ коридорѣ переполненнаго вагона совершенно запертымъ и ощущаете въ теченіе получаса на лѣвой ногѣ башмакъ матроса съ красной кисточкой на бѣлой фуражкѣ, а на спинѣ—совершенно отчетливый отпечатокъ пары сапогъ, прикрѣпленной къ чьему-то мѣшку. Дышать нѣтъ никакой возможности. Потъ струится со всѣхъ. Но матросъ, притиснувшій вашу ногу, не прерываетъ и въ этихъ условіяхъ своей пѣсни:

Je connais une tout' petite
Qui vous plaira tout de suite,

сообщаетъ овъ всему вагону на самыхъ высокихъ нотахъ своего регистра. Потомъ постепенно люди умудряются все же распредѣлиться такъ, что возможны оказываются не только разговоры, но даже кое-гдѣ и игра въ карты. Въ нашемъ купѣ прежде всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе четыре молоденькихъ матроса, красивые и шаловливые мальчики, ѣдущіе къ родителямъ въ Парижъ на побывку. Они съ самаго начала войны состояли кочегарами на военномъ суднѣ, которое крейсировало на Средиземномъ морѣ: очень тяжелая работа, признаются они, кромѣ того; приходилось иногда подолгу не ступать ногой на берегъ.

Служба моряковъ представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — *ma foi!* — большія преимущества. У солдата гораздо больше шансовъ быть искалѣченнымъ, чѣмъ убитымъ. Тогда какъ у моряка дѣло стоитъ начистоту: либо ты живъ и здоровъ, либо идешь ко дну вмѣстѣ съ судномъ. Но что тяжело, такъ это оставаться исключительно въ мужскомъ обществѣ.

, Вы понимаете, *madame*, — обращается одинъ изъ нихъ къ своей *vis-à-vis*, дамѣ лѣтъ 35 съ академическимъ реакціоннымъ „*Echo de Paris*“ въ рукахъ и съ какимъ-то сердечкомъ на груди: — два мѣсяца не выходитъ на сушу для молодыхъ людей, какъ мы, ... вы понимаете, тутъ есть свои трудности. *Lemogale en souffre plutôt...*“ Дама понимающе опускаетъ глаза.

— А есть ли у васъ на суднѣ *aumonier* (священникъ)? — спрашиваетъ она, снова поднимая глаза послѣ паузы.

— *Quand à sa...* — отвѣчаетъ безъ особенной почтительности матросъ, — у *en a*. Съ нашивками и на капитанскомъ жалованьи. Онъ все приглашаетъ насъ на *messu*, но ходить къ нему десятокъ, не больше — на семьсотъ душъ экипажа.

— Почему же?—спрашиваю я матроса.

— *C'est trop vieux*,—отвѣчаетъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій.—*Oui c'est trop vieux*,—подтверждаютъ остальные.

Благочестивая спутница снова опускаетъ глаза, но уже съ видомъ огорченія. Матросикъ, однако, не унижается. Онъ, конечно,—*ma foi*—никому не захочетъ запретить молиться, но вачѣмъ же тѣ, которые ходятъ на мессу, получаютъ черезъ кюрэ всякія поблажки. Это не хорошо. На пароходную машину навѣшаны разные католическіе амулеты, а между тѣмъ въ командѣ есть атеисты, *libre-penseur*ы протестанты, евреи.—*Je vous demande, madame, ou car est la justice?*

— А вотъ нашъ кюрэ,—говоритъ стоящій въ дверяхъ зуавъ, въ своемъ родѣ молодець. Онъ бродитъ въ тиши затишья по траншеямъ, калякаетъ съ солдатами, угощаетъ ихъ папиросами, и вовсе не пристаетъ къ намъ съ религіозными бесѣдами, такъ какъ знаетъ, что этимъ немного возьмешь. Но при случаѣ онъ всегда вставляетъ свое словцо... Разъ мы вчетверомъ распивали бутылку вина, которую привезъ намъ циклисть изъ сосѣдней деревни. Глядимъ: передъ нами кюрэ. Онъ пожалъ всѣмъ руки, спросилъ о письмахъ изъ дому, потрепалъ одного—другого по плечу, потомъ кивнулъ на бутылку и говоритъ: „Только еще и остались двѣ хорошія вещи на свѣтѣ: le pinard (вино) et le bon Dieu“: —Какъ вамъ это понравится, *madame*?

Но благочестивая дама уклоняется отъ отвѣта. Она заводитъ вполголоса разговоръ со своимъ сосѣдомъ, болѣзненно-пухлымъ блондиномъ съ нашивкой лейтенанта. А у матросовъ вспыхиваетъ внезапно споръ о причинахъ войны, отвѣтственности за нее, силахъ противниковъ, развитіи техники, новыхъ изобрѣтеніяхъ, англійской политикѣ... Они горячатся, передразниваютъ

другъ друга, привлекаютъ все новые доводы, усложняя безъ конца предметъ спора, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ, совсѣмъ потерявъ нить собственной аргументаціи и выбившись изъ силъ, предлагаетъ всѣмъ примириться на признаніи, *que nous tous ne sommes pas à la hauteur de la question* (что мы всѣ—не на высотѣ вопроса). Такъ какъ его антагонисты, однако, не затихаютъ, то онъ вынимаетъ изъ холщеваго мѣшка, завязаннаго хитрымъ морскимъ узломъ, сардины, ветчину, хлѣбъ, мѣхъ съ виномъ, апельсины, конфеты, и, охваченный восторгомъ по поводу скорого пріѣзда въ Парижъ, начинаетъ угощать всѣхъ, упрашивая не стѣсняться. Угрюмый колониальный сержантъ, гигантъ съ рыжими усами и якорями на воротникъ, долго отказывается, опасаясь уронить передъ мальчиками свое достоинство, но не выдерживаетъ характера и съ ожесточеніемъ набрасывается на сардины и ветчину.

Достать по пути какую-нибудь пищу крайне трудно потому что почти невозможно пробраться до буфета, а еще труднѣе затѣмъ вернуться въ свой вагонъ. Поэтому весь поѣздъ томится голодомъ.

— Прежде,—мечтательно говоритъ маленькій сутулый винодѣлъ съ прострѣленной щекой,—здѣсь на пути дамы на всѣхъ большихъ станціяхъ выносили солдатамъ кофе, какао, молоко. А теперь...

— Война длится слишкомъ долго, *mon vieux*.—отвѣчаетъ ему одинъ изъ матросовъ:—*elles sont fatiguées*.

Поѣвъ, выпивъ и закусивъ, матросы затѣваютъ споръ о качествахъ и цѣнахъ табака въ разныхъ странахъ Европы и Африки.

Въ купѣ къ намъ протискивается тѣмъ временемъ молодой альпійскій стрѣлокъ изъ тѣхъ общительныхъ натуръ, которымъ нужно обойти весь поѣздъ, всѣхъ повидать и всѣмъ все рассказать: первымъ дѣломъ—о

марсельскихъ шпионахъ, которые подаютъ сигналы нѣмецкимъ сумаренамъ въ Средиземномъ морѣ, потомъ о какомъ-то таинственномъ плѣнникѣ, на которомъ нашли свертки золота на огромную сумму, наконецъ, о самоубійствѣ кронпринца подѣ Верденомъ... Но этого уже матросики не выдержали, подняли на смѣхъ словоохотливаго стрѣлка, а затѣмъ въ утѣшеніе угостили его краснымъ виномъ.

На одной изъ станцій стоитъ поѣздъ съ австралійскими солдатами анзаками. Anzacs—отъ инициаловъ Australia New-Zealand-corps. Въ сравненіи съ французами они всѣ кажутся гигантами въ своихъ широкополыхъ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами. Разговоръ естественно переходитъ на нихъ.

— Очень спланный народъ,—говорятъ матросы,—и, *mais un peu sauvage*. Австраліецъ никогда не позволитъ вамъ заплатить за себя: вы съ нимъ въ кафе пьете и курите, онъ платитъ. Если вы отказываетесь,—конецъ... Мы съ ними въ Александріи часто встрѣчались. Одинъ австраліецъ увидалъ на улицѣ, какъ кондукторъ ссадилъ мальчика съ трамвая,—тотъ ѣхалъ безъ билета. Австраліецъ запротестовалъ, но вагонъ тронулся. Солдатъ—за трамваемъ, но кондукторъ не обращаетъ вниманія. И что же: солдатъ обогналъ вагонъ, вскочилъ на рельсы и разставилъ руки. Вагонъ остановили. Тогда онъ посадилъ мальчика въ вагонъ, уплатилъ и пошелъ своей дорогой. *C'est geneux, mais un peu sauvage*. Канадцы въ томъ же родѣ: съ ними нужно быть насторожѣ. Разъ мы сидѣли въ кафе: французскіе матросы, канадецъ, американецъ, и еще кой-кто. Немного выпили. Американецъ вдругъ говоритъ: „А все-таки нѣмцы сильнѣе французовъ и англичанъ“. Разъ сидишь въ компаніи, то такихъ вещей не говорятъ, не правда ли? Но мы пропустили мимо ушей. Не поднимать же ссору?

Но канадец сейчас же всталъ: „Что ты сказалъ?“ Тотъ повторилъ свои слова: онъ былъ уже слегка выпивши, къ тому же съ нами были женщины. „Можетъ быть, нѣмцы и сильнѣе французовъ съ англичанами,— отвѣтилъ ему канадецъ,—этого я не знаю, но я знаю, что канадецъ сильнѣе янки. Защищайся“. И онъ тутъ же избилъ его такъ, что американецъ три мѣсяца лежалъ въ госпиталѣ.

Колоніальный сержантъ, испытывающій къ матросамъ благодарность за угощеніе, вмѣшивается въ разговоръ и рассказываетъ о сомали, которыхъ онъ недавно доставлялъ изъ Африки въ Марсель: тѣ вотъ дѣйствительно дики, когда поссорятся, то откусываютъ другъ другу ухо.

На разсвѣтѣ, послѣ мучительной ночи, мы прибыли въ Ліонъ.

I.

Тамъ картина человѣческаго потопа: войска всѣхъ родовъ оружія и всѣхъ цвѣтовъ кожи. Группа солдатъ, составивъ ружья въ козла и совершенно раздѣвшись до пояса, моется подъ краномъ на перронѣ. Ліонскій вокзалъ никогда не видѣлъ такихъ сценъ: это—нравы траншей. Но то, что мы застали позже въ Двинскѣ, совершенно не поддается описанію: человѣческое наводненіе достигло высшей своей точки. Шагая черезъ колѣни, ноги и руки, я протиснулся черезъ вагонную дверь, рѣшивъ во что бы то ни стало пробраться до буфета. Подхваченный какимъ-то попутнымъ теченіемъ, я скоро оказался въ подземномъ коридорѣ, ведущемъ къ вокзальному зданію. Но тутъ каждый кубическій сантиметръ пространства былъ уже занятъ человѣческимъ тѣломъ и вся эта потная, сопящая и кричащая масса уплотнялась подъ давленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Продвинуться

впередъ не было никакой возможности. Но и для того, чтобы вернуться въ вагонъ, понадобились почти героическія усилія... Теперь въ купѣ прибавился новый человекъ: низкорослый, крѣпкій брюнетъ съ высокимъ лбомъ и умными спокойными глазами, чуть покрытыми пленкой усталости. На рукавѣ потертой бархатной куртки видны нашивки капрала. Онъ, не вынимая изо рта трубки, внимательно приглядывался ко всѣмъ, слушалъ разговоры, какъ человекъ, привыкшій все отмѣчать, но самъ молчалъ. Его спросили, гдѣ онъ былъ въ послѣднее время.—Съ февраля подъ Верденомъ, а съ іюня на Соммѣ,—отвѣтилъ онъ послѣ небольшой паузы, точно сомнѣвался, отвѣчать ли. Всѣ переглянулись и замолчали, опустивъ глаза подъ гнетомъ мысли о томъ, что пережилъ этотъ человекъ...—Значить, у васъ было не мало свиданій съ бошами?—спросилъ не то покровительственно, не то заискивающе колониальный сержантъ, профессиональный солдатъ, еще не выдавшій траншей. Капралъ съ трубкой ничего не отвѣтилъ.

—А что они тамъ дѣлаютъ на Соммѣ... боши?—спросила благочестивая дама.

—Нѣмцы?—поправилъ ее капралъ...—Они дѣлаютъ то же, что и мы...

Онъ поднялся, пробился въ коридоръ и сталъ у окна...

—Этотъ человекъ кое-чего насмотрѣлся подъ Верденомъ и на Соммѣ,—сказалъ вполголоса одинъ изъ матросовъ. И въ купѣ на нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе.

Я вышелъ изъ купѣ вслѣдъ за капраломъ, который заинтересовалъ меня.—Разговоры утомляютъ васъ?—Нѣтъ, наоборотъ, у меня есть даже потребность разговаривать, но я не выношу тона этихъ профессиональных сержантовъ и дамъ, питающихся нашей патриотической печатью.

Мы познакомились. Онъ оказался бывшимъ рабочимъ — углекопомъ, послѣдніе годы занималъ видное мѣсто въ синдикальномъ движеніи, и его имя не разъ встрѣчалось въ отчетахъ о національныхъ и интернаціональныхъ сѣздахъ профессиональныхъ организацій. Онъ говорилъ съ той спокойной увѣренностью честныхъ и умныхъ наблюдателей, которая покоряетъ съ двухъ словъ.

Сейчасъ въ траншеяхъ, главнымъ образомъ, крестьяне, мелкіе служащіе и рабочіе. Адвокаты, журналисты, предприниматели естественно вышли въ офицеры; многіе устроились въ организаціи тыла или въ военной промышленности. Значительная часть рабочихъ тоже занята въ промышленности. Въ траншеяхъ поэтому больше всего крестьянъ и они видятъ это...

Въ моемъ полку большинство, впрочемъ, состоитъ изъ углекоповъ. Мы, шахтеры, переносили траншейную жизнь легче другихъ. Профессія приучила насъ оставаться мѣсяцы и годы подъ землей въ условіяхъ, очень близкихъ къ траншейнымъ. Обращаться съ взрывчатыми веществами и закладывать мины намъ приходилось не разъ. Что такое удушливые газы, мы знаемъ гораздо раньше, чѣмъ ихъ мобилизовала химія войны. Шахтеръ — фаталистъ; онъ привыкъ къ мысли, что смерть или увѣчье могутъ каждую минуту свалиться на него, а это сознаніе не мѣшаетъ ему методически работать. Тѣ же опасности и невзгоды окружаютъ его и въ окопахъ, только въ сгущеномъ видѣ. Другое дѣло — крестьянинъ: онъ хоть и привязанъ къ землѣ, но сверху; ему нуженъ открытый горизонтъ, и въ траншеѣ его нерѣдко одолеваетъ кафаръ (хандра)...

Бываютъ, однако, дни и часы, которые одинаково невыносимы для углекоповъ и крестьянъ, для солдатъ и офицеровъ, — это время артиллерійской подготовки. То,

что понималось подъ этимъ именемъ въ началѣ войны, не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ. Тогда приходилось имѣть дѣло, и на нашей и на нѣмецкой сторонѣ, преимущественно съ орудіями одного типа. Въ самомъ артиллерійскомъ грохотѣ была однородность, которая легче допускала нервное приспособленіе. Наконецъ, количественно артиллерія возросла за время войны въ фантастическихъ размѣрахъ. Ужаснѣе всего непрерывность стрѣльбы изъ сотенъ пастей разнаго калибра. Каждый звукъ страшенъ по-своему и всѣ они безъ темпа и ритма сливаются въ неопиcуемый и невыносимый грохотъ, который таитъ въ себѣ всегда новыя неожиданности, и отъ котораго никуда нельзя уйти... Часъ—два такой музыки доводитъ васъ до состоянія, близкаго къ безумію...

Потомъ капралъ переводитъ разговоръ на французское рабочее движеніе. Онъ называетъ имена. Даетъ спокойныя и мѣткія характеристики, говоритъ о своихъ разочарованіяхъ въ цѣломъ рядѣ людей и о своихъ надеждахъ. Такъ мы проводимъ у окна больше часа, потомъ возвращаемся въ купэ.

—О, варвары!—говоритъ дама, вычитывая что-то въ своей газетѣ.

—Вы здѣсь все еще повторяете это слово,—говоритъ ей въ упоръ капралъ.—Мы же тамъ научились относиться съ презрѣніемъ къ газетамъ, которыя пустили его въ оборотъ... Въ прошломъ году осенью мы заняли нѣмецкую траншею и взяли нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. Я провожалъ его вторую линію. Тамъ сейчасъ собрались повара, циклисты, вообще тѣ, кто въ безопасности на фронтѣ,—глядѣтъ на плѣнныхъ. Солдаты первой линіи относятся къ плѣнникамъ спокойно, во второй и третьей линіи—встрѣчаются уже нерѣдко назойливость и грубость.

Поймавъ на себѣ нѣсколько вызывающихъ взглядовъ и уловивъ нѣсколько замѣчаній, офицеръ выпрямился и сказалъ по-французски: „Nous sommes des soldats, comme vous!“ И помню также большое впечатлѣніе произвели на меня тогда эти простые слова, сказанныя со спокойнымъ достоинствомъ.—„Des soldats comme vous!“

И еще прибавлю, что у этихъ людей, которыхъ журналисты, засѣдающіе въ хорошо освѣщенныхъ окнахъ своихъ редакцій, называютъ варварами, намъ приходится многому учиться... Такъ, напримѣръ, ихъ траншеи и до сихъ поръ еще лучше нашихъ, это намъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и имъ, потому что намъ не разъ приходится захватывать траншеи другъ у друга. Мы, напримѣръ, до сихъ поръ спали на землѣ, покрывая ее соломой, которая смѣшивается со всякими стѣбками. Отъ этого заводятся вши и крысы. Нѣмецкіе же солдаты устраиваютъ у себя деревянные нары на высотѣ полуметра отъ земли и выше, мѣста у нихъ всегда обозначены номерами. Это какъ будто бы мелочь, но люди, которые въ теченіе двухъ лѣтъ упорно борются съ принижующимъ дѣйствіемъ траншейныхъ условій и не хотятъ спать на землѣ, покрытой вшивой соломой, уже этимъ однимъ показываютъ, что они не варвары...

II.

Французы, англичане, индусы, негры, австралійцы, канадцы — никогда еще Франція не видала такого столпотворенія. Всѣ пять частей свѣта развернулись передъ нами на пути между Марселемъ и Парижемъ. Это перемѣщеніе и взаимопроникновеніе человѣческихъ массъ является, можетъ быть, однимъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ всей войны. Было не мало сказано — а самое

главное еще только будетъ сказано насчетъ того, что эта война возвращаетъ насъ различными путями къ культурѣ давно отошедшихъ эпохъ. Но въ то же время она разрушаетъ наиболѣе могущественныя матеріальныя и духовныя связи наши съ средневѣковьемъ.

Общество человѣческое развивается негармонично во всѣхъ смыслахъ. Оно не только разбито на антагонистскіе классы, вырастающіе изъ одной и той же исторической основы, но и заключаетъ въ себѣ рядомъ разныя и культурныя функціи, которыя по типу своему отдѣлены другъ отъ друга вѣками. Въ Россіи мы имѣемъ въ одной плоскости всѣ этапы человѣческой культуры; отъ варварски кочевого быта и до новѣйшихъ формъ промышленной жизни. Если въ другихъ странахъ контрасты не такъ кричащи и наглядны, то они все же въ высшей степени глубоки. Крестьянское хозяйство съ его непосредственной зависимостью человѣка отъ земли всюду еще занимаетъ много мѣста въ общественной жизни. На ряду съ нимъ стоятъ безчисленныя промежуточныя созданія въ ремеслѣ и торговлѣ. Если за единицу измѣренія принять ту цѣнность, которую производитъ въ мѣсяцъ или въ годъ рабочій, крестьянинъ, ремесленникъ, то нетрудно убѣдиться, что во всѣхъ передовыхъ странахъ промышленный пролетаріатъ давно уже сталъ рѣшающей хозяйственной силой. Но бытовое, духовное, политическое значеніе старыхъ общественныхъ группъ — крестьянства и мелкой буржуазіи — несравненно больше, чѣмъ ихъ нынѣшняя роль.

Въ хозяйственно пережившихъ себя группахъ лишь крѣпче и ярче выражена связь наша съ прошлымъ и съ его главными чертами: прикрѣпленностью къ мѣсту, ограниченностью горизонта, недоверіемъ и враждебностью ко всему новому, неиспробованному, чужеземному... Но та же связь, какъ косная сила, живетъ и въ

сознанія самыхъ передовыхъ общественныхъ группъ, рабочихъ, — социалистовъ, образуя нерѣдко неразъѣдную критикуй подоплеку его. Правда, современная промышленность стала мировой. Но это превращеніе захватило непосредственно въ гораздо большей мѣрѣ круговоротъ вещей, чѣмъ людей. Товары стали гражданами міра, а люди, которые ихъ создавали, оставались приросшими не только къ національной, но и къ провинціальной скорлупѣ. И если война выросла изъ *новѣйшихъ* империалистическихъ противорѣчій, то тѣ массовыя психологическія явленія (патріотизмъ, национализмъ), какія возникли непосредственно на ея основѣ, вызваны тяжеловѣсными матеріальными и духовными связями массъ съ средневѣковьемъ. Вотъ эти-то традиціонныя связи война и разрушаетъ своими варварскими приемами.

Поразительно въ своемъ родѣ, что война во всѣхъ странахъ наиболѣе поражаетъ именно тѣ слои, которые хозяйственными корнями своими сидятъ въ прошлой эпохѣ: крестьянство, ремесленно-торговое мѣщанство и вообще мелкій людъ. Совершенно очевидно прежде всего, что именно эти слои скорѣе всего экономически разоряются отъ войны. Но и чисто физически они въ большемъ, чѣмъ другіе, числѣ сходятъ со сцены. Многочисленные кадры пролетаріата и профессиональной интеллигенціи мобилизуются военной промышленностью и такимъ образомъ выводятся изъ линіи огня: Крестьяне, мелкая буржуазія и неквалифицированные рабочіе составляютъ главную массу пѣхоты.

Но война не только истребляетъ старые общественные слои, она по-своему и перевоспитываетъ ихъ. Прежде всего разбивается осѣдлость — и какъ фактъ и какъ психологическій складъ. Никогда еще такое количество людей не вырывалось изъ привычныхъ условій суще-

ствования. Крестьяне, не покидавшие села, ремесленники, которые никогда не были в Парижъ и для которыхъ путешествіе въ главный городъ департамента уже составляло событіе, перевидали за время войны столько городовъ, людей и событій, сколько они сами и ихъ отцы не видали въ теченіе ряда десятилѣтій. Всѣ старыя мѣрки: семейныя, домашнія, провинціальныя, профессиональныя оказываются совершенно непригодными для размаха событій.

Сейчасъ въ грохотъ войны, который одновременно и пробуждаетъ и оглушаетъ, эти духовныя преобразованія не такъ замѣтны. Но завтра они обнаружатся съ полной силой. Южный винодѣль, который въ теченіе двухъ лѣтъ сражался бокъ-о-бокъ съ англичанами, индѣйцами, неграми, потомъ русскими, бралъ нѣмецкія траншеи, наблюдалъ плѣнныхъ, сопоставлялъ, вынужденъ былъ оцѣнивать качества русскаго административнаго аппарата и шансы греческаго и румынскаго вмѣшательства, — этотъ винодѣль выйдетъ изъ войны создѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ вошелъ въ нее, — если онъ, разумѣется, выйдетъ изъ нея... Еще въ большей мѣрѣ это относится къ городскому рабочему, какъ психически болѣе подвижному и воспріимчивому типу. Несмотря на колоссальный взрывъ національныхъ страстей (лампа тоже ярко вспыхиваетъ, прежде чѣмъ потухнуть), эта война въ конечномъ счетѣ поднимаетъ на небывалую раньше высоту чувство „универсальности“, сознание неразрывной связи судьбы человѣка съ судьбой *всего* человечества. Выйдя изъ окоповъ и очнувшись отъ пламени, грохота и дыма, человѣкъ не вернется въ прежнюю духовную скорлупу. Никогда! Онъ уже не будетъ считать „міромъ“ собраніе своихъ односельчанъ. Онъ станетъ подводить итоги, искать новыхъ, болѣе широкихъ критеріевъ, и прежде всего онъ освободится отъ многихъ

традиціонныхъ фетишей. Онъ получитъ небывалый вкусъ къ критикѣ и, что не менѣе важно, — къ дерзанію. Можетъ быть, впервые онъ станетъ по настоящему тѣмъ, чѣмъ видѣлъ его Аристотель: политическимъ животнымъ.

Если главной психической чертой считать слѣпую традицію, а духъ новой эпохи искать въ стремленіи внести всюду разумъ: въ технику производства, въ политику, въ экономическія отношенія, то можно съ полнымъ правомъ сказать, что испытанія и опытъ войны должны придать совершенно новый размахъ тому процессу всесторонняго социальнаго обновленія, который такъ лѣниво, съ остановками и попятными движеніями совершался въ теченіе прошлаго столѣтія. А это значитъ, что мы вступаемъ въ эпоху великихъ потрясеній.

7 сент. 1916 г.

Государственное Издательство.

(Бывш. Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“).

МОСКВА:

1) Срѣтенка, (уг. Рыбникова п.),
д. 8. Тел. 3-15-00; 4-70-48.

ПЕТРОГРАДЪ:

1) Поварской п., д. № 2, кв. 9
и 10. Тел. 2-27-42.

- Ленинъ. Изъ исторіи соц.-демократ. аграрной программы.
" Аграрная программа соц.-демократ. въ I-й русской революціи.
" Новые данныя о законѣ развитія капитализма (Соедин. Ш.).
Союзъ рабочихъ и крестьянъ. Ц. 75 к.
Мещеряковъ. Национализация земли (разошл.).
И. Степановъ. Потреб. о-ва и рабочій классъ. Ц. 2 р. 50 к.
" Религія, духовенство, его доходы и проклятія. Ц. 4 руб.
" Отъ рабоч. контроля къ рабоч. управленію. Ц. 2 р. 50 к.
" Жанъ Поль Марать. Ц. 60 к.
Преображенскій. О крестьянскихъ коммунахъ. Ц. 60 к.
" Анархизмъ и коммунизмъ. Ц. 2 р. 30 к.
Росси. Крестьянское движеніе въ Сициліи. Ц. 4 р.
Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ. Ц. 15 руб.
Шлихтеръ. Къ вопросу о рентѣ. Цѣна 7 р.
В. М. Бончъ-Бруевичъ. Систем. указатель для составл. соц. библи. Ц. 2 р.
Влад. Бончъ-Бруевичъ. Духоборцы въ Канадскихъ преріяхъ. Ц. 9 р.
" " Къ исторіи русскаго духоборчества. Ц. 8 р.
" " Новый Израиль. Ц. 8 р.
" " Среди сектантовъ. Ц. 6 р.
" " Изъ міра сектантовъ. Ц. 6 р.
" " Волненія въ войскахъ и военныхъ тюрьмахъ. Ц. 3 р.
Каменевъ. Библиографич. указатель загранич. соц.-дем. литературы (печ).
" Борьба за миръ. Ц. 2 р.
Коллонтай. Общество и материнство. 2 тома (печат.).
" Семья и коммунистическое государство. Ц. 35 к.
" Работница за годъ революціи. Ц. 50 к.
" Работница-мать. Ц. 60 к.
М. Гедъ и П. Лафаргъ. Программа рабочей партіи, ея основанія и
комментаріи къ ней.
И. В. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. Ц. 7 р. 50 к.
Великая французская революція. Ц. 90 к.
Дыбенко. Въ нѣдрахъ царскаго флота. Ц. 5 руб.
Алтаевъ. Люди и людшки. Ц. 2 р. 75 к.
Ногинъ. На полюсъ холода. Ц. 16 руб.
Ольминскій. Изъ прошлаго (печат.).
„Приливъ“. Сборн. статей. Ц. 12 руб.
Самойлова. Всероссийское совѣщаніе и орг. работницъ. Ц. 1 р. 50 к.
М. Горькій. Мать (печат.).
" Макаръ Чудра и др. разск. (печат.).
Серафимовичъ. Лихорадка и др. разск., т. II. Ц. 10 р.
" Живая тюрьма, т. III. Ц. 10 р.
" На рѣкѣ и др. разск., т. IV. Ц. 10 р.
Коммунистическая партія и организ. работницъ. Ц. 10 р.
Германъ Гортеръ. Историческій материализмъ. Ц. 12 руб.

Государственное Издательство.

(Бывш. Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“).

МОСКВА:

1) Срѣтенка. (уг. Рыбникова п.),
д. 3. Тел. 3-15-00; 4-70-48.

ПЕТРОГРАДЪ:

1) Поварской п. д. № 2, кв. 9
и 10. Тел. 2-27-42.

ОТДѢЛЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

И. СТЕЦАНОВА,

при участіи: Н. Вузарина, П. Дауге, Г. Зиповьева, Ю. Каменева,
Н. Ленина, А. Луначарскаго, Н. Мещерякова, В. Оболенскаго,
М. Ольминскаго, В. Орловскаго, М. Покровскаго, В. Смирнова,
Ю. Стеклова и друг.

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. Собраніе сочиненій.

Все изданіе—близкое къ полному собранію сочиненій—составитъ до 28 томовъ по 25—30 листовъ (400—500 стр. большого формата). Въ это юбилейное изданіе войдутъ какъ всѣ работы, появившіяся до сихъ поръ въ Германіи и Англии отдѣльными изданіями, такъ и работы, разсыяныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Въ настоящее время печатаются и подготовлены къ печати:

Томъ I. **И. Ф. Мерингъ. К. Марксъ. Исторія его жизни.**

Томъ II. **К. Марксъ. „Нищета философіи“ и Критика политической экономіи.**

Томъ III. **К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Собраніе историческихъ работъ: („Борьба классовъ во Франціи“), „18-е брюмера“. „Революція и контръ-революція въ Германіи“. „Марксъ передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ“. „Разоблаченіе о кельнскомъ процессѣ коммунистовъ“. „Гражданская война во Франціи“.**

Томъ IV—VII. **К. Марксъ. „Капиталь“. Томъ I—III.**

Томъ VIII. **Ф. Энгельсъ. „Положеніе рабочаго класса въ Англии“ и „Крестьянская война въ Германіи“.**

Томъ IX. **Ф. Энгельсъ. „Анти-Дюрингъ“ и „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства.“**

Приняты мѣры для ускоренія печатанія.

Вышелъ и поступилъ въ продажу томъ V („Капиталь“, томъ II), заканчивается печатаніемъ томъ IV („Капиталь“, томъ I) по новому нѣм. изд., переработанному К. Каутскимъ.

